

Шесть главных психологических правил PR-деятельности

Е. Н. Богданов

Аннотация: в статье рассматриваются журналы. Подразделения по «связям психологические проблемы организаци PR-деятельности. Предложен авторский подход в соответствии с перечисленным списком правил.

Ключевые слова: акмеология, PR-деятельность, двустороннее общение, публичные взаимосвязи, общественная деятельность, профессиональная деятельность.

Abstract: this article discusses the psychological problems of PR-activities. An author's approach in accordance with the listing rules.

Keywords: akmeologiya, PR-activities, two-way communication, public relations, social activities, professional activities.

Термин «публик рилейшнз» (англ. *public relations*—публичные взаимосвязи, сокращенно PR) быстро и прочно вошел в наш лексикон, вытеснив привычное для слуха слово «пропаганда» и родственные ему понятия. У нас в стране это словосочетание принято трактовать как «связь с общественностью». При этом само понятие «общественность» трактуется очень широко: как общественные организации, потребители, партнеры, персонал фирм или предприятий, граждане и пр. Потребность в такой деятельности стала действительно высокой, поэтому очень быстро появились специализированные PR-агентства, консалтинговые группы, берущиеся за решение любых задач, сайты в Интернете, различные специализированные

с общественностью» начали создаваться в крупных банках, на фирмах и предприятиях. Сейчас уже можно сказать, что такой деятельностью начинают активно заниматься государственные и правительственные учреждения. В некоторых престижных высших учебных заведениях осуществляется подготовка профессиональных специалистов по связям с общественностью. Стали интенсивно проводиться и научные исследования по изучению этой новой деятельности.

В научном плане—это универсальная теоретическая и прикладная дисциплина, изучающая закономерности взаимодействия субъекта общественных отношений с гражданами, общественными организациями, фирмами, партиями, органами власти и управления, ассоциациями и т. п.

Столь интенсивное развитие данной дисциплины и профессиональной деятельности связано, по мнению ряда авторов, с появлением в российском обществе нового типа отношений, вызванных к жизни процессами демократизации политической системы и формированием в экономике рыночных структур и отношений. Обширная сфера применения вызвала и расширительное толкование сущностных характеристик «связи с общественностью». В частности, PR определяется как:

1) управленческая деятельность, направленная на установление взаимовыгодных, гармоничных отношений между организацией и общественностью, от ко-

торой зависит успех функционирования этой организации;

2) установление двустороннего общения для достижения общих представлений и общих интересов и достижения взаимопонимания, основанного на правде, знании и полной информированности [5];

3) побуждение людей верить в сердечные и добропорядочные цели корпорации, демонстрация того, как корпорации ищут доверия и доверительных отношений с общественностью;

4) специализированное и профессионально организованное управление состоянием общественного мнения в определенной сфере, корпоративными отношениями, осуществляемое не административно-командными методами.

В данных определениях есть нечто общее. **Павлик рилейшнз**—это особый вид управленческой деятельности, направленной на создание благоприятных условий для двустороннего общения, позитивного отношения к деятельности организации, гармонизации и согласования интересов.

Именно это и является главными сущностными характеристиками любой PR-деятельности.

Если рассматривать работу по связям с общественностью с этих позиций как особый вид управленческой деятельности, то можно без труда увидеть, что она будет эффективной при соблюдении ряда условий:

- хорошее знание характеристик объекта управления;
- наличие богатого арсенала управленческих воздействий;
- наличие информативной системы прямых и обратных связей и коммуника-

ций с объектом и в самой управляющей системе;

- гибкость и адаптивность структуры управляющей системы;
- высокий профессионализм субъектов управления.

Данные условия вытекают из требований общей теории управления и полностью справедливы для работы по связям с общественностью. В то же время следует иметь в виду, что объектами этого специфического управления являются люди как потребители и организации, в которых опять же работают люди со своими психологическими особенностями, проблемами и интересами. Иными словами, знание характеристик управляемого объекта есть знание в первую очередь психологическое.

По своему характеру управляющие воздействия в PR-деятельности прежде всего—информационно-психологические, то есть они не только информируют о деятельности организации, но и нацелены на формирование к ней положительного отношения. Следует обратить также особое внимание на то, что прямые и обратные связи будут эффективными, если они, прежде всего, соответствуют психологическим особенностям объекта, динамике его базовых характеристик; функциональная гибкость субъекта управления зависит от его прогностических возможностей, уровня профессионализма, личностно-профессиональных качеств и т. д. и т. п.

Получается, что, как ни посмотреть на проблему, она всегда связана с решением прежде всего психологических задач, которые, по сути дела, являются основополагающими. Иными словами, PR-деятельность будет эффективной,

если она имеет надежное *психологическое основание*.

Однако психологическая специфика данной деятельности этим не ограничивается. Ознакомление с публикациями показывает, что работа по связям с общественностью—это *не только* особый вид управления, здесь имеются и другие самостоятельные важные функции, определяющие сущностные характеристики этой деятельности, в частности:

- создание благоприятной информационной среды, основанной на различных формах общения и способствующей достижению взаимопонимания участников информационного процесса; организация продуктивного двустороннего общения;
- выявление общих представлений и интересов участников информационного обмена;
- формирование общих интересов, их гармонизация;
- создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания;
- предотвращение конфликтов участников взаимодействия;
- изучение и формирование общественного мнения.

Иными словами, PR — это еще и специально организованное общение, направленное на формирование общих интересов, искусство достижения взаимопонимания и положительного отношения, искусство избегания и предотвращения конфликтов.

Общение, взаимопонимание, интересы и отношения—это междисциплинарные категории, обладающие ярко выраженным психологическим содержанием. Заметим, что в психологии проведено немало конструктивных исследований

именно по этим проблемам, поэтому они могут оказать неоценимую помощь для осуществления эффективной PR-деятельности, то есть они являются *необходимым условием* ее успешного осуществления. Пренебрежение данным необходимым условием, как показывает практика, делает «паблик рилейшнз» малорезультативным.

Заметим при этом, что некоторые в целом весьма успешные российские PR-акции детально психологически не прорабатывались. Проведенный анализ показывает, что их эффективность связана с интуитивным психологическим озарением «креативщиков», когда без достаточных психологических обоснований были интуитивно найдены точные психологические решения. К тому же был проявлен интерес к новой и необычной форме коммуникаций. Однако это скорее исключение из правила, тиражировать интуитивные психологические озарения в PR практически невозможно.

Другой пример связан с удачным переносом психологически обоснованных разработок, выполненных за рубежом, на нашу российскую почву. Например, PR-акции президентской избирательной кампании 1996 года «Выбирай сердцем!» и «Голосуй, а то проиграешь!». Следует отметить, что такой опыт имеет ограниченное применение в силу своеобразия российского менталитета. Поэтому можно привести больше неудачных примеров такого переноса, чем успешных.

Психологическое содержание отчетливо просматривается и в специфике конкретных *направлений* работы по связям с общественностью. Одной из главных задач этой деятельности яв-

ляется создание позитивного имиджа организации или конкретной личности. Собственно формированию позитивного имиджа и доверительного доброжелательного отношения и посвящены специально проводимые многочисленные PR-акции. Но хотелось бы напомнить, что имидж — это не что иное, как специально сконструированный психический образ, создаваемый со вполне определенными целями, категория психологическая, и деятельность по созданию имиджа в содержательном отношении также сугубо психологическая.

Другая задача—эффективные коммуникации, контакты с участниками взаимодействий. Их сущностью также является специально организованное общение. Общение же является одной из важнейших базисных категорий психологии. На сегодняшний день опубликовано множество специальных работ, в которых представлены результаты глубокого изучения различных видов общения, а самое главное—показаны особенности и возможности таких средств психологического воздействия в общении, как убеждение, внушение, психологическое заражение, нейролингвистическое программирование.

В содержание PR-деятельности входит и создание эффективной рекламы. Реклама в психологии рассматривается прежде всего как система эффективных психологических воздействий, направленных на потребителя с целью изменения его потребительских мотивов, поведения и отношений. Очевидно, что и в этом важном направлении работы по связям с общественностью особая роль принадлежит психологии.

Предотвращение конфликтов, что является самостоятельным направлени-

ем «публик рилейшнз», возможно осуществлять лишь при хорошем знании объективных и субъективных детерминант конфликтного поведения и противоборства; источников возникновения конфликтов, их динамики, особенностей общения, стратегий и тактик конфликтного противоборства; личностной predisposition к конфликтам.

Эти сведения также можно почерпнуть в психологических исследованиях и использовать в интересах «публик рилейшнз».

Напомним и еще об одном ключевом направлении в работе по связям с общественностью—взаимодействию со средствами массовой информации. Оно будет эффективным, если PR-специалисты хорошо знают психологию журналистов как субъектов профессиональной деятельности, психологические закономерности восприятия и понимания информации, характерные для массовой зрительской или читательской аудитории, информационно-психологические технологии формирования общественного мнения и настроений.

Известно, что с помощью средств массовой информации формируется общественное мнение. В то же время современная социальная и политическая психология имеют в своих арсеналах немало эффективных методов, которые можно использовать для этой цели. В этом опять отчетливо просматривается психологическая специфика этого вида деятельности.

Наконец, подготовка высококлассных специалистов для работы по связям с общественностью. Здесь огромная роль принадлежит уже акмеологии—науке о профессионализме, вышедшей из психологии развития и психологии труда.

В акмеологии выявлены общие и частные закономерности формирования профессионализма, справедливые для различных видов деятельности, относящихся к классам «человек — человек», «человек—группа», «человек—большие социальные группы»; разработаны специальные методы и технологии развития профессионализма и профессионального самосовершенствования, которые могут найти самое широкое применение в PR.

Можно показать важную психологическую специфику и других направлений «паблик рилейшнз». Однако совершенно очевидно, что без глубокой психологической проработки, без создания надежной психологической основы ни один вид PR и ни одна PR-акция не будут эффективными. Поэтому центральной задачей в работе по связям с общественностью и ее научным обеспечением является разработка психологического базиса.

Этнорелигиозные аспекты современного терроризма: христианский и исламский мир, исторические параллели и современность

В. А. Соснин

Аннотация: в работе проведена краткая систематизация взаимоотношений христианской и исламской цивилизаций в контексте проблемы современного международного терроризма. Рассмотрены мировоззренческие, духовно-религиозные аспекты исламской культуры и причины роста исламского фундаментализма и международного терроризма в условиях глобализации современного развития человеческой цивилизации. Проанализированы базовые ценности в исламской социокультурной идентификации, включая психологическое понимание джихада, фундаментализма и возрождения религиозной воинственности ислама.

Ключевые слова: христианский и исламский мир, социокультурные ценности, джихад, патриотизм, фундаментализм, международный терроризм, межкультурный диалог.

Abstract: in this paper, a brief systematization of the relationship of Christian and Islamic civilizations in the context of modern international terrorism. Consider the ideological, spiritual and religious aspects of Islamic culture and the reasons for the growth of Islamic fundamentalism and international terrorism in the context of globalization, the modern development of human civilization. Analyzed the basic values of Islamic socio-cultural identity, including the psychological understanding of jihad, fundamentalism and religious revival of Islamic militancy.

Keywords: Christian and Islamic world, socio-cultural values, jihad, patriotism, fundamentalism, international terrorism, intercultural dialogue.

Введение

Тенденции глобализации мирового цивилизационного развития дают

В акмеологии выявлены общие и частные закономерности формирования профессионализма, справедливые для различных видов деятельности, относящихся к классам «человек—человек», «человек—группа», «человек—большие социальные группы»; разработаны специальные методы и технологии развития профессионализма и профессионального самосовершенствования, которые могут найти самое широкое применение в PR.

Можно показать важную психологическую специфику и других направлений «паблик рилейшнз». Однако совершенно очевидно, что без глубокой психологической проработки, без создания надежной психологической основы ни один вид PR и ни одна PR-акция не будут эффективными. Поэтому центральной задачей в работе по связям с общественностью и ее научным обеспечением является разработка психологического базиса.

Этно-религиозные аспекты современного терроризма: христианский и исламский мир, исторические параллели и современность

В. А. Соснин

Аннотация: в работе проведена краткая систематизация взаимоотношений христианской и исламской цивилизаций в контексте проблемы современного международного терроризма. Рассмотрены мировоззренческие, духовно-религиозные аспекты исламской культуры и причины роста исламского фундаментализма и международного терроризма в условиях глобализации современного развития человеческой цивилизации. Проанализированы базовые ценности в исламской социокультурной идентификации, включая психологическое понимание джихада, фундаментализма и возрождения религиозной воинственности ислама.

Ключевые слова: христианский и исламский мир, социокультурные ценности, джихад, патриотизм, фундаментализм, международный терроризм, межкультурный диалог.

Abstract: in this paper, a brief systematization of the relationship of Christian and Islamic civilizations in the context of modern international terrorism. Consider the ideological, spiritual and religious aspects of Islamic culture and the reasons for the growth of Islamic fundamentalism and international terrorism in the context of globalization, the modern development of human civilization. Analyzed the basic values of Islamic socio-cultural identity, including the psychological understanding of jihad, fundamentalism and religious revival of Islamic militancy.

Keywords: Christian and Islamic world, socio-cultural values, jihad, patriotism, fundamentalism, international terrorism, intercultural dialogue.

Введение

Тенденции глобализации мирового цивилизационного развития дают

основания рассматривать проблему современного международного терроризма в контексте развития взаимоотношений исламской и христианской цивилизаций—их геополитической динамики и анализа причин исламского религиозного возрождения и роста исламского фундаментализма и воинственности. В настоящее время фундаментальной причиной роста международной напряженности признается борьба за доминирование в современном мире (за ресурсы, власть и, в конечном счете, за выживание). Поэтому столкновение двух цивилизационных парадигм существования, западной и восточной, становится важнейшим компонентом современного мирового развития и одним из оснований для понимания возникновения международного терроризма¹. В этой связи одной из важнейших проблем в глобальном разрешении проблемы международного терроризма становится *проблема взаимного понимания* для реализации межкультурного диалога и выработки новой парадигмы существования. В современном христианском мире существует ряд широко распространенных ошибочных представлений в отношении ислама и исламской культуры, истории, традиций и форм жизни. Такое положение, учитывая доминирование западного мира, приводит к разработке таких рекомендаций и резолюций по разрешению конфликтов и проблем терроризма для исламских государств, которые находятся в вопиющем противоречии с их социокультурными ценностями.

Со времени возникновения в Аравии ислама и включения в исламскую ци-

вилизацию некогда христианских стран Восточного и Южного Средиземноморья прошло почти четырнадцать веков. С тех пор христианство и ислам существуют всегда как соседи, часто как соперники и иногда как враги. Обе они считают себя носителями Высшего откровения Господня, обязанными нести его всему человечеству. Поэтому главным мировым соперником в этом плане они считают друг друга.

Следствием этих духовно-мировоззренческих религиозных ориентаций и установок в истории их отношений.

«...было множество раздоров, начавшаяся с ранних религиозных войн и крестовых походов...—и последующих приливов и отливов мусульманской империи в Европе и европейских империй в странах ислама. В долгой и, увы, не оконченной борьбе сходства разделяют две цивилизации куда больше, чем различия» (Луис, 2003, с. 7-8).

В данной работе сделана попытка краткой, сжатой систематизации истории взаимоотношений христианской и мусульманской цивилизаций. Рассмотрены мировоззренческие, духовно-религиозные аспекты исламской культуры, ряд заблуждений и стереотипов в отношении исламского мира и причины роста исламского фундаментализма и международного терроризма.

Типичные ошибки и представления о мусульманском мире в христианских странах

В западных СМИ существует тенденция в искаженном свете представлять ценности жизни и поведение, касающи-

¹ Для целей настоящего анализа мы оставляем в стороне, несомненно, важнейшую проблему «китайского геополитического синдрома»—проблему становления Китая как третьего центра мирового влияния.

еся арабского мира и Ближнего Востока. Эти представления обусловлены ошибочными восприятиями или социокультурными стереотипами. Наиболее типичные из этих стереотипов можно свести к следующим положениям (Abi-Hashem, 2004).

Все арабы являются мусульманами. Фактически не все арабы являются мусульманами, хотя большинство арабов являются мусульманами. В регионе Ближнего Востока существуют друзья в Ливане, Израиле и Сирии. Они являются главным образом языческой социокультурной группой с сильными этническими и общинными связями. Задолго до начала религиозных войн и миграций в регионе образовались большие еврейские общины, а христиане и евреи присутствовали на арабском полуострове в течение веков до возникновения ислама. В настоящее время христианская община в арабском мире имеется в Египте, хотя они и являются меньшинством.

Индонезия (наибольшая мусульманская страна в мире), Иран, Пакистан и Турция являются мусульманскими, но не арабскими странами. Большие популяции населения в Африке, Дальнем Востоке (например, в Индии) и в бывшем Советском Союзе являются мусульманскими, но в этническом и культурном отношении не арабами.

Все жители региона Ближнего Востока являются арабами. Это широко распространенное представление также является ошибочным. Иран—страна Ближнего Востока, но ее жители являются персами. Кипр—это остров на Ближнем Востоке, но половина его населения является греками, а другая турками, а Турция является другой не арабской нацией.

Все арабы—примитивные люди. К сожалению, большинство иностранцев имеют ошибочные взгляды в отношении арабов и представителей Ближнего Востока:

«Первые впечатления и образы, которые возникают в сознании западного человека, когда он или она думает об арабах — это песок, пустыня, верблюды, нефтяные вышки, иррациональные толпы людей...и тому подобное» (Hamady, 1960, p. 229).

Это, конечно, стереотип. Кроме этого, не все страны Ближнего Востока — это пустынные или богатые страны. Одни из них действительно являются богатыми и развитыми странами, в других идет борьба за выживание и развитие. Например, Ливан занимал лидирующее место в регионе с точки зрения образования, культурного развития, доходов на душу населения, хотя это не пустынная страна и у него нет запасов нефти. Что касается других стран, простирающихся в большом географическом ареале, арабы имеют многообразие сообществ, вариантов культур, уровней экономического развития и традиций (Abi-Hashem, 2004, p. 76).

Все арабы—фанатики и террористы. К сожалению, для многих представителей Запада и других не исламских сообществ термин «араб» зачастую ассоциируется с понятием «радикала», «нецивилизованного человека», «фанатика» или даже «террориста». Это ошибочное представление является результатом незнания или предубеждений, распространяемых СМИ. В реальности существуют разные типы исламских сообществ: а) *традиционные*—состоят из простого, в основном сельского населения, которое образует миролюбивое со-

общество с богатым культурным наследием; б) *секуляризированные*—состоят в основном из образованных и ориентированных на ведение собственного дела людей, живущих в открытых, прогрессивно ориентированных и структурно организованных сообществах; в) *фундаменталистские*—состоят из радикально настроенных людей, приверженных, ревностно усердных и горячих сторонников по отношению к своим социополитическим и религиозным основам; г) *умеренные*—состоят из людей со сбалансированной системой взглядов и формами взаимодействия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях; д) *национальные*—состоят из людей, стремящихся установить у себя такой режим, который позволяет применять законы и нормы ислама для регуляции всех аспектов личной и общественной жизни (см., напр., Voll, 1982).

Развитие отношений христианского и исламского миров: краткий исторический экскурс

Христианство и ислам хронологически явились второй и третьей попыткой (после буддизма) создать мировую религию. И мусульмане, и христиане были одинаково убеждены не только в том, что обладают всей полнотой Божественной истины, но и в том, что им, и только им она была явлена окончательно и бесповоротно. Мусульмане воспринимали христианство как отжившую религию, которую ее адепты стремились сохранить, вместо того чтобы воспринять Слово Божье в его окончательной форме. Их (христиан) можно было терпеть, если они изъявляли покорность. Иначе с ними следовало сражаться до победы, пока они либо не признают правоту

мусульманской веры, либо не подчинятся власти мусульманского государства. Христиане считали ислам в лучшем случае ересью, ложным учением, основанном на воззрениях еретика, обманщика или фанатика. В целом, обладая множественностью общих традиций и верований, целей и стремлений, христианский мир и ислам оспаривали друг у друга роль мировой религии, и ни один из соперников не признавал другого жизнеспособной альтернативой (Луис, 2003, с.99).

Эти взгляды и соответствующие религиозно-духовные мировоззренческие установки predeterminedелили первые столкновения между двумя мирами, в том числе и военными, территориально-экспансионистскими. Вначале по всем признакам ислам должен был восторжествовать, а Европа склониться перед ним. С момента возникновения ислам стал мировой империей и мировой цивилизацией, охватившей три континента, населенных множеством самых разных рас и народов, и вобравшей в себя центры древнейших цивилизаций Египта, Ближнего Востока, Ирана, Северной Индии. С овладением турками в середине XV века всем Балканским полуостровом и с последующим захватом Константинополя, возникшая европейско-азиатская исламская империя приобрела завершенность. Европейцы периодически переходили в контрнаступления, особенно в серии войн, известных под именем крестовых походов. Но в длительной перспективе европейско-исламских отношений крестовые походы являлись лишь эпизодическими мероприятиями.

Окончательным отступлением и поражением ислама христианская Европа, несомненно, считает поражение османских войск под Веной. Но не в меньшей,

если не в большей, степени этому способствовали так называемые Великие географические открытия (или Великая европейская экспансия). Эти открытия позволили Европе привести под свою власть или влияние новые земли, предоставили в распоряжение европейцев огромные материальные ресурсы. Это придало христианской Европе новые силы, позволило сдержать и, в конечном счете, отбросить мусульманских завоевателей.

Перед исламским миром встал грозный вопрос выживания, сохранения своих утраченных позиций и возвращения своей роли мирового субъекта исторического процесса, как в религиозном, так и в геополитическом аспектах. Первой такой реакцией мусульманского мира явилось движение генерала Мустафы Кемалю, позднее прозванного Ататюрком, первого президента светской республики в турецком государстве. Его действия позволили Турции отвергнуть европейское господство и по-новому воспринять европейскую цивилизацию.²

С другой стороны, экспансия западной цивилизации в мусульманский мир привела к зарождению такого ответа Западу, как панисламизм и исламский фундаментализм. Рождение политического панисламизма как официальной политики исламского единства (или, по меньшей мере, кооперации) восходит к концу XIX—началу XX веков. Эта идеология вызвала к жизни ряд вдохновленных религией движений, которые в XX веке во многих мусульманских странах привели к более открытой исламизации

жизни (подробнее см., Соснин, Нестик, 2008).

Эту религиозную страсть и пыл, знаменовавших новый всплеск исламских чувств, можно выразить словами президента Египта Г. А. Насера из его брошюры «Философия революции» как реакции на инициативу создания Межисламского Конгресса в 1954 году в Мекке:

«Когда я созерцаю восемьдесят миллионов мусульман в Индонезии, пятьдесят миллионов в Китае, несколько миллионов в Малайзии, Таиланде и Бирме, сто миллионов в Пакистане, почти сто миллионов на ближнем Востоке, сорок миллионов в Советском Союзе и миллионы других в отдаленных и затерянных уголках земли, когда я размышляю о сотнях миллионов мусульман, спаянных в единое целое общей Верой, я все больше осознаю, какие потенциальные возможности таит в себе сотрудничество этих миллионов, сотрудничество, которое, не покушаясь, конечно, на их верность своим странам, обеспечит им и их братьям по исламу неограниченную власть» (Nasser, б/г, р. 67-68).

И этот современный вектор развития мусульманского мира хорошо выразил известный британский ученый-востоковед Бернанд Луис:

«Ислам—мощная, но до сих пор не направленная сила в политике. Прогноз относительно его роли как фактора международной политики пока не особенно благоприятен. Предпринимались и продолжают предприниматься множество попыток вести панисламскую политику, но все они мало чего достигли, в основ-

² В последние годы появился новый миф о Ататюрке. В демонологии современных мусульманских радикалов Ататюрк занимает важное место, но не как защитник своей веры и своего народа, а как негодяй, ставший на сторону врага (христиан) и поэтому повинный в предательстве.

ном, потому, что деятели соответствующих движений вели себя неубедительно. Это не значит, что в какой-то момент не появятся более авторитетные вожди. Тем более, что практически во всех мусульманских странах значительная часть народа жаждет такого лидерства и готова отозваться на него. Однако ислам уже показал свою действенность в качестве ограничительного фактора и может при появлении нужного руководства стать мощной внутривластной силой. В Иране нужное руководство уже появилось—нужное в том смысле, что оно смогло вызвать сильнейшую вспышку народно-революционного энтузиазма и направить его на свержение и уничтожение старого режима и построение на его месте нового исламского порядка. Остается посмотреть, как новое исламское руководство будет осуществлять и удерживать власть» (Луис, 2003, с. 243).

О духовно-религиозных представлениях мусульман в исламской культурной парадигме

Ядро духовно-религиозных ценностей в исламской социокультурной и религиозной идентификации. Для мусульман закон—важная, если не основная составляющая религии, которая без него непостижима. Закон является божественным, а не человеческим: он не может вводиться в действие, не может быть отменен или утратить силу, исправлен или дополнен. Власть закона абсолютна и распространяется на все стороны жизни и деятельности, т. е. в человеческом обществе нет места законодательной власти, ибо только Бог вправе устанавливать законы. Доминирующим

принципом для большинства мусульман является «сунна»—слово, обозначающее «образ действий» в значении «деяния Пророка и его соратников», «следование прецеденту». Отступление от прецедента — есть нововведение, соответствующее христианскому понятию «ересь».

В широком смысле в ядре исламской социокультурной, религиозной идентификации находятся пять или шесть базовых религиозно-духовных ценностей (убеждений, ориентаций, норм поведения):

- вера в единого Бога, посланником которого является пророк Мухаммед;
- предписанные молитвы, повторяемые пять раз в день (в публичных местах или приватно, стоя лицом в сторону Мекки);
- воздаяние помощи бедным и нуждающимся, особенно в периоды религиозных праздников;
- соблюдение поста, главным образом ограниченного священным месяцем Рамадан;
- долг и необходимость для мусульманина паломничества в Мекку, по меньшей мере, один раз за свою жизнь (Abi-Nashem, 2004, p. 80).

Некоторые исследователи добавляют к этому списку феномен джихада, который переводится как необходимость борьбы за священные ценности ислама или служения Аллаху «с ревностным усердием до полной самоотдачи». Эта ценностная установка имеет как личностные (индивидуальные), так и групповые (коммунальные) составляющие. Джихад может означать как «священную борьбу», которая является долгом и обязанностью каждого мусульманина, так и борьбу против зла в целом — против та-

ких его проявлений, как коррупция, угрозы существованию или несправедливость. К джихаду мусульмане призываются и тогда, когда возникает потребность в защите или реформировании исламского сообщества (уммы).

Таким образом, джихад как религиозно-идейная ценностная установка может функционировать (применяться, использоваться) на личностном, групповом и национальном уровнях. Некоторые исследователи проанализировали происхождение джихада в истории ислама (Коран, раннюю исламскую литературу) и пришли к выводу, что джихад как религиозно-духовное и социополитическое явление появился в первом поколении ислама и играет важную роль в современной политике Ближнего Востока (Firestone, 1999).

И, наконец, необходимо назвать институт *шариата* как совокупность исламских законов и норм регуляции отношений, впечатанных в ядро ценностных ориентаций для жизни мусульман, как на межличностном, так и национальном уровне. Шариат состоит из многих правил, законов и интерпретаций. Многие правоверные мусульмане убеждены — до тех пор, пока они живут по законам шариата, все у них будет хорошо и исламский порядок будет процветать (см., напр., Ahmad, 1999)

Представления мусульман о жизни под властью не мусульман. В новое время, с упадком мусульманской мощи и подъемом Европы, перед мусульманскими мыслителями встал жизненно важный вопрос: «Если страну завоевали христиане, могут ли мусульмане остаться или должны переселиться в какую-нибудь мусульманскую землю?» (Луис, 2003, с. 87).

Каноническим правилом при этом является пример Пророка—он лично подал пример переселения, оставив языческую Мекку, и отправился в Медину, где они смогут вести жизнь мусульман. Другие правоведы доводят эту аргументацию до логического конца—истинно мусульманская жизнь возможна только при мусульманском правлении. В конечном счете, решение вопроса зависит от того, возможно ли на завоеванной иноверцами родине применение мусульманского священного права. В итоге, оставаться мусульманам или эмигрировать решает священный закон, по которому они должны жить. Главной целью современных фундаменталистов является восстановление закона там, где он находится в небрежении или в искажении. Если закон действует и его исполнение обеспечивается, страна пребывания может с юридической точки зрения считаться Домом Ислама.

К сказанному необходимо добавить еще один процесс — *образование мусульманских меньшинств, благодаря добровольному переселению из мусульманского мира в преимущественно христианские страны и регионы проживания.* Это особый процесс, связанный с глобализационными тенденциями современного мира. Массовая эмиграция мусульман в страны и регионы христианского мира на поиски жизни среди неверных — это достаточно новый феномен современной истории, ставящий важнейшие проблемы, обсуждение которых только начинается. Здесь встает очень важная проблема—насколько в своей массе не блещущие образованием новые эмигранты в христианские и постхристианские страны и земли знакомы с юридическими установлениями

своего положения и с правовыми и богословскими уложениями, на которых обуславливается их жизнь в христианских странах. Поэтому скрытые смыслы взаимодействия мусульман и не мусульман в христианской стране отражают дилемму мусульманского меньшинства. Они находятся в ситуации, когда они отличаются от большинства, среди которого они живут, не только тем, что исповедуют другую религию, но и тем, что придерживаются в корне отличных взглядов на то, что означает, требует и определяет религия.

Современную ситуацию проживания мусульман в ареалах христианского проживания иногда представляют как третье мусульманское вторжение в Европу и христианский мир в целом. Сейчас почти два миллиона мусульман из Турции и других стран проживает в Германии. Еще больше выходцев из Северной Африки проживает во Франции, а уроженцев Индии, Пакистана — в Англии, не считая мусульманских общин в Бельгии, Голландии, Швеции, Австрии, Испании, Италии и скандинавских странах. В России также остается мощная исламская диаспора в традиционных ареалах проживания мусульман и в регионе Кавказа. Кроме этого, современная ситуация в России вызвала к жизни мощные миграционные потоки выходцев из среднеазиатских республик в центральные регионы России, что создает серьезные проблемы, разрешение которых пока не просматривается в силу отсутствия у центральной власти вразумительной миграционной политики.

Проблема шиизма в истории ислама. «Шиа» — арабское слово, означающее «партия» или «фракция». Первоначально им называли партию или

фракцию Али, последователя Пророка, т. е. тех, кто считал, что он должен быть правителем (халифом) исламской империи, или выражаясь современным языком, сторонников кандидата на государственную должность. С течением времени это разногласие приобрело иной характер. Появились правовые различия, религиозно-доктринальные разногласия.

В целом, основное различие между суннитским и шиитским исламом можно свести к следующим положениям, которые весьма лаконично и четко суммировал Б. Луис (Луис, 2003, с. 258-260). По учению суннитов халифат как религиозно-государственный институт есть соглашение, возлагающее обязательства, как на властителя, так и на подданных, и подлежащее расторжению, если одна из сторон не выполняет своих обязательств. Постольку поскольку правитель поддерживает порядок и основные принципы мусульманской веры и закона, подчиняться ему — религиозный долг. Но со временем при многих режимах (если не при всех) к правителю предъявлялись все меньшие требования, а к подданному его обязанности вменялись все жестче и неукоснительнее. Мусульмане-сунниты никогда не отказывались от принципа права подданного повиноваться незаконным приказам правителя. В наше время этот принцип лежит в основе учений и действий радикальных фундаменталистских суннитских групп. Таким образом, принимать существующие факты как они есть — религиозный долг, поскольку отрицать их означало бы признать, что вся исламская община живет в грехе, а такая точка зрения для суннитов недопустима.

Шииты проповедуют другую точку зрения. По их мнению, все исламские правительства с момента убийства халифа Али Талиба незаконны или в лучшем случае временны. В существующем порядке нет легитимности и необходим возврат к подлинному исламу. Иногда шииты существующий порядок неохотно принимают, стараясь не принимать участия в начинаниях государства. В остальное время шииты берутся за выполнение грандиозных планов и действий, цель которых состоит в том, чтобы вернуть историю на правильный мусульманский путь и отразить, в том числе, и экспансию разлагающейся апостасийной цивилизации западного христианского мира.

Понимание Родины и патриотизма в мусульманском мире. Арабский глагол «ватана» означает «проживать или пребывать где-либо», а также «выбирать место проживания». У существительного «ватан» нет никаких родовых коннотаций (отечества или родины), оно для мусульманина просто обозначает место жительства. Но, несмотря на отсутствие политического содержания, слово «ватан» в значении дома и родины могло вызывать у мусульманина множество положительных эмоциональных ассоциаций.

Как политический термин слово «ватан» начинает употребляться в конце

XIX века под явным влиянием европейцев в значении «отечества» или «страны». Постепенно новое значение слова становилось все более привычным. Так к 30-м годам XIX-го века слово прочно входит в официальный лексикон Османской империи. События Крымской войны (1854-1856) во многом способствовали формированию нового патриотического понимания самоотжествления, преданности и долга.³

Но восприятие новой патриотической идеологии было далеко не единодушным. Многие исламские правоведы и историки этому упорно сопротивлялись. Они утверждали, что для мусульман наиболее действенен призыв к священной войне или мученичеству за дело истиной веры, ибо эти слова привычны и внушены им с детства в школе. Но в исламском мире появились и иные идеи к пониманию родины и патриотизма, некоторые из которых впервые возникли в арабоязычных провинциях Османской империи. И одним из первых авторов, выразивших патриотические идеи на арабском языке, стал египетский шейх Р. Тахтави.⁴

В настоящее время во многих исламских странах национализм, более соответствующий этническому многообразию Ближнего Востока, оказался понятнее и притягательнее, чем территориальный патриотизм.

³ Впервые Османская империя билась против старого врага, России, в союзе с двумя крупнейшими христианскими европейскими державами как союзниками. Патриотизм британцев и французов, как и отсутствие у них каких бы то ни было терзаний из-за того, что они сражаются вместе с союзниками-мусульманами против христиан, не могло остаться незамеченным в Турции.

⁴ Патриотизм шейха не был османским, поскольку к османскому отечеству он не проявлял особого интереса; не был он и мусульманским, поскольку выражал гордость к славе языческого и христианского Египта до прихода туда мусульман; он был и не общеарабский, поскольку ему не было дела до других арабоязычных стран.

**Понимание фундаментализма
и возрождения религиозной
воинственности ислама:
современная геополитическая
ситуация**

В целом, считается, что современный мусульманский радикализм является своеобразным ответом мусульманского мира на экспансию секуляризированной западной цивилизации—ее отторжения в сочетании с новой масштабной миграцией мусульман в Европу, Америку и другие страны христианского мира (Луис, 2003, с. 69).

Основания и причины роста ненависти и негодования. Многие исследователи, занимающиеся изучением проблем международного терроризма—психологи, социологи, историки, культурологи, имеющие различные этнокультурные корни,⁵ проявляют удивительное единодушие в идентификации оснований, причин и тенденций роста исламской религиозной воинственности, фундаментализма и, как следствие, международного терроризма в современном мире. К ним они относят, прежде всего: глобальное культурное и моральное нашествие западной цивилизации (вестернизацию) и угрозы этнической идентичности; экономическую, финансовую и политическую эксплуатацию и манипуляцию; одностороннюю военную экспансию.

Культурная и моральная экспансия: вызовы социокультурной идентичности. Во всем мире раздаются голоса против Соединенных Штатов и ее символов. Многие рассматривают США как мировую державу, проявляющую полное

безразличие к страданиям остального мира, вносящую основной вклад в политическое подавление бедных сообществ. В современном мире, во все большей мере раздираемом между силами глобализации и традиционализации, Соединенные Штаты зачастую воспринимаются как нечувствительными к глобальному культурному многообразию и важности социокультурных идентичностей других сообществ (Marsella, 2004, р. 30). Представители незападных культур, наций и народов в современных геополитических условиях испытывают состояние амбивалентности: они осознают, что они или должны присоединиться в «глобальном марше» к капитализму, демократизации в западном понимании и индивидуализму или остаться за бортом основного «цивилизационного тренда». В то же время они одновременно испытывают тягу к сохранению привычного стиля и образа жизни и привязанности к своей истории.

Материалистическая культура Запада является угрозой исламским духовным ценностям. Западная массовая культура «благоволит» и поддерживает ценности индивидуализма, материализма, изменения и конкуренции, тогда как незападные культуры поддерживают дух коллективизма, религиозной духовности, стабильности и совместного владения и распределения ресурсами. Поэтому угроза идентичности становится решающей частью «уравнения насилия».

Для членов традиционных сообществ, которые определяют свою идентичность на языке этнического и групп-

⁵Т.е. принадлежащие по происхождению как к христианской, так и мусульманской социокультурной ориентации.

пового членства, культурная и иная экспансия Запада воспринимаются не каким-то безличностным воздействием. Она скорее воспринимается как прямые личностные нападки, которые «воспламеняют» индивидуальные вспышки гнева и ярости, давая рост размышлениям о реванше, питаемым чувствами негодования и собственной справедливости. В таком контексте восприятия и суждения становятся искаженными, и невинные граждане других государств начинают восприниматься как сознательные проводники западной культурной деструкции. Этот процесс подпитывается и усиливается призывами лидеров исламских террористов о западном, прежде всего, американском лицемерии. Они утверждают, что Соединенные Штаты призывают к добродетели, а фактически являются эгоистической, этноцентричной и сатанинской державой (Bodansky, 2001).

Арабо-мусульманские сообщества всегда реагировали отрицательно на то, что они рассматривали как коррумпированность Запада, особенно США, которые постоянно экспортируют продукты своей культуры в страны с традиционными ценностями. Исследователи подчеркивают, что такие западные ценности, как крайний индивидуализм, самодостаточность, личностная автономия, самоудовлетворенность и стремление к удовольствиям постепенно оккупировали Восток, изменяя социокультурную природу и структуру семейных отношений (см., напр., Abi-Hashem, 1997). Эти вторжения вполне определенно разрушают местные культуры и традиции, в конечном счете, навязывая глобальные направления мыслей, взглядов и состояния духа, жизненного стиля

и представлений о мире. Поэтому мусульмане не меньше чем другие представители традиционных сообществ относятся настороженно и подозрительно к такому экономическому и культурному проникновению Запада» (Abi-Hashem, 2004, p. 82).

Экономическая, финансовая, военная экспансия и политическая манипуляция. Соединенные Штаты зачастую воспринимаются другими странами как держава, пытающаяся единолично править остальным миром. Они проводят свою международную политику фактически без особых консультаций или координации с лидерами других стран и сообществ. Особенно это заметно в политике на Ближнем Востоке, которая была и продолжает оставаться неподобающей и необъективной. Это вызывает раздражение и провоцирует многие группы, поскольку эта политика либо отрицает явные факты, либо игнорирует и остается безразличной к воле народов этого региона. Арабы и мусульмане особенно раздражены действиями американского правительства из-за его безоговорочной и чрезмерной поддержки Израиля (Undercurrent of hostility toward U. S. in Arab world // The Seattle Times, 2002, September 12, p. A10).

Кроме этого, постоянная игра США военными мускулами, угроза использования военной силы и односторонняя международная политика являются в ряду основных факторов и причин гнева и негодования. Такое поведение воспринимается как заносчиво-высокомерное и эгоистическое. Население развивающихся стран испытывает к Западу противоречивое отношение «любви — ненависти». Они понимают, что Соединенные Штаты стремятся защи-

тить и охранять свои собственные интересы, оказывая поддержку деспотическим режимам и используя современное технологическое оружие против тех, кто не с ними.

Некоторые исламские группы убеждены, что мусульманская земля священна и не должна загрязняться не мусульманским присутствием и особенно присутствием иностранных войск, которые ассоциируются в их коллективной памяти с прошлыми крестовыми походами европейцев. Соединенные Штаты, по всей видимости, являются самым большим и притягательным «мировым магнитом» для терроризма. Эти факты косвенно способствовали поддержанию «рынка агрессии» и создали глобальную индустрию терроризма.

Обсуждение этой темы можно закончить словами Аби-Хашема, одного из признанных специалистов по изучению проблематики международного терроризма:

«Соединенные Штаты крайне нуждаются в культурном просвещении, особенно в сфере глобального осознания и чувствительности. Пребывание мощной державой мира и «номером один» во многих областях жизни не означает автоматического перехода в состояние зрелой, внимательной или даже адекватной державы в культурном отношении» (Аби-Хашем, 2004, р. 83).

Понимание фундаментализма и религиозной воинственности

Многие исследователи рассматривают исламский фундаментализм как «современный продукт» столкновения традиционных ценностей и идеологий с влияниями и ценностями капитализма и социализма западного мира. Убежден-

ные исламские фундаменталисты отрицают секуляризацию и рассматривают ее как разрушительное влияние западной христианской традиции. Ряд исламистов даже воспринимают секуляризм как источник коррупции, диктатуры и серьезного нарушения гражданских прав и свобод (Tamimi, Esposito, 2000).

Фундаментализм обычно ассоциируется с религией. Поскольку религия неотделима от культуры и политической жизни, фундаментализм стал частью социальной и политической повестки дня. В разных формах существования фундаментализм зависит от важных социальных, политических, технологических и интеллектуальных аспектов переходного периода (Armstrong, 2000). Некоторые исследователи признают, что исходя из духовно-религиозной мировоззренческой доктрины ислама, исламский фундаментализм имеет тенденцию переводить социополитические концепции в религиозно-идеологические и наоборот. Конкретные теологические положения ислама могут переводиться в политические требования и предписания и в ситуации непосредственного воинственного действия (Moussalli, 1998).

Как уже отмечалось, джихад может начинаться на разных уровнях и принимать разные формы и моральные основания. Радикальные группы опираются на свою интерпретацию (или «неправильную» интерпретацию) джихада, чтобы оправдать свои религиозные чувства, намерения и действия. И, наоборот, в экстремальных формах джихада его носители апеллируют к людям с импульсивными личностными особенностями, ригидной ментальностью и врожденными потребностями, рассматриваемые ими как важными. Так Дж. Вудберри объясняет ис-

ламский фундаментализм и воинственность следующим образом:

«...большинству не удастся охватить умом многообразие религиозных положений внутри ислама и его оснований. Коран составлен из ответов-высказываний Муххамеда, полученных им, как утверждается, от Бога, чтобы удовлетворять потребности, возникающие в конкретных жизненных ситуациях. Некоторые из высказываний носят мирный характер, другие—воинственный. Следовательно, любая позиция может трактоваться путем отбора конкретных версий или иллюстраций из истории» (Woodberry, 2002, p. 4).

Однако в справочном руководстве Дж. Сторей и Г. Уттера исламский фундаментализм или исламизм определяется как воинствующее и антимодернистское движение, опирающееся на положение о том, что ислам—это одновременно религия, способ жизни и форма управления государством (Storey, Utter, 2002, p. 129).

В арабском языке слово «фундаментализм» переводится как «сверхконсервативный» или «как индивид, придерживающийся оснований своей веры, ее основным принципам». Он может принимать различные формы и проявляться в пассивных и мирных формах или в агрессивных и воинственных. Суперконсерваторы, фундаменталисты и исламские экстремисты стремятся подчеркнуть и поощрять радикальный экстремизм, конфронтацию и даже воинственность с Западом. Более того, для радикального исламиста другие люди, которые являются, по их мнению, причиной ущерба, подавления и несправедливости являются врагами веры. Поэтому подлинными исламистами обязаны бо-

роться с этим злом, отдавая все свои жизненные силы, пока справедливость и религиозная чистота не восторжествует во всем мире.

Заключение

Ближний Восток как родина возникновения ислама является местом встречи древних цивилизаций с современными обществами и стилями жизни. Он занимает стратегическое место и является своеобразными «воротами входа» к трем главным континентам мира. Многие представители этого важного региона нормально функционируют, приняв современные нормы жизни и в то же время сохраняя свои социокультурные обычаи, религиозную идентичность и культурное наследие.

В последние десятилетия исламские религиозные движения пытаются развить политический активизм, социальный реформизм и теологию освобождения против очень трудных реалий современного времени. Радикальные исламские группы пытаются соединить средневековую теологию с современной политикой. Они отвергают западные ценности, отказались от панарабизма и начали собственное активное движение. В то же время они испытывают напряженность выбора между традиционализмом и секуляризмом, поскольку современный ислам продолжает развиваться. Во многих секторах Ближнего Востока интеграция социальной справедливости, прогрессивных жизненных стилей и чистотой исламской веры стали либо экстремально осторожными и осмотрительными, либо слишком либеральными и быстрыми. Этот факт создал совершенно новую социокультурную динамику. Хотя ислам традиционно является

экспансионистской религией и идеологией, фундаменталистская идеология по своей сути является консервативной и реакционной, постоянно стараясь исключить западное влияние на исламские культуры.

Исходя из предыдущего анализа, следует отчетливо понимать, что ислам не просто религия (как теологический феномен)—он в равной мере явление социополитическое. Некоторые исследователи даже утверждают, что ислам — это и политическая идеология. В целом, можно утверждать, что существует две базовые формы ислама: социально-культурная и политико-идеологическая. Очевидно, что ислам имеет элементы, которые можно использовать как к явлениям социальной жизни, так и к политической системе. Поэтому нет большой разницы между тем, что считать религиозно-духовным и тем, что является цивилизационно-секулярным. Именно это обстоятельство отражает силу и богатство ислама, с одной стороны, и пределы понимания и ограниченность большинства «секуляризированных» людей, не принадлежащих к исламу, в отношении чувств и представлений об исламской культуре, с другой.

Понимание именно этих фундаментальных религиозно-духовных различий в мировоззрении и политической практике двух ведущих цивилизационных парадигм существования и современные тенденции мирового цивилизационного развития ставят анализ проблемы международного терроризма в более широкие рамки социокультурного цивилизационного контекста. А это, в свою очередь, выдвигает на первое место при решении проблемы

терроризма вопросы взаимного понимания, необходимости содержательно-го межкультурного диалога и объективной необходимости смены парадигмы однополярного развития человеческой цивилизации.

Литература:

1. Луис Б. Ислам и Запад. Серия «Диалог». М.: Библийско-богословский институт св. Ап. Андрея, 2003.
2. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2008.
3. Abi-Hashem N. Reflections on international perspectives in psychology// *American psychologist*, 1997, N 52, p. 569-570.
4. Abi-Hashem N. Peace and War in the Middle East: A Psychopolitical and Social-cultural Perspective. In: F. M. Mohaddam, A. J. Marsella (Eds.). *Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences, and Interventions*. 2004, Washington, DC: American Psychological Association, p. 69-90.
5. Ahmad K. (Ed.). *Islam: Its meaning and message* (3rd ed.). Leicester, UK: The Islamic Foundation, 1999.
6. Armstrong K. *The battle for God: Fundamentalism in Judaism, Christianity, and Islam*. N. Y.: Knopf, 2000.
7. Bodansky Y. Bin Laden: The man who declared war on America. N. Y.: Random House/Forum, 2001.
8. Firestone R. *The origin of the holy war in Islam*. N. Y.: Oxford University Press, 1999.
9. Hamady S. *Temperament and character of the Arabs*. N. Y.: Twayne, 1960.
10. Marsella A. J. Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions/ *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*/F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. p. 11-47.
11. Moussalli A. S. Introduction to Islamic fundamentalism: Realities, ideologies, and international politics// in: A. S. Moussalli (Ed.), *Islamic fundamentalism: Myths and realities*. Reading, United Kingdom: Ithaca Press, 1998.
12. Nasser G. A. *The Philosophy of the Revolution*. Каир, б/г.
13. Storey J. W., Utter D. H. *Religion and politics: A reference handbook*. Santa Barbara, CA: FBC Clio, 2002.
14. Tamimi A., Esposito J. L. *Islam and secularism in the Middle East*. N. Y.: New York University Press, 2000.

15. Undercurrent of hostility toward U. S. in Arab world//The Seattle Times, 2002, September 12, p. A10.

16. Voll J. Islam. Continuity and change in the modern world. Boulder, CO: Westview Press, 1982.

17. Woodberry J. D. Reflections on Islamist terrorism//Fuller Focus. 2002, Spring, 10 (1), p. 4-6.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССОВЫЕ РАССТРОЙСТВА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ДРУГИХ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

О. В. Ковачев

Аннотация: в статье приводится классификация стрессовых состояний, их механизм, причины и последствия.

Ключевые слова: суицидальное поведение, стрессор, тип травматической реакции (ситуации), компульсивное повторное переживание травматических событий, фрустрирующие обстоятельства.

Annotation: a classification of stress states, their mechanism, causes and consequences are described in the article.

Keywords: suicide behaviour, stressor, the type of traumatic reaction (situation), compulsive repeated experience of the traumatic events, frustrating conditions.

Психологические последствия травматического стресса в своем крайнем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве. До 1994 года диагноз посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в Международной классификации болезней девятого пересмотра (МКБ-9) отсутствовал. В МКБ-10 ПТСР впервые было выделено в качестве самостоятельного расстройства. ПТСР возникает как затяжная или отсроченная

реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой жизни или здоровью. Психологические аспекты переживания травматического стресса и его последствия изучаются, как правило, в контексте общих проблем деятельности человека в экстремальных условиях.

Интенсивность стрессогенного воздействия в ситуациях, связанных с угрозой существованию человека, бывает столь велика, что личностные особенности или предшествующие невротические состояния уже не играют решающей роли в генезе ПТСР. Их наличие может способствовать развитию стрессового расстройства, отражаться в течении или клинической картине. Однако ПТСР может развиваться в катастрофических обстоятельствах практически у каждого человека даже при полном отсутствии явной личностной предрасположенности. Однако при этом следует подчеркнуть, что ПТСР—это лишь одно из возможных психологических последствий переживания травматического стресса; ПТСР возникает приблизительно у 1/5 части лиц, переживших ситуации травматического стресса.

Больные ПТСР могут попасть в поле зрения врачей различного профиля,

15. Undercurrent of hostility toward U. S. in Arab world//The Seattle Times, 2002, September 12, p. A10.

16. Voll J. Islam. Continuity and change in the modern world. Boulder, CO: Westview Press, 1982.

17. Woodberry J. D. Reflections on Islamist terrorism//Fuller Focus. 2002, Spring, 10 (1), p. 4-6.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССОВЫЕ РАССТРОЙСТВА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ДРУГИХ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

О. В. Ковачев

Аннотация: в статье приводится классификация стрессовых состояний, их механизм, причины и последствия.

Ключевые слова: суицидальное поведение, стрессор, тип травматической реакции (ситуации), компульсивное повторное переживание травматических событий, фрустрирующие обстоятельства.

Annotation: a classification of stress states, their mechanism, causes and consequences are described in the article.

Keywords: suicide behaviour, stressor, the type of traumatic reaction (situation), compulsive repeated experience of the traumatic events, frustrating conditions.

Психологические последствия травматического стресса в своем крайнем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве. До 1994 года диагноз посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в Международной классификации болезней девятого пересмотра (МКБ-9) отсутствовал. В МКБ-10 ПТСР впервые было выделено в качестве самостоятельного расстройства. ПТСР возникает как затяжная или отсроченная

реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой жизни или здоровью. Психологические аспекты переживания травматического стресса и его последствия изучаются, как правило, в контексте общих проблем деятельности человека в экстремальных условиях.

Интенсивность стрессогенного воздействия в ситуациях, связанных с угрозой существованию человека, бывает столь велика, что личностные особенности или предшествующие невротические состояния уже не играют решающей роли в генезе ПТСР. Их наличие может способствовать развитию стрессового расстройства, отражаться в течении или клинической картине. Однако ПТСР может развиваться в катастрофических обстоятельствах практически у каждого человека даже при полном отсутствии явной личностной предрасположенности. Однако при этом следует подчеркнуть, что ПТСР—это лишь одно из возможных психологических последствий переживания травматического стресса; ПТСР возникает приблизительно у 1/5 части лиц, переживших ситуации травматического стресса.

Больные ПТСР могут попасть в поле зрения врачей различного профиля,

поскольку его проявления, как правило, сопровождаются как другими психическими расстройствами (депрессия, алкоголизм, наркомания), так и психосоматическими нарушениями. Общие закономерности возникновения и развития ПТСР не зависят от того, какие конкретные травматические события послужили причиной психологических и психосоматических нарушений, хотя в психологической картине ПТСР специфика травматического стрессора (военные действия, насилие) несомненно находят свое отражение. Главным в возникновении ПТСР является то, что эти события носили экстремальный характер, выходили за пределы обычных человеческих переживаний и вызывали интенсивный страх за свою жизнь, ужас и ощущение беспомощности.

Согласно современным воззрениям, стресс становится травматическим, когда результатом воздействия стрессора является нарушение в психической сфере по аналогии с физическими нарушениями. В этом случае нарушается структура «самости», когнитивная модель мира, аффективная сфера, неврологические механизмы, управляющие процессами научения, система памяти, эмоциональные пути научения. В качестве стрессора в таких случаях выступают травматические события—экстремальные кризисные ситуации, обладающие мощным негативным последствием, ситуации угрозы жизни для самого себя или значимых близких. Такие события коренным образом нарушают чувство безопасности индивида, вызывая переживания травматического стресса, психологические последствия которого разнообразны. Факт переживания травматического стресса для некоторых людей

становится причиной появления у них в будущем посттравматического стрессового расстройства.

Посттравматическое стрессовое расстройство—это непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс (такой как природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования), способный вызвать психические нарушения практически у любого человека.

Изучение ПТСР имеет давнюю историю. После Первой мировой войны осталась обширная документация неврологических и психологических последствий военной травмы. Отдельные описания последствий пережитого солдатами военного стресса были даже опубликованы, в них говорилось о навязчивом воспроизведении угрожающих жизни ситуаций, а также о повышенной раздражительности, преувеличенной реакции на громкие звуки, трудностях с концентрацией внимания.

В своей монографии «Человек в условиях стресса» Гринкер и Шпигель (1945) перечислили симптомы, совокупность которых авторы обозначили как «военный невроз», от которых страдали так называемые «возвращенцы»—солдаты, побывавшие в плену. К этим симптомам относились: повышенная утомляемость, агрессия, депрессия, ослабление памяти, гиперактивность симпатической нервной системы, ослабление способности к концентрации внимания, алкоголизм, ночные кошмары, подозрительность и фобии.

В середине 70-х годов американское общество вплотную столкнулось с проблемами, порожденными дезадаптивным поведением ветеранов Вьетнама. Так, примерно у 25% воевавших во

Вьетнаме солдат опыт участия в боевых действиях послужил причиной развития неблагоприятных изменений личности под воздействием психической травмы. К началу 1990-х годов, по данным статистики, около 100 000 вьетнамских ветеранов совершили самоубийство. Около 40 000 ведут замкнутый образ жизни и почти не общаются с внешним миром. Отмечен также высокий уровень актов насилия, неблагополучие в сфере семейных отношений и социальных контактов. Процент ПТСР среди раненых и калек значительно выше (до 42%), чем среди физически здоровых ветеранов (от 10 до 20%). Кроме того, было отмечено, что воздействие боевых стрессоров предсказывает более раннюю смерть, независимо от ПТСР: 56% людей, которые пережили тяжелые боевые действия, умирали или были хронически больны в возрасте до 65 лет. Отсроченные эффекты травмы могут проявиться в пожилом возрасте, когда возрастает риск соматических заболеваний. Отечественные исследования ветеранов войны в Афганистане (физически здоровых) подтверждают результаты американских исследований (процент ПТСР среди них такой же). Выявленные в процессе исследования рост актов насилия, совершаемых этими лицами, процент самоубийств среди них, неблагополучие в сфере семейных и производственных отношений заставили принять необходимые меры по их реабилитации. В рамках государственной программы была создана специальная система исследовательских центров социальной помощи ветеранам Вьетнама.

Начало систематических исследований постстрессовых состояний, вызванных переживанием природных и индус-

триальных катастроф (ядерные катастрофы, пожары, газовые атаки, землетрясения, наводнения, ураганы), можно отнести к 50-60-м годам прошедшего века. Например, Блоч, Силбер и Перри взяли интервью у 88 детей, которые пережили ураган в 1953 году.

Результаты их исследований ясно продемонстрировали, что травмированные дети, во многом подобно травмированным взрослым, переживают вызванные травмой ночные кошмары, избегающее поведение, реакции испуга, раздражительность и повышенную чувствительность к травматическим стимулам. Было проведено исследование ПТСР у жертв преступлений, у жертв сексуального насилия. Описан стресс радиационной угрозы. Так, лица, принимавшие участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, обращаясь за психологической помощью, чаще всего предъявляют жалобы на состояние соматического здоровья: постоянные головные боли, потерю веса, боли в суставах и мышцах и т. д. Их беспокоит также повышенная возбудимость и раздражительность, часто возникающие вспышки гнева, снижение работоспособности и настроения, конфликты в семье и на работе и т. д. Как правило, ухудшение самочувствия они связывают с участием в ликвидационных работах, причем это ухудшение они начинают испытывать спустя 2-3 года после возвращения из Чернобыля.

Суицидальное поведение и ПТСР. Актуальность изучения взаимосвязи между признаками ПТСР и суицидальным поведением обусловлена, прежде всего, статистикой суицидов среди лиц, подвергшихся травматическому воздействию. Так, в исследованиях Килпатрик, Бест

и Веронен показано, что жертвы сексуального насилия совершают суицид в 8 раз чаще по сравнению с контрольной группой. С момента окончания боевых действий и по 1990 год покончили жизнь самоубийством более 50 000 ветеранов войны во Вьетнаме. Среди ветеранов, боевой опыт которых был связан с повышенным риском для жизни, наблюдается выраженная тенденциялюбым способом (в основном—алкоголь и наркотики) уйти от переживаний, связанных с войной. При этом чувство вины — наиболее значимый фактор суицидального риска. Участие в экстремальных формах насилия во время сражения может выступать в роли предиктора как суицидальных попыток, так и развития тяжелых форм ПТСР. Взаимосвязь ПТСР и суицидального поведения обнаружена не только среди ветеранов войн и узников плена, но и среди гражданского населения.

Миграционные процессы во всем мире имеют тенденцию к резкому увеличению, поэтому изучение психологических последствий вынужденного изменения мест проживания стало одной из актуальных проблем как для психологов, так и для клиницистов. Психической травматизации особенно сильно подвержены беженцы из «горячих точек», многие из них побывали в заложниках, находились в зоне военных действий, потеряли своих близких, т. е. переживали травматический стресс. В разных исследованиях показано, сколь значительна распространённость суицидального поведения и суицидальных попыток среди беженцев, подвергшихся травматизации. У части беженцев возникает чувство «вины выжившего». Почти у всех нарушаются социальные связи, которые

зачастую приводят к полной социальной изоляции, у многих усиливается соматическая патология—все это относится к факторам суицидального риска. Другие ведущие симптомы в группе ПТСР включают ряд клинических параметров, связанных со склонностью к суицидальному поведению: болезненное содержание кошмаров, сокращение или пренебрежение социальными контактами, пессимизм по отношению к будущему и возросшая агрессивность. Перечисленные симптомы, сопряженные с показателями суицидов, определены как «факторы содействия».

Данные симптомы включают: возвращающуюся депрессию, чувство потери, сильное чувство безнадежности или чувство злости. Данные суицидологии указывают на высокую корреляционную связь между «чувством безнадежности», «невозможностью заглянуть в будущее» и будущим суицидом. «Утрата жизненной перспективы» относится к числу диагностических симптомов ПТСР.

Выделены следующие *стрессоры, связанные с социальным окружением:* ненужность обществу человека с боевым опытом, непопулярность войны и ее участников; взаимное непонимание между теми, кто был на войне, и теми, кто не был; комплекс вины, формируемый обществом. Столкновение с этими, уже вторичными по отношению к экстремальному опыту, полученному на войне, стрессорами, достаточно часто приводит к ухудшению состояния ветеранов войн как Вьетнама, так и Афганистана. Это свидетельствует об огромной роли социальных факторов как в помощи по преодолению травматических стрессовых состояний, так и в формировании

ПТСР в случае отсутствия поддержки и понимания окружающих людей.

Диагностические критерии ПТСР

Критерии ПТСР в **МКБ-10** определены следующим образом:

А. Больной должен быть **подвержен воздействию стрессорного события** или ситуации (как краткому, так и длительному) исключительно угрожающего или катастрофического характера, что способно вызвать общий дистресс почти у любого индивидуума.

Б. Стойкие воспоминания или «оживление» стрессора в **навязчивых реми-нисценциях**, ярких воспоминаниях или повторяющихся снах, либо повторное переживание горя при воздействии ситуаций, напоминающих или ассоциирующихся со стрессором.

В. Больной должен обнаруживать фактическое **избегание** или стремление избежать обстоятельств, напоминающих либо ассоциирующихся со стрессором.

Г. Любое из двух:

1. Психогенная **амнезия**, либо частичная, либо полная, в отношении важных аспектов периода воздействия стрессора.

2. Стойкие симптомы **повышения психологической чувствительности** или возбудимости (не наблюдавшиеся до действия стрессора), представленные любыми двумя из следующих:

а) затруднения засыпания или сохранения сна;

б) раздражительность или вспышки гнева;

в) затруднения концентрации внимания;

г) повышение уровня бодрствования;

д) усиленный рефлекс четверохолмия.

Д. Критерии Б, В и Г возникают в течение шести месяцев стрессогенной ситуации или в конце периода стресса.

Критерии посттравматического стрессового расстройства по **DSM-IV** (система классификации Американской психиатрической ассоциации):

А. Индивид находится под воздействием травмирующего события, причем должны выполняться оба приведенных ниже пункта:

1. Индивид **был участником**, свидетелем либо столкнулся с событием (событиями), которые включают смерть или угрозу смерти, или угрозу серьезных повреждений, или угрозу физической целостности других людей (либо собственной).

2. Реакция индивида включает **интенсивный страх**, беспомощность или ужас.

Примечание: у детей реакция может замещаться ажитирующим или дезорганизованным поведением.

В. Травматическое событие постоянно повторяется в переживании одним (или более) из следующих способов:

1. Повторяющееся и навязчивое воспроизведение события, соответствующих образов, мыслей и восприятий, вызывающее тяжелые эмоциональные переживания.

Примечание: у маленьких детей может появиться постоянно повторяющаяся игра, в которой проявляются темы или аспекты травмы.

2. Повторяющиеся тяжелые сны о событии. Примечание: у детей могут возникать ночные кошмары, содержание которых не сохраняется.

3. Такие действия или ощущения, как если бы травматическое событие проис-

ходило вновь (включает ощущение «оживания» опыта, иллюзии, галлюцинации и диссоциативные эпизоды — «флэш-бэк»-эффекты, включая те, которые появляются в состоянии интоксикации или в просоночном состоянии).

Примечание: у детей может появляться специфическое для травмы повторяющееся поведение.

4. Интенсивные тяжелые переживания, которые были вызваны внешней или внутренней ситуацией, напоминающей о травматических событиях или символизирующей их.

5. Физиологическая реактивность в ситуациях, которые внешне или внутренне символизируют аспекты травматического события.

С. Постоянное избегание стимулов, связанных с травмой, и numbing—блокировка эмоциональных реакций, оцепенение (не наблюдалось до травмы). Определяется по наличию трех (или более) из перечисленных ниже особенностей:

1. Усилия по избеганию мыслей, чувств или разговоров, связанных с травмой.

2. Усилия по избеганию действий, мест или людей, которые пробуждают воспоминания о травме.

3. Неспособность вспомнить о важных аспектах травмы (психогенная амнезия).

4. Заметно сниженный интерес или участие в ранее значимых видах деятельности.

5. Чувство отстраненности или отделенное от остальных людей.

6. Сниженная выраженность аффекта (неспособность любить).

7. Чувство отсутствия перспективы в будущем (например, отсутствие ожиданий по поводу карьеры, женитьбы, детей или пожелания долгой жизни).

Д. Постоянные симптомы возрастающего возбуждения (которые не наблюдались до травмы). Определяются по наличию по крайней мере двух из нижеперечисленных симптомов:

1. Трудности засыпания или плохой сон (ранние пробуждения).

2. Раздражительность или вспышки гнева.

3. Затруднения с сосредоточением внимания.

4. Повышенный уровень настороженности, гипербдительность, отстояние постоянного ожидания угрозы.

5. Гипертрофированная реакция испуга.

Е. Длительность протекания расстройства (симптомы в критериях В, С и Д) более чем 1 месяц.

Ф. Расстройство вызывает клинически значимое тяжелое эмоциональное состояние или нарушения в социальной, профессиональной или других важных сферах жизнедеятельности.

Определение травматического события относится к числу первостепенных при диагностике ПТСР.

Травматическая ситуация—это такие экстремальные критические события, которые обладают мощным негативным воздействием, ситуации угрозы, требующие от индивида экстраординарных усилий по совладанию с последствиями воздействия.

Типы травматических ситуаций:

Тип 1. Краткосрочное, неожиданное травматическое событие.

Примеры: сексуальное насилие, естественные природные катастрофы, ДТП, снайперская стрельба.

1. Единичное воздействие, несущее угрозу и требующее превосходящих воз-

возможности индивида механизмов совладания.

2. Изолированное, довольно редкое травматическое переживание.

3. Неожиданное, внезапное событие.

4. Событие оставляет неизгладимый след в психике индивида (индивид часто видит сны, в которых присутствуют те или иные аспекты события), следы в памяти носят более яркий и конкретный характер, чем воспоминания о событиях, относящихся к типу 2.

5. С большой степенью вероятности приводят к возникновению типичных симптомов ПТСР: навязчивой мыслительной деятельности, связанной с этим событием, симптомам избегания и высокой физиологической реактивности.

6. С большой степенью вероятности проявляется классическое повторное переживание травматического опыта.

7. Быстрое восстановление нормального функционирования редко и маловероятно.

Тип 2. Постоянное и повторяющееся воздействие травматического стрессора—серийная травматизация или пролонгированное травматическое событие.

Примеры: повторяющееся физическое или сексуальное насилие, боевые действия.

1. Вариативность, множественность, пролонгированность, повторяемость травматического события или ситуации, предсказуемость.

2. Наиболее вероятно, ситуация создается по умыслу.

3. Сначала переживается как травма типа 1, но по мере того, как травматическое событие повторяется, жертва переживает страх повторения травмы.

4. Чувство беспомощности в предотвращении травмы.

5. Для воспоминаний о такого рода событии характерна их неясность и неоднородность в силу диссоциативного процесса; со временем диссоциация может стать одним из основных способов совладания с травматической ситуацией.

6. Результатом воздействия травмы типа 2 может стать изменение «Я-концепции» и образа мира индивида, что может сопровождаться чувствами вины, стыда и снижением самооценки.

7. Высокая вероятность возникновения долгосрочных проблем личностного и интерперсонального характера, что проявляется в отстраненности от других, в сужении и нарушении лабильности и модуляции аффекта.

8. Диссоциация, отрицание, намбинг, отстраненность, злоупотребление алкоголем и другими психоактивными веществами может иметь место в качестве попытки защиты от непереносимых переживаний.

9. Приводит к тому, что иногда обозначают как комплексный ПТСР или расстройство, обусловленное воздействием экстремального стрессора.

Психологические последствия ПТСР

У людей с ПТСР драматически нарушена способность к интеграции травматического опыта с другими событиями жизни, их травматические воспоминания существуют в памяти не в виде связанных рассказов, а состоят из интенсивных эмоций и тех соматосенсорных элементов, которые актуализируются, когда страдающий ПТСР находится в возбужденном состоянии или подвер-

жен стимулам или ситуациям, напоминающем ему о травме. В силу того, что травматические воспоминания остаются неинтегрированными в когнитивную схему индивида и практически не подвергаются изменениям с течением времени,—что составляет природу психической травмы — жертвы остаются «застывшими» в травме как в актуальном переживании, вместо того, чтобы принять ее как нечто, принадлежащее прошлому.

Триггеры, запускающие навязчивые травматические переживания, со временем могут становиться все более и более тонкими: например, у ветерана войны резко ухудшается настроение при шуме дождя, потому что это напоминает ему сезоны муссонов во Вьетнаме.

Телесные реакции индивидов с ПТСР на определенные физические и эмоциональные стимулы происходят в такой форме, будто бы они все еще находятся в условиях серьезной угрозы; они страдают от гипербдительности, преувеличенной реакции на неожиданные стимулы и невозможности релаксации. Люди с ПТСР страдают от обусловленного возбуждения вегетативной нервной системы. Постоянное предвосхищение (антиципация) серьезной угрозы служит причиной такого, например, симптома, как трудности с концентрацией внимания или сужение круга внимания, которое направлено на источник предполагаемой угрозы.

Одним из последствий гипервозбуждения является генерализация ожидаемой угрозы. Мир становится небезопасным местом: безобидные звуки провоцируют реакцию тревоги, обычные явления воспринимаются как предвестники опасности. Как известно, с точки зрения

адаптации возбуждение вегетативной нервной системы служит очень важной функцией мобилизации внимания и ресурсов организма в потенциально значимой ситуации. Однако у тех людей, которые постоянно находятся в состоянии гипервозбуждения, эта функция утрачивается в значительной степени: легкость, с которой у них запускаются соматические нервные реакции, делает для них невозможным положиться на свои телесные реакции — систему эффективного раннего оповещения о надвигающейся угрозе. Физические ощущения теряют функцию сигналов эмоциональных состояний и, как следствие, уже не могут служить в качестве ориентиров при какой-либо активности или деятельности. Таким образом, подобно нейтральным стимулам окружающей среды, нормальные физиологические ощущения могут быть наделены новым угрожающим смыслом. Собственная физиологическая активность становится источником страха индивида.

Теряется способность гибкого реагирования на изменяющиеся требования окружающей среды, что может проявляться в трудностях в учебной деятельности и серьезно нарушить способность к усвоению новой информации.

Несмотря на свою болезненность, симптомы могут вносить позитивные изменения в область социальных ролей индивида. Известен случай, когда человек, страдавший от навязчивых воспоминаний войны, стал президентом США. Этот человек — Джон Кеннеди. Некоторые люди имеют положительную адаптацию к травме, используя опыт ее переживания как источник мотивации. Для других работа становится методом разрушения и средством ухода от прошлого.

Хотя их карьеры могут быть очень успешными, этот успех часто достигается за счет разрушения семьи или межличностных связей. Так эти люди становятся калеками из-за навязчивости прошлого и своей неспособности концентрироваться на настоящем.

Например, выжившие жертвы концентрационных лагерей — они имели менее стабильный трудовой стаж, чем контрольная группа, с более частыми сменами работы, места жительства и рода занятий. Они переходили в менее квалифицированные и менее оплачиваемые слои в 25% случаев, в противоположность 4% случаев в контрольной группе.

Насилие потрясает сами базисные убеждения индивида относительно его самости как неуязвимой и имеющей ценность как таковой, а также относительно мира как безопасного и справедливого. После акта насилия взгляды жертвы на себя и на окружающий мир драматически меняются и уже никогда не будут прежними: воззрения должны быть изменены для того, чтобы появилась возможность интегрировать травматический опыт.

Многие травмированные индивиды, особенно дети, перенесшие травму, склонны обвинять самих себя за случившееся с ними. Взятие ответственности на себя в этом случае позволяет компенсировать чувства беспомощности и уязвимости иллюзией потенциального контроля. Установлено, что жертвы сексуального насилия, обвиняющие в случившемся себя, имеют лучший прогноз, чем те, кто не принимает на себя ложной ответственности, ибо это позволяет их локусу контроля оставаться интернальным и избежать чувства беспомощности.

Компульсивное повторное переживание травматических событий — поведенческий паттерн, который часто наблюдается у людей, перенесших психическую травму. Проявляется он в том, что неосознанно индивид стремится к участию в ситуациях, которые сходны с начальным травматическим событием в целом или каким-то его аспектом. Например, ветераны становятся наемниками или служат в милиции. Женщины, подвергшиеся насилию, вступают в болезненные для них отношения с мужчиной, который с ними плохо обращается. Индивиды, перенесшие в детстве ситуацию сексуального соблазнения, повзрослев, занимаются проституцией. Понимание этого парадоксального феномена может помочь прояснить некоторые аспекты девиантного поведения в социальной и интерперсональной сферах. Субъект, демонстрирующий подобные паттерны поведения повторного переживания травмы, может выступать как в роли жертвы, так и в роли агрессора.

Повторное отыгрывание травмы является одной из основных причин распространения насилия в обществе. Многочисленные исследования, проведенные в США, показали, что большинство преступников, совершивших серьезные преступления, в детстве пережили ситуацию физического или сексуального насилия. В литературе описывается феномен «ревиктимизации»: травмированные индивиды вновь и вновь попадают в ситуации, где они оказываются жертвами.

Преследуемые навязчивыми воспоминаниями и мыслями о травме, травмированные индивиды начинают организовывать свою жизнь таким образом,

чтобы избежать эмоций, которые провоцируются этими вторжениями. Избегание может принимать разные *формы*, например, дистанцирование от напоминаний о событии, злоупотребление алкоголем или наркотиками для того, чтобы заглушить осознание дистресса, использование диссоциативных процессов для того, чтобы вывести болезненные переживания из сферы сознания. Все это ослабляет взаимосвязи с другими людьми, приводит к их нарушению, и, как следствие,—к снижению адаптивных возможностей.

Физическое избегание ситуаций или действий, которые имеют сходство с основной травмой или символизируют ее, может интерферировать на межличностные взаимосвязи и вести к супружеским конфликтам, разводу или потере работы. Однако семья, семейная стабильность выступают в качестве мощной социальной поддержки, оказывая компенсирующее влияние на больного члена семьи, включающее когнитивную, эмоциональную и инструментальную помощь.

Особенности ПТСР у детей

Дети, являясь, бесспорно, самой незащищенной и уязвимой частью населения, полностью зависят от взрослых, и при этом они, так же как и взрослые, достаточно часто оказываются в зоне техногенных и природных катастроф, свидетелями военных действий, они становятся заложниками, а также жертвами физического, сексуального и эмоционального насилия. Также к травматическим ситуациям для детей можно отнести длительные или повторяющиеся госпитализации.

Основными травмирующими факторами являются: непосредственная уг-

роза здоровью и жизни ребенка и его близких, смерть близких, физические травмы ребенка. У подростков как один из симптомов ПТСР может появляться «вина выжившего».

Для детей дошкольного возраста наиболее типичными последствиями травматических ситуаций являются: регрессивное поведение (энурез, страх разлуки с родителями, страх перед незнакомыми людьми, утрата имевшихся навыков), раздражительность.

Сразу после травмы у детей обычно появляются следующие симптомы: нарушения сна, ночные кошмары, навязчивые мысли о травматической ситуации, уверенность в том, что травматическая ситуация может повториться, повышенная тревожность, сильная реакция на любой стимул или ситуацию, символизирующую травму, психофизиологические нарушения.

У детей старшего возраста появляются проблемы в учебе и общении. Им свойственны поведенческие нарушения от депрессии до агрессии. У подростков также отмечаются различные соматические жалобы, по результатам медицинских осмотров не имеющие органической природы. При длительной разлуке с родителями у детей отмечаются такие нарушения, как депрессия, неспособность испытывать удовольствие, нарушение социальных контактов.

Дети могут не говорить о своих переживаниях, поэтому необходимо обращать внимание на невербальные признаки нарушений, такие как:

1. Нарушения сна, которые продолжаются дольше, чем несколько дней после травмы. При этом сны, напрямую связанные с травматической ситуацией, могут отсутствовать.

2. Страх разлуки с родителями, «цепляющееся» поведение.

3. Страх при появлении стимула (места, человека, телевизионной передачи), связанного с травматическим переживанием.

4. Соматические жалобы, неуверенность в собственном здоровье.

5. Повышенная тревожность, проявляющаяся дома или в школе, связанная со страхами или фрустрирующими обстоятельствами.

Навязчивое воспроизведение травматического случая у детей может иметь форму *повторяющихся игр*, в которых прослеживается тема или аспекты травмы. Это особый вид игры, когда дети однообразно, монотонно повторяют один и тот же сюжет игры, не внося туда никаких изменений, никакого развития. В таких играх отсутствуют катартические элементы, т. е. дети, проиграв определенные сюжеты, испытывают облегчение.

Когда ребенок сталкивается со **смертью**, она предстает перед ним с двух сторон: во-первых, человек становится свидетелем смерти близкого человека, а, во-вторых, осознает, что сам он смертен.

Впервые страх смерти появляется у ребенка в возрасте приблизительно 3 лет, он начинает бояться засыпать, по многу раз спрашивает у родителей, не умрут ли они. Затем формируются **три базовые иллюзии, позволяющие избежать этого страха**. Первая иллюзия—*иллюзия собственного бессмертия* («все смертны, но не я»). Разрушение этой иллюзии может полностью поменять восприятие окружающего мира не как уютного и безопасного, а как полного опасностей и неожиданностей. Вторая

иллюзия—*иллюзия справедливости* («все получают по заслугам. Если я буду хорошим, со мной ничего не случится»). Разрушение этой иллюзии приводит либо к представлению о том, что мир несправедлив и ужасен, либо к построению новых иллюзий (часто их роль выполняет религия). Третья иллюзия—*иллюзия простоты устройства окружающего мира*, все делится только на черное и белое.

Наиболее травматичны для детей ситуации, когда ребенок является свидетелем причинения вреда родственнику или близкому ребенку человеку (насилие, убийство, самоубийство). Помимо таких факторов, как угроза здоровью или жизни близкого и самого ребенка, важным травмирующим обстоятельством является ощущение ребенком своей беспомощности. Детям, перенесшим такую травму, в большинстве случаев свойственно наличие всех симптомов ПТСР (навязчивое воспроизведение травматической ситуации, избегание мест, связанных с событием, повышенная физиологическая возбудимость и нарушение функционирования).

Нарушения, возникающие после насилия, затрагивают все уровни человеческого функционирования. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности ребенка реализовать себя в будущем.

Насилие может вызывать различные нарушения, такие как нарушения в познавательной сфере, а также расстройства аппетита, сна; злоупотребление наркотиками, алкоголизм; непроизвольное воспроизведение травматических действий в поведении; попытки самонаказания; множество соматических жалоб.

Помимо непосредственного влияния насилия, пережитое в детстве, также мо-

жет приводить к долгосрочным последствиям, зачастую влияющим на всю дальнейшую жизнь. Оно может способствовать формированию специфических семейных отношений, особых жизненных сценариев. В исследованиях психологических историй жизни людей, совершающих действия, травмирующие детей, иногда обнаруживается собственный неразрешенный опыт насилия в детстве.

Существует несколько **параметров**, по которым классифицируется насилие. Так, насилие может быть явным и скрытым (косвенным), по времени насилие делится на происходящее в настоящем и случившееся в прошлом, по длительности насилие может быть единичным или множественным, длящимся долгие годы. По месту происшествия насилие бывает: дома — со стороны родственников, в школе — со стороны педагогов или детей, на улице — со стороны детей или со стороны незнакомых взрослых. Выделяется четыре основных типа насилия:

1. Физическое насилие — любое неслучайное нанесение повреждения ребенку в возрасте до 18 лет.

2. Сексуальное насилие — использование ребенка или подростка другим лицом для получения сексуального удовлетворения.

3. Пренебрежение — хроническая неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребенка, не достигшего 18-летнего возраста, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и присмотре.

4. Психологическое насилие — хронические паттерны поведения, такие как унижение, оскорбление, издевательства и высмеивание ребенка.

Как правило, ребенок-жертва страдает одновременно от нескольких форм насилия. В основе любой формы насилия, в том числе и сексуального, лежит насилие эмоциональное, депривация, отвержение, которое является особенно коварным и причиняющим значительный ущерб развитию личности.

Наиболее часто жертвами различного рода насилия как со стороны взрослых, так и сверстников, становятся:

- дети, воспитывающиеся в условиях **жестких** отношений в семье, которые враждебно воспринимают мир и готовы быть жертвами насилия со стороны сильных и сами проявлять насилие к слабым;

- дети, воспитывающиеся в условиях **безнадзорности**, заброшенности, эмоционального отвержения, не получающие достаточного ухода и эмоционального тепла и часто имеющие отставание психофизического развития, легко внушаемые, не способные оценить степень опасности и сопротивляться насилию;

- дети, предоставленные **улице**;
- дети, которые воспитываются в обстановке беспрекословного **подчинения**, не умеющие сказать «нет», с нечеткими внутренними границами, делающими их не способными сопротивляться насилию, боязливые и тревожные;

- дети с **психическими аномалиями** (психопатии, олигофрении, последствия органических заболеваний ЦНС и ЧМТ), не способные адекватно оценить опасность ситуации;

- маленькие дети в силу их беспомощности;

- недоношенные или с малым весом при рождении (так как такие дети обычно более раздражительны, больше плачут, менее привлекательны).

Физическое насилие—явление достаточно распространенное в нашем обществе. Так, например, только в Волгограде за последние 5 лет родителями убито более 2000 детей. Ежегодно около 100 000 детей убегают из дома. Каждый год около 2000 детей пытаются покончить с собой из-за надругательства над ними в семье.

Основными последствиями физического насилия для детей являются отсутствие контроля над своей импульсивностью, снижение способности к самовыражению, отсутствие доверия к людям, депрессии. Непосредственно после травмы могут возникать острые состояния страха. Кроме того, отсроченными последствиями физического насилия могут быть садистские склонности.

Большинство родителей, жестоко обращающихся с детьми, сами пережили физическое насилие, отвержение, депривацию в детстве. Для большинства из них свойственна низкая самооценка, недостаточный самоконтроль.

Статистические данные по поводу сексуального насилия:

- приблизительно 1 из 4 женщин и 1 из 6 мужчин испытали сексуальное насилие до 18-летнего возраста;

- несмотря на существующий стереотип, среди всех случаев насилия над детьми 75-90% насильников знакомы детям, и только 10-25% случаев насилия совершаются незнакомыми людьми. В 35-45% случаев насильником является родственник, а в 30-45%—более дальний знакомый;

- только 2% жертв внутрисемейного и 6% жертв внесемейного насилия сообщают о случаях насилия властям;

- сексуальным посягательствам в России подвергаются ежегодно более 60 000 детей.

При этом следует учитывать, что ребенок может не осознавать, что над ним совершается насилие, в силу своего возраста, страха потерять расположение насильника, доверия и любви к нему. Даже в том случае, когда дети осознают значение производимых с ними действий, они все равно не обладают достаточным опытом, чтобы предвидеть все последствия таких действий для своего психического или физического здоровья.

На начальном этапе развития инцестных отношений они не кажутся ребенку насильственными, поскольку начинается все обычно с физического контакта, такого как прикосновения, поглаживания, и лишь позднее эти действия приобретают все более и более сексуализированный характер. Маленькие дети могут считать, что такие отношения являются нормальными и приемлемыми между любящим взрослым и ребенком. Некоторые жертвы рассказывают о том, что они понимали неправильность всего того, что с ними происходило, но они не хотели терять то эмоциональное тепло, которое получали от насильника в обмен на согласие и молчание. Сохранение ребенком тайны также может поддерживаться за счет угроз и дезинформации.

Дети, подвергнутые насилию, могут на довольно продолжительное время забывать о своем травматическом опыте, вспоминая о нем уже будучи взрослыми, часто—в ходе психотерапевтического процесса.

Дети и подростки, пережившие насилие, чувствуют бессилие и замешательство, смущение и стыд. Они часто обвиняют себя в том, что случилось, чувству-

ют себя соучастниками и виновниками происшедшего. В глубине души некоторые дети сознают, что это не их вина, но большинство все-таки считают, что насильственное обращение с ними обусловлено их поведением, характером или положением в семье.

Последствия сексуального насилия также затрагивают когнитивную сферу. Это может выражаться в нарушении концентрации внимания, поскольку все мысли ребенка заняты травматическим опытом. Ребенок пристально следит за всем, что происходит вокруг него, словно ему угрожает постоянная опасность, причем опасность не только внешняя, но и внутренняя, которая состоит в том, что нежелательные травматические впечатления прорвутся в сознание.

Дети, пережившие сексуальное насилие, перестают доверять людям, из-за этого круг общения сужается, они становятся замкнутыми и недоверчивыми. Одним из важных психологических пос-

ледствий у детей, переживших насилие, является неадекватное снижение самооценки.

Последствия сексуального насилия оказывают влияние в целом на психику ребенка, и эти последствия проявляются во взрослой жизни в форме психосоматических заболеваний, различных злоупотреблений (наркотиками, алкоголем, лекарственными препаратами), различных нарушений, связанных с неприятным своим телом. Отмечаются нарушения в сексуальных отношениях с партнером. Часто ребенок не может представить себе, что у него будет долгая жизнь, семья, карьера, дети.

В дисгармоничных и неполных семьях дети психологически менее защищены от травматических ситуаций, чем в нормальных семьях. В дисгармоничных семьях родители чаще пытаются преуменьшить или скрыть травматический опыт своего ребенка.

Феномен эмоционального выгорания: механизм формирования, симптомы и способы преодоления с точки зрения различных психологических подходов

Л. И. Ларенцова, Н. В. Терехина

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению синдрома эмоционального выгорания. Анализируются механизмы формирования, симптомы и способы преодоления СЭВ с точки зрения различных психологических подходов. Также обобщаются сведения о профилактике данного явления в рамках различных психологических направлений.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания (СЭВ), эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личностных достижений, эволюция взглядов на природу СЭВ, профилактика СЭВ.

The summary. In article the basic approaches to studying of a syndrome of emotional burning out are considered. Formation mechanisms, symptoms and ways

ют себя соучастниками и виновниками происшедшего. В глубине души некоторые дети сознают, что это не их вина, но большинство все-таки считают, что насильственное обращение с ними обусловлено их поведением, характером или положением в семье.

Последствия сексуального насилия также затрагивают когнитивную сферу. Это может выражаться в нарушении концентрации внимания, поскольку все мысли ребенка заняты травматическим опытом. Ребенок пристально следит за всем, что происходит вокруг него, словно ему угрожает постоянная опасность, причем опасность не только внешняя, но и внутренняя, которая состоит в том, что нежелательные травматические впечатления прорвутся в сознание.

Дети, пережившие сексуальное насилие, перестают доверять людям, из-за этого круг общения сужается, они становятся замкнутыми и недоверчивыми. Одним из важных психологических пос-

ледствий у детей, переживших насилие, является неадекватное снижение самооценки.

Последствия сексуального насилия оказывают влияние в целом на психику ребенка, и эти последствия проявляются во взрослой жизни в форме психосоматических заболеваний, различных злоупотреблений (наркотиками, алкоголем, лекарственными препаратами), различных нарушений, связанных с неприятным своим телом. Отмечаются нарушения в сексуальных отношениях с партнером. Часто ребенок не может представить себе, что у него будет долгая жизнь, семья, карьера, дети.

В дисгармоничных и неполных семьях дети психологически менее защищены от травматических ситуаций, чем в нормальных семьях. В дисгармоничных семьях родители чаще пытаются преуменьшить или скрыть травматический опыт своего ребенка.

Феномен эмоционального выгорания: механизм формирования, симптомы и способы преодоления с точки зрения различных психологических подходов

Л. И. Ларенцова, Н. В. Терехина

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению синдрома эмоционального выгорания. Анализируются механизмы формирования, симптомы и способы преодоления СЭВ с точки зрения различных психологических подходов. Также обобщаются сведения о профилактике данного явления в рамках различных психологических направлений.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания (СЭВ), эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личностных достижений, эволюция взглядов на природу СЭВ, профилактика СЭВ.

The summary. In article the basic approaches to studying of a syndrome of emotional burning out are considered. Formation mechanisms, symptoms and ways

of overcoming emotional burning out from the point of view of various psychological approaches are analyzed. Also data on preventive maintenance of the given phenomenon within the limits of various psychological directions are generalised.

Keywords: *a syndrome of emotional burning out, an emotional exhaustion, деперсонализация, a reduction of personal achievements, evolution of sights at nature of emotional burning out, preventive maintenance of emotional burning out.*

Возрастание роли прикладных исследований в социально-психологическом направлении, необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки специалистов, профессиональной ориентации придают особую актуальность работам по изучению успешного соответствия человека требованиям профессиональной деятельности и его профессиональной стрессоустойчивости.

Последние годы в отечественной и зарубежной психологии ведутся многочисленные исследования, связанные с синдромом эмоционального выгорания (СЭВ). Представители многих профессий, чья деятельность связана с общением, подвержены симптомам эмоционального утомления и опустошения. Прежде всего, это касается врачей, педагогов, практических психологов, воспитателей, работников торговли и сферы обслуживания.

В данном обзоре нами предпринята попытка анализа существующих точек зрения на природу синдрома эмоционального выгорания. При этом мы не ставили перед собой задачу охватить все концепции, предложенные зарубежными и российскими учеными — они

в достаточной степени освещены в психологической литературе. Основной целью было наметить основные тенденции развития взглядов на СЭВ и обобщить имеющиеся в литературе сведения о профилактике данного явления в рамках различных психологических подходов.

Первые работы по выгоранию появились в 70-е годы прошлого столетия в США. Одним из основоположников идеи выгорания является Х. Фреденбергер, американский психиатр, работавший в альтернативной службе медицинской помощи. В 1974 г. он описал феномен, который наблюдал у себя и своих коллег (истощение, потеря мотивации и ответственности), и назвал его запоминающимся словом — выгорание [8; 3].

На сегодняшний день существует множество определений выгорания. Согласно Фреденбергеру, эмоциональное выгорание «является истощением энергии у профессионалов в сфере социальной помощи, когда они чувствуют себя перегруженными проблемами других людей».

К. Маслач определяет это понятие следующим образом—«синдром физического и эмоционального истощения, включающий развитие отрицательной самооценки, отрицательного отношения к работе и утрату понимания и сочувствия по отношению к клиентам» [1; с.30].

Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственной работой.

Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной

сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации, получения образования и других социальных услуг.

Наконец, редукция профессиональных достижений—возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней.

Маслач подчеркивает, что выгорание —это не потеря творческого потенциала, не реакция на скуку, а скорее проблема, которая «возникает на фоне стресса, вызванного межличностным общением» [1; с.30-31].

Выгорание можно приравнять к стрессу в его крайнем проявлении и к третьей стадии общего синдрома адаптации—истощению (как «состояние полного истощения» синдром выгорания был описан в 10 пересмотре МКБ под рубрикой Z.73.0).

СЭВ представляет собой схему для описания негативных мотивационно-эмоциональных эффектов, проявляющихся в профессиональной деятельности.

На сегодняшний день различают три дополняющих друг друга подхода к созданию объяснительных моделей возникновения эмоционального выгорания [5; 4]

1) индивидуально-психологический: в нем подчеркивается характерное для некоторых людей несоответствие между их слишком высокими ожиданиями от работы и действительностью, с которой им приходится сталкиваться ежедневно;

2) социально-психологический: в нем причиной феномена выгорания считается специфика самой работы в социальной сфере, отличающейся большим

количеством нагружающих психику неглубоких контактов с разными людьми;

3) организационно-психологический: причина эмоционального выгорания связывается с типичными проблемами личности в организационной структуре: недостатком автономии и поддержки, ролевыми конфликтами, неадекватной или недостаточной обратной связью от руководства в отношении отдельного работника и т. д.

Эволюция взглядов на природу эмоционального выгорания происходила в направлении от рассмотрения данного феномена как следствия профессиональной ситуации, внешней по отношению к субъекту деятельности, к признанию ведущей роли в формировании СЭВ индивидуально-личностных характеристик специалиста.

По мнению К. Маслач, одной из первых исследователей этого явления, выгорание отдельного человека больше говорит о состоянии его работы, чем о нем самом [1; 80]. Такой феноменологический (описательный) подход, ориентированный на перечень формальных признаков, позволяет распознавать и дифференцировать названный феномен, не раскрывая, однако, его причин и механизмов формирования.

Так, например, работа Х. Фреденберга не содержит непосредственно психологического объяснения выгорания. Он приводит случаи психического здоровья и нездоровья. Согласно Х. Фреденбергер (1980), выгорание — это состояние утомления или фрустрации, которое было вызвано беззаветной преданностью делу, стилем жизни или способом взаимоотношений, которые не привели к ожидаемому и предполагаемому вознаграждению [1; 5].

По мнению автора, выгорание развивается, когда индивиды свято верят в идеализированный образ своего «Я» как динамичной, не истощаемой и суперкомпетентной личности. В результате они теряют контакт с другой, «реальной» частью своей личности. Если индивид слишком долго преследует чрезмерно идеализированный Я-образ, это ведет к истощению всех его энергетических ресурсов и возникновению выгорания.

Часто авторы пытаются анализировать выгорание с точки зрения традиционных психологических теорий, таких как: психодинамическая теория, когнитивно-бихевиоральная, или менее распространенных, к которым можно отнести теорию сохранения ресурсов или теорию деятельности [1,5,8]. Большинство из этих моделей выгорания ранее не были подтверждены эмпирическими данными, но в последнее время все чаще в психологической литературе появляются результаты исследований, основывающихся на положениях упомянутых теорий.

В аспекте *ресурсной концепции (COR-теория С. Хобфолла)* личностные, поведенческие и социальные переменные, отрицательно связанные с показателями выгорания, обозначаются как ресурсы, которые при определенных условиях обуславливают стойкость к развитию СЭВ. Хобфолл называет ресурсами то, что является ценным для человека и помогает ему сохранить психологическую устойчивость в стрессогенных ситуациях. Ресурсы включают в себя объекты (цели), состояния, личностные и энергетические характеристики, которые либо сами по себе необходимы для выживания, либо служат средствами для достижения личностно значимых целей.

Центральный принцип теории «сохранения ресурсов» заключается в том, что люди стремятся получить, сохранить и защитить свои ценности, стараясь использовать свои ресурсы наилучшим образом. Вторым принципом является необходимость инвестирования (вкладывания) ресурсов для защиты от их потери, а также восстановления потерянных и приобретения новых ресурсов [1; 265].

С.Майер (1983) в рамках *когнитивно-бихевиорального подхода* рассматривает выгорание как результат целого набора неверных ожиданий, которые не соответствуют настоящей рабочей ситуации. Выделяют три вида ожиданий: ожидание подкрепления, ожидание результата, ожидание эффективности. Этот подход, основанный на теории научения, иллюстрирует на теоретическом уровне, что различные виды ожиданий могут играть различную роль в возникновении выгорания [1, 15].

С точки зрения психологов, принадлежащих к *психоаналитическому направлению*, в основе профессионального стресса и эмоционального выгорания лежат проблемы неразрешенного контрпереноса [4,6, 12, 13].

Классическое определение контрпереноса как «совокупности бессознательных реакций аналитика на личность анализируемого и особенно на его трансфер» отражает точку зрения Фрейда на контрперенос, как фактор, негативно влияющий на качество аналитического процесса. Сознание аналитика рассматривается Фрейдом как «инструмент», эффективному функционированию которого препятствует контрперенос [13; с. 189-201].

Разрабатывая методику и технику психоанализа, З. Фрейд обращал вни-

мание не только на чувства пациентов, но и на то, каким образом психотерапевтическое взаимодействие переживал сам психоаналитик [13; там же].

Английский психоаналитик И. Бренман Пик подчеркивает, что психолог вынужден прилагать огромные усилия не только для того, чтобы контейнировать проекции пациента, но и чтобы справляться со своими собственными чувствами, которые подвергаются интенсивному воздействию. Аналитика необходимо прорабатывать свои переживания, когда он работает с клиентом [6]. Аналитик может обратиться за внешней поддержкой—в клинику или к коллеге—которые помогут справиться с подобным случаем.

Несправедливо отрицать тот факт, что аналитик затронут подобными переживаниями. Это может быть воспринято пациентом так, что его состояние, боль и поведение эмоционально игнорируются аналитиком. Специалист должен позволить себе иметь переживания, прорабатывать их и трансформировать в полезную интерпретацию [6, 12].

Для рассмотрения проблемы профессиональной деформации можно обратиться к синтетическому подходу О. Кернберга, в котором оптимально сочетаются классическое и современное понимание феномена контрпереноса. Кернберг предлагает рассматривать взаимоотношения между контрпереносом и личностью психоаналитика в трех измерениях [3; 330].

Первое—«пространственное измерение»—имеет отношение к определению понятия контрпереноса. В данном случае он включает в себя все сознательные и бессознательные реакции аналитика на пациента.

Второе—«временное измерение». С точки зрения времени можно выделить три типа реакций контрпереноса: а) острые; б) длительные искажения контрпереноса—незаметно развивающиеся и искажающие установки аналитика по отношению к пациенту; в) более растянутый во времени «постоянный контрперенос», который представляет собой проявление патологии характера аналитика.

Третье измерение представляет тяжесть нарушений у пациента. «При обычных обстоятельствах патология характера аналитика или какие-то его личные ограничения не должны влиять на терапию. Но когда аналитик сталкивается с тяжелой патологией пациента... неизбежен контрперенос в широком смысле слова, а он может активизировать патологические черты характера аналитика» [3; с. 335].

Российские исследователи, в частности А. И. Куликов, считают, что в традиционной психологии произошло повторное открытие феномена контрпереноса, который является основным мотивирующим фактором профессиональной деформации. А. И. Куликов полагает, что синдром профессионального выгорания является феноменом, в основе которого лежат проблемы неразрешенного контрпереноса. СЭВ, по его мнению, является его манифестным содержанием, рационализацией бессознательного конфликта [4].

Выгорание чаще всего является проявлением хронических реакций контрпереноса, манифестируя в виде невроза контрпереноса или актуализации патологических черт характера аналитика.

Все специалисты подвержены негативному влиянию профессиональных

стрессоров, но чем меньше у профессионала толерантность к фрустрации, тем с большей вероятностью контрперенос будет отыгрываться, приводя к нарушениям профессиональных границ.

К вероятным условиям и механизмам перехода профессионального стресса в дистресс и выгорание следует отнести: психологический/психопатологический статус специалиста; профессиональную изоляцию; неблагоприятные условия и организацию труда; низкие гонорары; тяжесть психопатологии пациента. Необходимость осознания контрпереноса можно рассматривать как важный элемент профилактики и разрешения негативных профессиональных изменений в любых «взаимоотношениях» терапевта-пациент [4].

Попыткой применения *психодинамической концепции К. Г. Юнга* к выявлению источников выгорания являются работы А.-М. Гарден (1991) [14; 73-93]. Она считает, что выгорание связано с ответственностью работы типу личности по Юнгу. Она является одной из немногих исследователей, кто не согласен с трехкомпонентной структурой выгорания, предложенной К. Маслач. А.-М. Гарден считает, что только эмоциональное истощение является внутренней составляющей выгорания, в то время как деперсонализация характерна лишь для профессий сферы социального обслуживания. Вторым моментом ее концепции является тезис о том, что выгорание есть специальное развитие в психике динамических процессов для восстановления равновесия и/или роста личности. А.-М. Гарден приходит к выводу, что выгорание—это не столько негативный, сколько позитивный, развивающий личностный процесс.

Представители *гештальт-подхода* полагают, что синдром эмоционального выгорания — проблема комплексная. Специалист с СЭВ может демонстрировать психосоматические проявления (остеохондроз, головные боли, гипертонию), в сфере межличностного общения — неумение строить отношения с клиентами и коллегами, ожиданиями от общества, потенциально вредными влияниями культуры профессионального сообщества, с неблагоприятными факторами самой профессиональной деятельности (опасностями, эмоциональными перегрузками). В понимании гештальт-психологов, основная сложность для специалиста с СЭВ заключается в необходимости осознать и интегрировать все эти факторы, чтобы увидеть выгорание как целостность [7].

Гештальт-терапия придает огромное значение потребностям и стереотипам клиента, проявляющимся в ситуации здесь-и-теперь. Синдром эмоционального выгорания среди специалистов «помогающих» профессий — результат избегания собственных чувств, сведения профессиональной деятельности к жестким стереотипам и неумения играть и творчески самовыражаться.

Психосоматические проявления могут быть связаны с трудностями в осознании и словесном выражении собственных переживаний, что может мешать специалисту понять свои чувства и отношения, связанные с работой.

Еще Х. Фреденбергер отметил, что важную роль в развитии синдрома эмоционального выгорания играет гнев. Прямое выражение гнева клиенту этически приемлемо только в психотерапии, в случае оправданности поставленной задачей. В прочих видах деятель-

ности гнев смещается — на начальство, общество, на клиентов в целом и на самого себя. В результате у специалиста формируется негативный образ своей профессии, труд больше не может способствовать развитию его личности, и так возникает состояние эмоционального выгорания.

Часто наблюдается актуализация нарциссических черт у специалиста с СЭВ, так как идентификация с профессиональной ролью может создать иллюзию безопасности и всемогущества. Такое состояние описано в первую очередь у медиков и священнослужителей. Нарциссизм — это не только переживание собственного величия, но и грандиозности собственного ничтожества в ситуациях беспомощности и безнадежности, ограниченности своего профессионального и личностного потенциала перед лицом реальности клиента [7].

Привычные стереотипы поведения при закреплении могут существенно осложнить специалистам общение с клиентами, вызвать стресс и, возможно, способствовать разочарованию в профессии и эмоциональному выгоранию. Осознание этих стереотипов и умение вжиться в свое состояние и состояние клиента (пациента) — очень нужный навык для представителя «помогающей» профессии.

Все это очень важно в тренинговой работе или консультировании. Поэтому для клиентов, испытывающих трудности в словесном выражении своих чувств, следует применять методики, позволяющие вступить в контакт с такими переживаниями без слов, например, арт-терапевтические [7].

Очень важно проиграть привычные для профессионала стереотипы обще-

ния с клиентом или коллегами и осознать связанные с ними чувства. Игровая форма развития этих умений позволяет научиться контролировать состояние тревоги и стресса, связанных с самораскрытием и вживанием в состояние другого. Особенно важным гештальт-психологи считают помощь специалисту с СЭВ в осознании тех стереотипов и страхов, которые могут вызывать напряжение в профессиональной деятельности и стать весомым вкладом в формирование синдрома эмоционального выгорания.

При этом следует учитывать и степень тяжести симптомов СЭВ у специалиста, деятельность которого предполагает активную помощь людям, особенно в экстремальных ситуациях. Реабилитация будет достаточно трудной и длительной.

Еще одним представителем индивидуально-психологического подхода является А. Пайнс [1; 188]. Опираясь на положения *экзистенциальной психологии*, А. Pines предложила мотивационный подход к выгоранию. Она рассматривает выгорание как состояние физического и психологического истощения, вызванного длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях.

Главной причиной выгорания является неудачный поиск смысла жизни в профессиональной сфере, в котором главную роль играет потребность индивида к смыслу и значению. Автор считает, что выгорание с наибольшей вероятностью возникает у работников профессий социальной сферы с высоким уровнем притязаний. Работа, которая была смыслом жизни для индивида, вызывает у него разочарование, развитие которого и приводит к выгоранию. Главная идея этой модели заключает-

ся в том, что выгоранию могут подвергаться только индивиды с высокой первоначально мотивацией. Личность без этой внутренней мотивации может испытывать стресс, одиночество, депрессию, экзистенциальный кризис или усталость, но не выгореть.

Таким образом, экзистенциальный подход рассматривает выгорание как конечный результат постепенного процесса разочарования. Источником выгорания является чувство недостижимости, незначимости своей работы, незначительности своих усилий [1,2,5].

В теории *экзистенциального анализа*, созданной учеником Виктора Франкла Альфридом Лэнгле, синдром эмоционального выгорания (СЭВ) классифицируется как «особая форма экзистенциального вакуума, в которой доминирует картина истощения».

«Под синдромом выгорания мы понимаем затаенное состояние истощения, возникающее в деятельности. Истощение — ведущий симптом и основная характеристика синдрома выгорания, от которой проистекают все другие симптомы. Истощение вначале касается только самочувствия, затем оно начинает влиять непосредственно на переживание, а потом и на решения, позиции, установки и действия человека» [5; 3].

Согласно пространственной антропологической модели Франкла, постепенно истощение охватывает все три измерения человеческого бытия: соматическое, психическое, ноэтическое, а затем и четвертое измерение (логос), имеющее отношение к выходу человека за пределы своей личности, в горизонты смыслов — измерение решений, позиции и действий.

Сформулированные К. Маслач и Дж. Сонеком симптомы, характерные для СЭВ — эмоциональное истощение, деперсонализация, переживание собственной неэффективности и витальная нестабильность — вместе представляют собой первые признаки «развития предсуицидального состояния» [5; 5].

Дальнейшее развитие симптомов приводит к полной потере интереса к жизни и апатии, которые являются характерными признаками «экзистенциального вакуума» по В. Франклу.

Альфрид Лэнгле очень точно определяет источник генерализованного истощения, охватывающего постепенно все сферы жизни. Человек, подверженный эмоциональному выгоранию, в течение длительного времени не проживает ценностей. Живя без близости к себе, не проживая в своей жизни персональной «исполненности», человек действует, ориентируясь на внешние признаки успешности — деньги, власть, успех и признание. Стремление к этим внешним признакам связано с тем, что человеку недостает внутреннего признания от себя самого, самооценности, доверия к миру и жизни. Причина этого стремления — психический дефицит, на преодоление которого человек направляет всю свою энергию. Потребность в этом заполнении настолько велика, что может сравниться с базовой витальной потребностью. Если эта потребность не утоляется, человек еще глубже погружается в депрессию.

Поэтому главным способом профилактики и лечения СЭВ является глубинная работа, направленная на поиск основных проблемных зон и психических дефицитов пациента. [5; 14].

Терапия и предупреждение синдрома эмоционального выгорания естествен-

ным образом начинаются с ситуативной разгрузки. Следует подумать о том, как можно помочь человеку, работающему в конкретных условиях конкретной организации или учреждения. В первую очередь надо применить меры, ориентированные на изменение поведения, целями которого будут делегирование и разделение ответственности, постановка реалистичных целей, исключение попадания в ситуацию цейтнота.

Дополнительно, если это необходимо, следует обсудить представления о норме, догматах веры, обратить внимание на характерные образцы мышления, обнаружить и восполнить отсутствующую информацию, которую можно использовать для повышения эффективности труда, при этом полезными оказывают супервизия и отработка конфликтов в команде. В конце первого этапа показана также работа с проведением границ и с конфликтом авторитетов.

Затем экзистенциальный анализ должен высветить дефициты в сфере фундаментальных мотиваций, и надо начать работать с ними. При этом происходит важнейший процесс: внимание человека с внешних условий переключается на его установку по отношению к жизни, на структуру смысла, определявшую до сих пор его субъективную жизнь.

Значение методов расслабления и периодов отдыха неоспоримо для предупреждения этого синдрома. Однако работа над планированием отдыха и тайм-менеджмент (планирование времени) будут полезны лишь в том случае, если одновременно с этим и даже до этого ведется работа над экзистенциальными установками и ситуативными позициями. Здесь экзистенциальный

анализ выходит на уровень развития личности [5; 15].

А. Лэнгле приводит некоторые типичные экзистенциально-аналитические вопросы по предупреждению и по работе с синдромом выгорания (предупреждение эмоционального выгорания осуществляется через вопросы к себе самому):

1). Для чего я это делаю? Что мне это дает? Дает ли мне это также и что-то еще, может быть, что-то, в чем я не так охотно готов признаться самому себе?

2). Нравится ли мне то, что я делаю? Мне нравится только результат или также и процесс? Что я получаю от процесса? Охотно ли я вступаю в него? Захватывает ли он меня? Переживаю ли я в нем себя свободно обменивающимся с миром (в потоке, в диалоге)?

3). Хочу ли я посвятить этому делу жизнь—то ли это, ради чего я живу?

Для предотвращения серьезных последствий эмоционального выгорания А. Лэнгле предлагает правило, сформулированное в виде тезиса:

«Тот, кто больше половины времени занят вещами, которые он делает неохотно, не участвует сердцем в деле или не испытывает радости от процесса, тот должен ожидать, что рано или поздно у него возникнет эмоциональное выгорание» [5; 16].

Эмоциональное выгорание можно рассматривать как счет, предъявляемый профессионалам за отчужденную, удаленную от экзистенциальной действительности жизнь, в угоду требованиям своего времени [1, 2, 5].

Экзистенциальный подход к источникам выгорания является довольно перспективным и находит своих сторонников в отечественной психологии.

Н.В. Гришина рассматривает выгорание в качестве особого состояния человека, оказывающегося следствием профессиональных стрессов, адекватный анализ которого нуждается в экзистенциальном уровне описания. Необходимость в этом возникает потому, что развитие выгорания не ограничивается профессиональной сферой, а проявляется в различных ситуациях бытия человека — болезненное разочарование в работе как способе обретения смысла влияет на всю жизненную ситуацию [2; 5].

В рамках экзистенциального подхода возникновение выгорания связывается некоторыми исследователями с понятием «смыслового отчуждения», предложенным Д. А. Леонтьевым [11; 97].

В отличие от понятия утраты смысла, которое обычно используется применительно к жизни в целом, понятие смыслового отчуждения применимо и к отдельным ее сферам или отдельным видам деятельности и на этом уровне может выступать объяснением феномена профессионального выгорания.

Так, человек может испытывать смысловое отчуждение в рамках конкретной деятельности (в качестве такой может рассматриваться не только трудовая или учебная, но и, возможно, межличностное общение), не испытывая при этом утраты смысла жизни, если последний осуществляется им в каких-то других видах деятельности. И наоборот, мотива, придающего осмысленность конкретной деятельности, в которой человек реализует себя, может быть недостаточно для переживания им общего смысла жизни [11; 97-100].

Д. Г. Труновым был предложен позитивный подход к проблеме эмоционального выгорания. Обычно «синдром сго-

рания» представляют как негативные изменения в состоянии и личности консультанта, как явление, наносящее вред специалисту и его работе. Слово «позитивный» в данном случае обозначает «отношение к симптомам «выгорания» как к сигналам, идущим из «внутренней сферы» в «сферу сознания», как способу коммуникации между несознаваемым и осознанным» [9; 84]. Восприятие этих сигналов как негативных и чужеродных явлений означает отказ от предоставляемой возможности более глубокого понимания себя и своей деятельности.

Другой аспект «позитивности» состоит в том, что психические процессы консультанта, выражаемые внешне в симптомах «сгорания», являются не только не патологическими, но и выполняющими положительную функцию. Иногда консультант скрывает «неприемлемые чувства» не только от абонента, но и от себя. Причины этого в том, что в противном случае он будет чувствовать себя несчастным. Тем не менее эти переживания существуют, и результаты их существования дают о себе знать в виде симптомов «выгорания».

Позитивное восприятие этих симптомов—первый шаг на пути к пониманию себя и решению проблем, возникающих при общении с абонентом. Именно позитивное отношение к симптомам «сгорания» поможет специалисту осознать и принять важную информацию о самом себе, которая остается на втором плане во время его работы [9, 10].

Затем Д. Г. Трунов идет дальше и предлагает взглянуть на синдром выгорания как на естественный и нормальный процесс [10]. Горение человека как отдавание себя—это один из глобальных смыслов человеческого существования.

Прежде всего, этот смысл состоит в том, что в горении человек проявляет себя для других. Нет частного «синдрома выгорания», есть тотальный процесс Горения Человека.

«Горение психолога (психотерапевта) в работе, то есть отдавание своих сил, эмоций и энергии — это нормально. Не нормально, если этого не происходит — это уже не психологическая помощь. Вопрос в том, как относиться к своему горению, с каким чувством гореть и в каких условиях, в какой обстановке. Я думаю, что лучше, если это будет добровольное горение в присутствии таких же горящих людей — людей, которые видят смысл в этом горении и всячески поддерживают его» [10].

Подытоживая приведенные взгляды на возникновение и коррекцию эмоционального выгорания, следует отметить, что среди специалистов внутри каждого подхода существует широкий спектр мнений: от признания СЭВ негативным явлением, с которым нужно активно бороться, до принятия неотвратимости и необходимости его возникновения для личностного роста.

Главным, что объединяет между собой все приведенные выше подходы, является то, что они рассматривают эмоциональное выгорание как множественно детерминированный процесс, определяющийся сочетанием профессиональных стрессоров и личных особенностей специалиста.

Самым важным в предупреждении развития СЭВ является осознание человеком смысла своей деятельности, рефлексия своего состояния (соматического и психического), а также способность относиться к симптомам выгорания как к внутренним сигналам, свидетельству-

ющим о возникшем психологическом дисбалансе.

Таким образом, исходя из трехфакторной модели К. Маслач [1; 188], можно сказать, что основным направлением терапии клиентов с СЭВ является сопровождение их в движении:

- от эмоционального истощения — к умению контролировать свои эмоциональные ресурсы (с помощью, например, методик релаксации и творческого самовыражения);
- от личностной отстраненности — к умению поддерживать эмоциональный, психологически наполненный контакт с теми, с кем приходится работать;
- от падения профессиональной мотивации — к здоровой оценке места профессии в жизни клиента, рациональному выбору специальности и места работы, уменьшению тотальной идентификации с ролью профессионала, развитию творческого потенциала клиента как на работе, так и в сферах досуга, общения и хобби (здесь наиболее адекватны экзистенциальный подход, арттерапия и терапия творческим самовыражением).

Литература:

1. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб, Питер.-2006.
2. Гришина Н. В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы// Психологические проблемы самореализации личности/Под ред. А. А. Крылова и Л. А. Коростылевой.- СПб., 2002.
3. Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. Пер. с англ. М.: Класс, 2000.
4. Куликов А. И. Профессиональное выгорание и контрперенос. Интернет-ресурс: Сайт Национальной Федерации Психоанализа. <http://nfp.oedipus.ru/node/561>

5. Лэнгле А. Эмоциональное **выгорание с позиций экзистенциального анализа**/Вопр. психологии. 2008. № 2. С. 3-16.
6. Пик И. Б. Проработка в контрпереносе// Журнал практической психологии и психоанализа. 2006, № 3.
7. Семкова М. П. «Совершая труд». Взгляд гештальт-терапевта на синдром эмоционального выгорания. Интернет-ресурс: zhurnal.lib.ru/s/semkova_m_p/sowershajatrud.shtml-89k
8. Синдром выгорания: профилактика и управление. Пособие для сотрудников, работающих в программах снижения вреда. Литва. 2006.
9. Трунов Д. Г. Синдром сгорания: позитивный подход к проблеме//Журн. практ. психолога. 1998, № 8. С. 84-89.
10. Трунов Д. Г. Еще раз о «синдроме сгорания»: экзистенциальный подход//Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4.
11. Осин Е. Н. Отчуждение как психологическое понятие//Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений/Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 97-100.
12. Уварова С. «Проблема верволка в средней полосе». Доклад на Международном осеннем психоаналитическом форуме. Киев, 2005.
13. Фрейд З. (1912) Советы врачу при психоаналитическом лечении. СПб.: Алетейя, 1998. С. 189-201.
14. Gargen A. M. The purpose of burnout: A Jungian interpretation. Special Issue: Handbook on job stress//J. of Social Behavior and Personality. 1991. V. 6 (7). P. 73-93.
15. Meier S. T. Toward a theory of burn-out.// Human Relations, 1983. V.36. P. 899-910.

К вопросу о комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе малолетних потерпевших от сексуальных преступлений (психологические и психопатологические механизмы виктимизации)

О. Н. Гусева, Е. В. Комарова

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы психологического обеспечения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы малолетних потерпевших от сексуальных преступлений. Делается вывод о том, что виктимность, а также процесс виктимизации малолетнего потерпевшего при сексуальном насилии обусловлены сочетанием факторов неэффективного поведения.

Abstract: This article discusses the psychological issues for a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of young victims of sexual crimes. It is concluded that the victim, as well as the victimization of a minor victim in the sexual violence due to a combination of poor behavior.

Keywords: victim, sexual violence, psychological and psychiatric examination, psychology minor injured.

Ключевые слова: виктимность, сексуальное насилие, психолого-психиатрическая экспертиза, психология малолетнего потерпевшего.

Освидетельствование потерпевших является одной из наиболее сложных и наименее разработанных видов экс-

5. Лэнгле А. Эмоциональное **выгорание с позиций экзистенциального анализа**/Вопр. психологии. 2008. № 2. С. 3-16.
6. Пик И. Б. Проработка в контрпереносе// Журнал практической психологии и психоанализа. 2006, № 3.
7. Семкова М. П. «Совершая труд». Взгляд гештальт-терапевта на синдром эмоционального выгорания. Интернет-ресурс: zhurnal.lib.ru/s/semkova_m_p/sowershajatrud.shtml-89k
8. Синдром выгорания: профилактика и управление. Пособие для сотрудников, работающих в программах снижения вреда. Литва. 2006.
9. Трунов Д. Г. Синдром сгорания: позитивный подход к проблеме//Журн. практ. психолога. 1998, № 8. С. 84-89.
10. Трунов Д. Г. Еще раз о «синдроме сгорания»: экзистенциальный подход//Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4.
11. Осин Е. Н. Отчуждение как психологическое понятие//Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений/Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. С. 97-100.
12. Уварова С. «Проблема верволка в средней полосе». Доклад на Международном осеннем психоаналитическом форуме. Киев, 2005.
13. Фрейд З. (1912) Советы врачу при психоаналитическом лечении. СПб.: Алетейя, 1998. С. 189-201.
14. Gargen A. M. The purpose of burnout: A Jungian interpretation. Special Issue: Handbook on job stress//J. of Social Behavior and Personality. 1991. V. 6 (7). P. 73-93.
15. Meier S. T. Toward a theory of burn-out.// Human Relations, 1983. V.36. P. 899-910.

К вопросу о комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе малолетних потерпевших от сексуальных преступлений (психологические и психопатологические механизмы виктимизации)

О. Н. Гусева, Е. В. Комарова

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы психологического обеспечения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы малолетних потерпевших от сексуальных преступлений. Делается вывод о том, что виктимность, а также процесс виктимизации малолетнего потерпевшего при сексуальном насилии обусловлены сочетанием факторов неэффективного поведения.

Abstract: This article discusses the psychological issues for a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of young victims of sexual crimes. It is concluded that the victim, as well as the victimization of a minor victim in the sexual violence due to a combination of poor behavior.

Keywords: victim, sexual violence, psychological and psychiatric examination, psychology minor injured.

Ключевые слова: виктимность, сексуальное насилие, психолого-психиатрическая экспертиза, психология малолетнего потерпевшего.

Освидетельствование потерпевших является одной из наиболее сложных и наименее разработанных видов экс-

пертиз. Практика судебной экспертизы показывает, что чаще всего на прохождение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) направляются малолетние и несовершеннолетние потерпевшие от сексуальных преступлений. Как отметили Б. В. Шостакович, И. М. Ушакова, С. А. Потапов (1994), каждый ребенок является потенциальной жертвой сексуального посягательства. При этом судебно-следственные органы в первую очередь интересуют вопрос о том, находился ли потерпевший в момент совершения в отношении него правонарушения в «беспомощном состоянии».

В контексте СПЭ и КСППЭ понятия беспомощности и беззащитности выступают как юридические критерии и могут быть раскрыты через психологическое понятие неспособности к эффективной защите от посягательства путем целенаправленного осознанно-волевого поведения в конкретной ситуации, а также могут быть связаны с медицинским критерием—наличием какого-либо психического расстройства. Анализ публикаций в области судебной психологии и психиатрии (О. В. Парфентьева, 1977; Ю. Л. Метелица, 1990; Ю. М. Антонян, 1990; А. А. Ткаченко, 1993; Т. П. Печерникова, 1993, 1998; Б. З. Шаихова, 1993; Н. Б. Морозова, 1999, 2001; В. Д. Бадмаева, 2002 и др.) показывает, что наличие у потерпевших психических расстройств зачастую обуславливает такое их поведение в предкриминальный и криминальный периоды, которое приводит к их виктимности, способствует совершению в отношении них противоправных действий. Неспособность же оказывать осознанное сопротивление виновному лицу у психически здоровых

лиц обусловлена, как правило, уровнем психического развития, индивидуально-психологическими особенностями либо эмоциональным состоянием потерпевшего в криминальной ситуации.

Вместе с тем, специфика работы судебных психологов и психиатров позволяет не только дать ответы на вопросы, поставленные судебно-следственными органами, но и изучать широкий круг вопросов, к которым, в частности, относятся исследование виктимности и процесса виктимизации потерпевших. По мнению Н. Б. Морозовой [2001], под виктимностью понимают потенциальный комплекс психофизических свойств, который обуславливает неспособность несовершеннолетних своевременно понять сексуальную направленность действий преступника, их нравственно-этическую сущность и социальные последствия и [или] вырабатывать и реализовывать эффективные стратегии поведения в сексуально-значимых ситуациях. Д. В. Ривман [2002] определяет виктимизацию как процесс и результат превращения лица в жертву преступления, которая, таким образом, объединяет в себе и динамику [реализацию виктимности], и статику [реализованную виктимность].

Виктимность детей и подростков может быть обусловлена не только естественной возрастной неосведомленностью в области половых взаимоотношений, но и различными нарушениями психического и психосексуального развития. Н. Б. Морозова (2001) указывает, что виктимное поведение несовершеннолетних является многофакторным феноменом, заключающимся в нарушении произвольной регуляции поведения

и реализации неэффективных стратегий в ситуациях сексуальных посягательств, что способствует превращению жертвы из потенциальной в реальную.

Представленный нами случай отражает не только диагностические сложности при производстве КСППЭ, но и позволяет проанализировать психологический и психопатологический механизмы виктимизации малолетнего потерпевшего от сексуального преступления.

Малолетний Б., 11 лет, потерпевший в уголовных делах, возбужденных по ст. 132, ч. 3 п. «в» и ст. 132 ч. 2 п. «в» УК РФ, дважды проходил КСППЭ в ГНЦ ССП им. В. П. Сербского.

Из представленных материалов известно, что бабушка Б. по материнской линии страдала шизофренией, родной брат матери злоупотреблял алкогольными напитками. Б. родился в многодетной неполной семье, от 8-ой беременности, протекавшей с явлениями токсикоза, нефропатией, 3-х срочных родов с наложением акушерских щипцов. До 3-х летнего возраста наблюдался неврологом с диагнозом: «Асфиксия в родах. НМК 1-2 ст. Симптом возбудимости. Перинатальная энцефалопатия травматического генеза. Гипертензионно-гидроцефальный синдром. Симптом мышечной гипотонии», перенес ветряную оспу, ОРЗ, ОРВИ, ангину. Раннее психофизическое развитие его соответствовало возрастным нормам. С 4-х лет посещал детский сад, где нарушений адаптации и поведения не отмечалось. К 7 годам признавался здоровым; физическое развитие расценивалось как среднее. В массовую школу подэкспертный поступил своевременно, с 7 лет (в 2003 г.). Перед началом обучения

в школе—в августе 2003 г. в отношении него двумя неизвестными мужчинами (в последующем — через 4 года личность одного из них была установлена и ему было предъявлено обвинение по ст. 132 ч. 3 п. «в» УК РФ) были совершены насильственные действия сексуального характера—один из них напал на него с ножом, связал руки, после чего они заставили его совершить оральный половой акт. После случившегося подэкспертный стал плаксивым, возбудимым, появилось снохождение, сноговорение. В школьной характеристике на ученика 1 класса отмечалось, что первоначальный интерес к занятиям после первой четверти исчез, он был повышено утомляемым, неусидчивым, неорганизованным, неаккуратным, терял школьные принадлежности, не был готов к занятиям, на замечания—замыкался, приседал, закрывал голову или уши руками; проявлял интерес к урокам рисования и труда, но работы выполнял неаккуратно, читал с трудом, речь его была нечеткой, часто одноклассники и учителя не понимали его; нарушал дисциплину—мог подражаться, ударить девочку, не слушал учителей. Школьный психолог указывал, что внешний мир воспринимался Б. как враждебный, полный опасностей, рисунки были очень тревожные, отражали неблагоприятную семейную ситуацию, нервное напряжение, наличие проблем в половой сфере, стремление в прошлое, и не всегда соответствовали действительности; Б. «не видел положительного в настоящем, жил негативным прошлым, стремился завоевать авторитет, признание не за счет реальных успехов или достижений в настоящем, а опираясь на нереальные фантазии». В этой связи 26.03.2004 г. Б. был впер-

вые осмотрен врачом-психиатром ПНД. На приеме был с матерью, предъявлявшей жалобы на его неуспеваемость, возбудимость, плаксивость; отмечалось, что контакт с ним носил формальный характер, был возбудим, на вопросы он отвечал односложно, дату рождения не называл; мышление его расценивалось как конкретное, речь — косноязычная. Устанавливался диагноз: «Задержка психоречевого развития. Эмоционально-лабильное расстройство». При повторном осмотре врачом-психиатром через полгода Б. был легко возбудим, неусидчив; сохранялись жалобы на повышенную возбудимость, слабую успеваемость по всем предметам, трудности в поведении; был установлен диагноз: «Задержка в психоречевом развитии. Синдром расторможенности». В последующем Б. врачами-психиатрами не осматривался, продолжал обучение в массовой школе, классы не дублировал. С 2004 г. Б. занимался в авиамодельном кружке, руководителем которого в тот период характеризовался как любознательный, инициативный и трудолюбивый мальчик, обладавший разносторонними интересами — на занятиях давал очень много идей и предложений, сам проектировал и строил модели, «просто бредил идеями и пытался в меру своих возможностей воплотить их в реальные конструкции». В 3-м классе (осень 2005 г.—весна 2006 г.) у Б. резко снизилась успеваемость по всем предметам, стал пропускать уроки, небрежно относился к выполнению домашних заданий, проявлял агрессию к одноклассникам, первым затевал ссоры; были случаи неадекватного поведения на уроках и переменах — разрезал на себе майку, душил себя, пугая детей и педаго-

га, высказывал суицидальные мысли. Психологом отмечалось, что показатели внимания в течение года у Б. «колебались от низкого уровня концентрации и устойчивости внимания до нормы, память — нормального объема, средний уровень развития обобщения, по характеру — вспыльчивый, плаксивый, раздражительный, агрессивный, упрямый, общительный, инициативный; способности к поведенческой регуляции очень слабые, возможны резкие перепады в отношениях с одноклассниками, нет постоянных друзей в классе». Также указывалось, что он постоянно фантазировал о несуществующих людях и событиях как о реальности; большое внимание уделял половой сфере (вначале влюблялся в разных девочек в классе, затем появлялись разговоры и фантазии на данную тему).

Согласно материалам уголовного дела, летом 2006 г. во время совместной рыбалки Б. трижды подвергался насильственным действиям сексуального характера со стороны Л. — деда его друга П. В последующем в мае 2007 г. по данному факту было возбуждено уголовное дело, и Л. было предъявлено обвинение по ст. 132 ч. 3 п. «в» УК РФ. В ходе предварительного следствия Б. сообщал, что летом 2006 года на берегу реки в районе пляжа его трижды изнасиловал дедушка его друга, все эти 3 раза они вместе с Л. и П. ездили на рыбалку. Л. заставлял его лизать «писю», он отказывался, говорил, что расскажет маме, но тогда Л. говорил, что он увезет внука, и он (Б.) с ним больше не увидится; во время совершения в отношении него насильственных действий дед бил его руками по голове, по груди и животу, после случившегося у него из попы

текла кровь. Происшедшее он скрывал от мамы, сестры, друзей — было стыдно рассказывать о том, что его изнасиловали. Также дополнительно Б. показал, что когда он еще ходил в детский сад, на улице на него напал парень по фамилии С., угрожал большим ножом, говорил, что зарежет, а в это время другой большой лысый мужчина привязал его руки к веткам веревкой, потом С. сказал ему, чтобы он лизал у него «писю». Обвиняемый Л. показал, что когда они были на речке, Б. предложил ему «потрогать член взаимно», он согласился, «сосал член» Б., потом Б. сделал ему минет. Мать подэкспертного сообщила, что ее сын достаточно сентиментальный человек, в общении со сверстниками у него были проблемы — они смеялись над его одеждой (он часто ходил неопрятным, в одежде из «секонд-хэнда»), называли его «помоешником», оскорбляли ее при нем, но сын всегда заступался за нее, говорил, что «с мамой он пойдет жить и на помойку, ее не бросит». С начала 2007 г. она заметила, что в поведении сына произошли изменения, он стал высказывать намерения к суициду, говорил, что он убьет себя, мог руками сдавливать себе шею, надевал себе пакет на голову, говорил, что он плохой и ненавидит себя, говорил, что бросит себя под поезд, утопит, зарежет, стал раздражительным, часто плакал, кричал во сне: «Уйди», плохо спал, снизилась успеваемость в школе. Когда она пыталась узнать причину такого поведения, Б. сначала отмалчивался, старался уединяться, надолго закрывался в ванной комнате, затем в конце апреля 2007 г. он назвал Л. «маньяком», рассказал, что Л. трогал его за половые органы, трижды совершал с ним насильственные половые акты,

избивал, принуждал к «оральному сексу». Сестра подэкспертного показала, что Б. однажды на улице стал кричать, что «дедушка П.—маньяк», при этом закрывал лицо руками, отворачивался, было видно, что ему очень стыдно, он чего-то опасается, потом взял ручку, блокнот и написал: «Саш отсоси, Сашок отсоси, Саш, разденься», «изнасиловал», сообщил, что дедушка его друга П. применял в отношении него насилие—валил его на землю, бил ногами в область живота, заставлял его «сосать», при этом угрожал, что если Б. расскажет маме, он его избьет. Свидетель К. отметила, что у ее сына есть знакомые дети Б. и П., один раз сын рассказал ей, что дал денег Б. по его просьбе, и когда она спросила Б., где деньги, он разорвал по шву штаны, стал кричать, что его мама инвалид, он из бедной семьи и ему нечего кушать. Жена обвиняемого Л. сообщила, что до начала весенних каникул 2007 г. Б. просил милостыню, его заметил воспитатель продленного дня, и Б. представился П. (ее внуком), потом Б. вместе с мамой приходили к ним, просили извинения; Б. брал деньги у другого ребенка и сказал, что эти деньги взял П. Друг Б.—П. (внук обвиняемого Л.) показал, что дедушка Б. никогда не обижал, не бил, они вместе ходили на рыбалку; Б. рассказывал, что его дядя часто бьет его, иногда «пережидал» у них дома, ходил с синяками; весной 2007 г. Б. незаметно взял деньги у А., в магазине на них купил «кока-колу», «пиццу», а когда мама А. стала разбираться, куда делись деньги, то Б. стал кричать, что он ходит в рваных штанах, начал плакать; при этом у него действительно были порваны штаны. По показаниям руководителя кружка авиамоделирования, в 2006 году Б. пе-

рестал ходить в клуб юных техников, «несколько раз заходил, но вид у него был какой-то забитый и непонятный; при общении со сверстниками он разительно изменился, стал очень обидчив и чуть что начинал задираться; прятался под партами, залезал в какие-то темные углы»; в 2007 г. увлекся бисероплетением. 02.05.2007 г. Б. был осмотрен хирургом с жалобами на то, что «в течение 1,5 мес. он долго сидит в туалете во время дефекации, со слов, было 3 эпизода изнасилования». Были выявлены множественные ушибы и ссадины туловища, верхних конечностей, гипотония анального жома. По данным заключения судебно-медицинской экспертизы, проведенной Б. 16.06.2007 г., у него были обнаружены телесные повреждения в виде множественных кровоподтеков в области ягодиц, плеч, ссадины в области левой лопатки, правого локтевого сустава, правого коленного сустава, левой голени; каких-либо других телесных повреждений, в том числе и в области половых органов, данных, указывающих на совершение им систематических половых актов в задний проход в качестве пассивного партнера, у Б. при проведении экспертизы обнаружено не было, что «не исключало возможности совершения с ним таковых, т.к. единичные (несистематические) подобные половые акты могут и не оставлять за собой каких-либо следов, особенно при позднем проведении судебно-медицинского осмотра».

При проведении амбулаторной комплексной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы Б., являвшегося потерпевшим по эпизоду насильственных сексуальных действий, совершенных в отношении него летом 2006 г.,

в ГНЦ ССП им. В. П. Сербского отмечалось, что подэкспертный небольшого роста, грацильного телосложения, несколько пониженного питания; в левой параорбитальной области обнаруживался кровоподтек бледно-зеленого цвета. Знаков очагового поражения центральной нервной системы не выявлялось. Во время освидетельствования Б. был ориентирован во времени и месте, несколько скован, напряжен, тревожен, неусидчив, сидел, ссутулившись, опустив голову, редко смотрел на собеседника, в контакт вступал настороженно, на вопросы отвечал односложно, часто используя подсказки, речь косноязычная, голос тихий. Анамнестические сведения излагал отрывочно, с удовольствием рассказывал о своем увлечении бисероплетением, сообщал, что также занимается авиамоделированием, помогает маме. Отмечал, что после случившегося стал более обидчивым, злым, часто дерется, иногда в драке не может остановиться, «бьет сильнее, чем надо», что считал своим плохим качеством; что у него не осталось друзей мальчиков, поэтому дружит с девочками, играет с ними в подвижные детские игры. Говорил, что также ему нравится играть в компьютерные игры, «гонки», он очень хочет кататься на мотоцикле, при этом несколько оживлялся, улыбался, расправлял плечи, поднимал голову. При расспросе о совершенных в отношении него летом 2006 г. противоправных действиях отказывался говорить об обстоятельствах происшедшего, замыкался, уходил в себя, затем рассказал, что «дедушка его друга П.» летом 2006 г. во время поездок на рыбалку несколько раз поколотило его, «приставал» к нему. Пояснял, что к тому моменту, когда Л. впервые

изнасиловал его, он совершенно забыл о сексуальном насилии, произошедшем с ним в 2003 г., поначалу не понимал, что тот делает, ему было «больше всего неприятно», что Л. сильно бил его; когда он отказывался делать «то, что тот заставлял», тот иногда угрожал ему, говорил, что убьет, к чему он относился всерьез. Объяснял, что не рассказывал никому о происшедшем, поскольку внук Л.—П. был единственным его другом, он дорожил этой дружбой и очень боялся самого деда. Отмечал, что о случившемся «не вспоминать не удастся», почти каждый день видит страшные сны, кошмары, в которых полностью воспроизводится картина происшествия, от таких снов сразу же просыпается; что до сих пор испытывает страх, боится обвиняемого, считает, что тот его убьет, с удивлением узнал, что он арестован. Настроение его было снижено, эмоциональные реакции — неустойчивые, суждения зачастую поверхностные, незрелые, наивные. В вопросах сексуальных взаимоотношений был осведомлен на поверхностном уровне. Объем общеобразовательных знаний и представлений соответствовал возрасту, выраженных нарушений интеллектуально-мнестической сферы, умственной работоспособности он не обнаруживал, однако, мышление его расценивалось как конкретное, внимание — неустойчивое, отмечались трудности сосредоточения, признаки истощаемости психических функций при длительных интеллектуальных нагрузках, а также несколько замедленный темп выполнения мыслительных операций.

При экспериментально-психологическом исследовании на первый план выступали актуальное состояние подэк-

спертного в виде сниженного фона настроения, повышенной тревожности, напряженности, признаков эмоциональной неустойчивости с повышенной вспыльчивостью, раздражительностью, конфликтностью, обидчивостью с трудностями волевого контроля собственных эмоциональных реакций и поведения. Отмечались выраженные трудности социальной адаптации, сложности установления и поддержания социальных контактов, сужением круга общения, замкнутости, настороженности, эмоциональной отгороженности от окружающих. Отмечалось, что для него характерны повышенная чувствительность к внешнесредовым воздействиям при склонности к фиксации, застреванию на негативных переживаниях, накоплению эмоционального напряжения в ситуациях, имеющих для него особую субъективную значимость, а также тенденция к развитию реакций растерянности при возникновении проблем. В силу естественных для данного возрастного периода признаков эмоциональной, личностной незрелости отмечались недостаточная осведомленность в различных жизненных, практических ситуациях, сложности нахождения конструктивных способов разрешения проблем и трудностей, несформированность способности прогнозирования последствий собственных действий и поступков других людей. При отсутствии признаков повышенной внушаемости выявлялись ведомость, подчиняемость авторитету взрослого.

По заключению сексолога, каких-либо нарушений психосексуального развития при обследовании у Б. не обнаруживалось.

Через полгода Б., являвшемуся потерпевшим по эпизоду сексуального

насилия от августа 2003г., в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского была проведена амбулаторная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Отмечалось, что во время беседы Б. был несколько напряжен, неусидчив, фон настроения—снижен. Подчеркивал, что неприятные переживания и «плохое поведение» «прошли», «сейчас в школе все нормально». Охотно рассказал о своих разнообразных увлечениях, тепло отзывался о близких. Признавался с огорчением, что всегда имел мало друзей, сверстники не принимали в свой круг, обижали, били, смеялись над его бедной одеждой. О совершенных в отношении него сексуальных противоправных действиях рассказывал неохотно, но аналогично своим показаниям. Говорил, что боялся угроз С., т. к. у него был «большой нож». Эмоциональные реакции его расценивались как неустойчивые, суждения нередко наивные, незрелые, по-детски непосредственные. Психологом были отмечены достаточный уровень сформированности интеллектуальных функций, черты естественной возрастной личностной и эмоциональной незрелости, эмоциональной неустойчивости, сензитивность, ранимость, потребность в общении; каких-либо выраженных нарушений познавательной сферы (мышления, памяти, восприятия), а также признаков патологической склонности к фантазированию у него не обнаруживалось.

Эксперты пришли к заключению, что Б. в августе 2003г.—в период совершения в отношении него противоправных действий каким-либо психическим расстройством, лишившим его возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, не страдал.

Таким образом, анализ механизмов педофильной виктимизации позволяет отметить, что виктимность Б. на период осуществления в отношении него сексуального насилия в 2003 году была обусловлена, в первую очередь, факторами неболезненного, то есть психологического характера (малолетним возрастом потерпевшего). Нападение со стороны неизвестных мальчику лиц носило разовый характер, сочеталось с насильственным его удержанием, угрозами применения ножа, принуждением к совершению действий сексуального характера. Беспомощное состояние Б. в тот период было обусловлено, с одной стороны, его психическим состоянием (неспособностью понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление в силу естественных для его малолетнего возраста неосведомленности в области сексуальных взаимоотношений, а также неожиданностью развития криминальной ситуации, испытанным им в тот период эффектом страха), с другой—объективным физическим превосходством насильников. То есть механизм виктимизации Б. в данном случае носил исключительно психологический характер. После указанного эпизода сексуального насилия у него развилось психогенно обусловленное смешанное расстройство поведения и эмоций, возникшее на органически неполноценном фоне (обусловленном перинатальной патологией—асфиксия при рождении с последующей органической дисфункцией головного мозга). Указанное психическое расстройство у Б. характеризовалось двигательной расторможенностью, конфликтностью, агрессивностью, драчливостью, невротическими проявлениями (в виде тре-

возности, плаксивости, раздражительности, возбудимости в сочетании со сномхождением и сноговорением), что затрудняло его адаптацию и обучение в массовой школе и обусловило обращение к врачам-психиатрам и психологам в 2004 г. с временным положительным эффектом к 2006 г. Эксперты также отметили, что данное психическое расстройство у Б. находилось в причинно-следственной связи с совершенными в отношении него в августе 2003 г. противоправными действиями.

При судебно-психиатрической оценке второго эпизода сексуального насилия в отношении малолетнего Б. со стороны другого обвиняемого (Л.) комиссия пришла к заключению, что после совершения в конце июня—начале июля 2006 г. повторных насильственных действий сексуального характера у Б. развилось посттравматическое стрессовое расстройство, сопровождавшееся чувством страха, замкнутостью, настроженностью, отгороженностью, суицидальными высказываниями и намерениями, усилением нарушений поведения и адаптации, которое находилось в причинно-следственной связи с противоправными действиями Л. Однако указанное психическое расстройство не сопровождалось психотической симптоматикой и грубыми нарушениями интеллекта, мышления, критических способностей и не лишало Б. возможности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Вместе с тем, экспертами при проведении первичной КСППЭ указывалось на высокую вероятность ухудшения психического состояния Б. при его дальнейшем участии в судебно-следственных действиях.

Ко времени производства второй КСППЭ признаки посттравматического стрессового расстройства в достаточной степени сгладились, и выносилось заключение о возможности Б. по своему психическому состоянию участвовать в судебно-следственных действиях.

Следует отметить, что реализация в отношении Б. через несколько лет после первого эпизода насилия повторных действий сексуального характера имела совершенно иной механизм, и виктимность ребенка в данном случае была обусловлена многими факторами. Так, на первый план выступали качественные изменения психической деятельности Б., что было обусловлено имеющимся у него к тому времени психическим расстройством. Имеющиеся при этом у Б. признаки эмоционально-волевой неустойчивости, повышенной возбудимости, двигательной расторможенности и т. д., которые вдобавок сочетались и с задержкой психоречевого развития, не остались незамеченными для насильника. То есть здесь на первый план выступает виктимность ребенка, обусловленная психопатологическим фактором.

Однако немаловажную роль в процессе виктимизации сыграли и другие факторы — такие как возрастной, социальный, в совокупности с индивидуально-психологическими особенностями ребенка (в том числе и имеющейся у него мотивацией взаимодействия с преступником). Так, виктимность Б. была обусловлена возрастным фактором в виде признаков личностной незрелости, недостаточной осведомленности в различных жизненных, практических ситуациях, а также в области сексуальных взаимоотношений, естественными для данного возрастного периода сложностями

нахождения конструктивных способов разрешения проблем и трудностей, недостаточностью критических и прогностических функций и т. д. Фактор социального неблагополучия ребенка (воспитание в неполной семье матерью, неопрятность в одежде, совершение краж, попрошайничество, отсутствие должного контроля за поведением мальчика со стороны матери) также является значимым критерием для оценки виктимности данного потерпевшего с последующей реализацией в отношении него насильственных действий сексуального характера.

Вместе с тем, после первого сексуального посягательства со стороны деда друга Б. также продолжал совместно проводить время с насильником, несмотря на то, что он остро переживал произошедшее. Процесс виктимизации в рассматриваемом эпизоде был также обусловлен и такой незрелой мотивацией мальчика, как боязнь потерять своего лучшего и единственного друга (насильник, ловко манипулируя ребенком, угрожал Б., что увезет своего внука), что сочеталось также и с имеющимися у Б. такими чертами, как тревожность, неуверенность в себе, сложности установления и поддержания контактов со сверстниками, избирательность в общении, выраженные трудности социальной адаптации. Скрытие факта продолжающегося сексуального насилия было обусловлено также и испытываемым страхом перед насильником (поскольку сексуальные посягательства сопровождалась как избиениями, так и угрозами убийством), а также чувством стыда, которое испытывал мальчик (в силу уровня своего психического развития он уже понимал ненормативность совершаемых с ним действий). Все это,

в свою очередь, обуславливало реализацию преступником повторных сексуальных посягательств.

Таким образом, проведенное в представленном случае всестороннее разностороннее исследование позволяет сделать вывод о том, что виктимность, а также процесс виктимизации малолетнего потерпевшего при втором эпизоде сексуального насилия были обусловлены сочетанием факторов, которые обусловили нарушение способности Б. к произвольной регуляции собственного поведения и реализацию неэффективных стратегий поведения в ситуациях сексуального насилия, что необходимо учитывать при решении экспертных вопросов в рамках КСППЭ несовершеннолетних потерпевших от сексуальных преступлений.

Литература:

1. Бадмаева В. Д. Клиника и судебно-психиатрическое значение психогенных расстройств у детей и подростков—жертв сексуального насилия//Автореф. дис. канд. мед. наук. М., 2002.
2. Гурьева В. А., Дмитриева Т. Б., Гиндикин В. Я., Макушкин Е. В., Морозова Н. Б. Клиническая и судебная подростковая психиатрия/Под ред. проф. В. А. Гурьевой. М., 2001.
3. Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. Москва. Юридическая литература, 1990.
4. Морозова Н. Б. Психические расстройства у несовершеннолетних потерпевших — жертв сексуального насилия//Автореф. дис. док. мед. наук. М., 1999.
5. Парфентьева О. В. с соавт. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших (методические рекомендации). М., 1977.
6. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. - СПб., 2002.
7. Шаихова Б.З. Судебно-психиатрическая экспертиза малолетних потерпевших//Автореф. дис. канд. мед. наук. М., 1993 г.
8. Шостакович Б. В., Ушакова И. М., Потапов С. А. Половые преступления против детей и подростков: психиатрический аспект. Ростов-на-Дону, 1994.

К вопросу об эффективности психокоррекционной работы с психопатическими личностями

Г. Б. Бедненко

Аннотация: статья посвящена определению психопатии как «специфического расстройства личности». Также рассматриваются вопросы, связанные с эффективностью психокоррекционной работы с психопатическими личностями.

Ключевые слова: психопатия, признаки психопатии, уровень личностных расстройств, психологический диагноз в пенитенциарной практике.

Keywords: psychopathy, signs of psychopathy, the level of personality disorder, psychological diagnosis in penitentiary practice.

Annotation: the article is dedicated to the definition of psychopathy as a «specific personality disorder». The questions of efficient psycho correction in psychopathic personalities.

Психопатия (или социопатия—в терминологии западной психиатрической традиции)—стойкая аномалия характерологических и поведенческих составляющих личности. Для нее свойственно отсутствие эмоционально-ценностных переживаний и личностного развития в целом. В настоящее время имеет место концепция многофакторного происхождения психопатий; также выделяют в зависимости от ведущих механизмов развития аномалий характера конституциональные (ядерные или первичные) и краевые (приобретенные или вторичные) формы.

В отечественной психиатрии к типичным проявлениям психопатии относят

феноменологические описания, способные войти в четкую ясную структуру целостного нарушения личности: слабый волевой контроль, неумение управлять эмоциями, расторможенность влечений, опасные и нецелесообразные поступки, ошибочная самооценка. Психопатическое расстройство личности диагностируют на основании трех основных критериев, предложенных П. Б. Ганнушкиным: 1) нарушения адаптации вследствие выраженных патологических свойств; 2) тотальность психопатических особенностей; 3) их относительная стабильность и малая обратимость (т. н. «триада психопатии»). В западной психологической практике наблюдается тенденция использовать общий термин «антисоциальное личностное расстройство»: так оно описано в DSM-IV. В современных классификациях психических расстройств, в том числе, и в международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), используется новый термин «специфические расстройства личности».

Наиболее перспективной в настоящее время в практической юридической психологии стала концептуальная методика Роберта Д. Хаэра (Канада), воплощенная в Контрольном опроснике для определения степени психопатологии личности (Hare Psychopathy Checklist). Постановка диагноза психопатии по Контрольному опроснику Р. Д. Хаэра используется в пенитенциарной практике многих стран Европы и Америки для принятия решения об

условно-досрочном освобождении. Она базируется на диагнозе DSM-IV, однако дает следующие основные эмоционально-личностные и социальные особенности: говорливость и поверхностность; эгоцентричность и претенциозность; отсутствие чувства вины и сожаления; отсутствие эмпатии; коварство и склонность к манипулированию; поверхностность эмоций; импульсивность; слабый поведенческий контроль; потребность в психическом возбуждении; безответственность; проблемное поведение в детстве; антисоциальное поведение во взрослой жизни.

Известный юнгианский аналитик Адольф Гугенбюль-Крейг в своей книге «Эрос на костылях» (1997) выделяет пять первостепенных признаков психопатии: неспособность любить, «отсутствие эроса в самом широком смысле этого слова»; отсутствие или недостаток чувства нравственности, хотя они могут быть склонны к морализаторству; отсутствие какого-либо психического развития; фоновая депрессия от истинной изоляции, в отсутствии Эроса, от других людей; хронический фоновый страх: психопаты не доверяют миру. Среди вторичных (необязательных) признаков автор выделяет: отсутствие чувства вины—вместо нее испытывается ощущение своей неуместности в мире, отвержение окружающими и социальная несостоятельность; отсутствие любого реального понимания или инсайта; способность вызывать к себе жалость; сугубо инструментальный «манок очарования»; асоциальное или преступное поведение; некоторые формы скуки и монотонность существования; карьеризм. Кроме того, автор говорит о том, что у каждого человека есть психопатичес-

кие лакуны, наполненные исключительно инструментализмом отношений.

Внешне психопатические личности способны производить впечатление совершенно бесстрашного человека. На деле это поведение является прикрытием постоянной фоновой тревоги. Потому любая социальная коммуникация для них является испытанием силы и статуса. По выражению известного судебного психолога, психоаналитика и исследователя психопатии Дж. Рейда Мелоя, их защита неосознанна, а выбор—сознателен (*Reid Meloy, 2004*). Поведение психопата неадаптивно для общества, но чрезвычайно адаптивно для него самого. Его личностное устройство действительно способно приносить ему выгоду и пользу. При этом психопаты не в состоянии представить, что чувствует другой человек, не видят этого и не считают нужным вообразить.

31

Доволен глумливый,
коль, гостя обидев,
удрать ухитрился;
насмешник такой
не знает, что нажил
гневных врагов.

(Старшая Эдда, Речи Высокого)

Единственное, к чему они могут быть чувствительны—так это к картине мучения жертвы и своей над ней власти. Вторая точка их чувствительности—отвержение их самих; любое неприятие их поступка, любая негативная реакция на их поведение воспринимается как нечто невыносимо болезненное, катастрофичное или преступное. Эмоциональное переживание психопата полярно, и между двумя этими полюсами, Ядом власти над жертвой и Жаром гнева на отвергающего — бесплодная ледяная

пустыня. Без ярких и живых эмоций, без чувств, без привязанностей, без симпатии: если кто-то может быть полезен — он будет использован. Вместе с тем, свою ответственность они значительно преуменьшают. Психопат всегда чист, прав и невинен в своих глазах. В связи с этим интересно приводимое А. Беком и А. Фриманом определение Дж. Кагана, по которой задержка в развитии со стороны нравственной зрелости и когнитивных функций у психопатов имеет организацию второго уровня развития морали по Л. Колбергу, которая наблюдается, например, у детей с задержкой развития. На этом уровне когнитивные функции регулируются в соответствии с концепцией конкретных операций Ж. Пиаже, и индивиды опираются скорее на личное, чем на межличностное представление о мире, во взрослом возрасте являясь неспособными к правильной оценке своих возможностей.

Наличие психопатии обычно не исключает вменяемости, так как уровень личностных расстройств не препятствует возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, поэтому психопаты—осужденные отбывают наказание в местах лишения свободы. Программы психокоррекционной помощи осужденным при встрече с психопатическими личностями выдают характерные «сбои», прежде всего, потому что личностное расстройство такого рода не является чем-то, что само по себе доставляет индивидууму неудобства. Вопреки либеральным и постмодернистским представлениям о необходимости понять и, следовательно, принять другого человека, чтобы восстановить адекватную и всем приятную картину мира,

понимание и принятие психопатической личности (с ее особыми изломами и душевными движениями) способно лишь разрушить прежний мир добро-сердечного индивидуума. С тем же успехом можно проводить дидактические, воспитательные или профилактические беседы, равно как и заниматься с ними целительным психоанализом (к слову, О. Кернберг (2005) полагает психоанализ трудным или вовсе невозможным при антисоциальном личностном профиле клиента). Более того, сами психопаты ни к чему подобному не стремятся. Как правило, они не считают, что у них есть какие-то проблемы с психикой или эмоциями и не видят особых причин, почему им нужно подстраиваться под общественные стандарты, если их нарушение приносит достаточно личной выгоды. Осужденные с расстройством личности не стремятся получить профессиональную помощь, разве только прохождение этой программы поспособствует улучшению их репутации и досрочному освобождению.

Дж. Рейд Мелой отмечает в судебной практике дилемму для профессионала между ориентацией на оценку психопатического индивидуума и той, что направлена на его исправление; его смущает «терапевтический нигилизм» относительно перспектив излечения психопатической личности. Тем не менее, отмечая градацию психопатического расстройства, он соглашается с прогрессивной сложностью для терапии такой личности и необходимостью отказаться от коррекции в отдельных случаях (*Reid Meloy, 2004*).

В свою очередь Р. Хаэр отмечает, что психопаты не извлекают из психотерапии никакой пользы, поскольку не

склонны к интимным эмоциональным переживаниям, рефлексии и интроспекции, а межличностные отношения, столь важные в терапевтической практике, способны использовать лишь для манипулирования персоналом (в ход идет запугивание, соблазнение, мошенничество, использование). Более того, психотерапевтические программы снабжают психопата новыми формулами объяснений, отговорок, оправданий своего поведения и способов использования человеческих слабостей. Попытки научить их «чувствовать других и себя» изначально обречены на неудачу. Это касается индивидуальной терапии, но более опасными последствия могут быть в рамках терапии групповой, когда психопатическая личность «ведет свою игру» в сообществе, навязывая свои идеи и интерпретации, подмечая слабости других людей и запоминая полезную информацию. Более того, исследование Харриса, Райса и Кормье показывало, что вероятность совершения насильственного преступления, после прохождения курса групповой психотерапии у психопатов в четыре раза выше, чем у обычных преступников (*Harris, Rice, Cormier, 1991*).

В результате терапии, по мнению Р. Хаэра, психопат просто обучается говорить то, что «требуется» психологам. И все же, он полагает, что есть условия для коррекционной программы с психопатическими личностями в местах лишения свободы. Им и его коллегами была проделана работа по составлению программы социальной коррекции психопатов (определенных по Контрольному опроснику Хаэра), склонных к насильственным преступлениям (*Hare, 1992*). Ее задача состояла в том, чтобы убедить психопата в том, что деструктивное по-

ведение не соответствует его личным интересам, поскольку они сами должны нести за него ответственность; и в то же время показать, что они могут удовлетворить свои потребности, не задевая общество. Как известно, при «психопатической триаде» личностное расстройство остается неизменным фактором на протяжении всей жизни человека. Однако при составлении этой программы учитывался известный фактор «исправления» (сглаживания деструктивности поведения) социопатов в преклонном возрасте, который рассматривался исключительно как социальная адаптация индивидуумов. При этом программа предполагала довольно жесткий контроль и надзор, в сочетании с ясной системой наказаний за нарушение правил программы или учреждения.

В заключение нам хотелось бы сказать о важности постановки точного психологического диагноза в пениitenciарной практике. Диагноз «психопатия» может предотвратить участие заключенного в тех групповых психокоррекционных мероприятиях, где он не только способен оказать разрушительное воздействие на группу и отдельных участников, но, что немаловажно, использовать полученные знания и навыки для манипуляций, моделирования социально-приемлемого поведения, имитации раскаяния и исправления. При высоком уровне психопатических признаков у осужденного специалист может отказаться от оказания ему традиционной психокоррекционной помощи, заменив ее программой социальной коррекции, или вовсе отказавшись от помогающего взаимодействия.

Литература:

1. Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М. Проблемы внутрисемейной агрессии. М.: НИИ МВД. 1999.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер.: 2002.
3. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Некоторые общие соображения и данные//Психология индивидуальных различий: Тексты. М.: Изд-во МГУ. 1982, с. 262-269.
4. Гульдман В. В. Мотивация преступного поведения психопатической личности//Криминальная мотивация. М.: Наука, 1986. С. 189-251.
5. Гугенбюль-Крэйг А. Эрос на костылях. СПб.: БСК. 2002.
6. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Класс. 2005.
7. Старшая Эдда: Эпос/Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб.: Азбука-классика. 2001.
8. Хаэр Р. Лишенные совести: Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс. 2005.
9. Hare, R.D. & McPherson, L. M. (1984). Violent and aggressive behavior by criminal psychopaths//International Journal of Law and Psychiatry. № 7, pp. 35-50.
10. Harris G. T., Rice M. E., & Cormier C. A. (1991) Psychopathy and violent recidivism//Law and Human Behavior. № 15, pp. 625-637.
11. Meloy J. Reid. The Psychopathic Mind: Origins, Dynamics, and Treatment. Lanham: Rowman & Littlefield publishers Inc. 2004.
12. Smith Robert J. The psychopath in society. NY: Academic Press. 1978.
13. Yochelson S., Samenow S. E. The Criminal Personality: Volume I: A Profile for Change. Lanham: Rowman & Littlefield publishers Inc. 2004.

Возможности Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных

А. А. Жарких

Аннотация: материалы статьи освещают проблему возможностей использования Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных. Рассматривается новый подход к интерпретации результатов, получаемых в ходе тестирования по данной методике, анализируются результаты пилотажного исследования.

Ключевые слова: мотивационная сфера, наркозависимые осужденные, рефлексия, стандартизированные самоотчеты, проективные методики, проективный диагностический подход, Must-тест, ценности, интерпретация данных, Psychometric Expert, «Ценности-цели», «Ценности-фобии», «Ценности-антипатии», внутрличностные конфликты.

Abstract: materials article highlighting the problem of the use of Must-test in the study of psychological characteristics of motivational sphere of convicted drug addicts. A new approach to the interpretation of the results obtained during testing of this method, analyzed the results of pilot studies.

Keywords: motivation sphere convicted drug addicts, reflection, standardized self, projective techniques, projective diagnostic approach, Must-test values, the interpretation of data, Psychometric Expert, «Values-purpose», «Values-phobia», «Values-antipathy», vnutrilichnostnye conflicts.

Литература:

1. Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М. Проблемы внутрисемейной агрессии. М.: НИИ МВД. 1999.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер.: 2002.
3. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. Некоторые общие соображения и данные//Психология индивидуальных различий: Тексты. М.: Изд-во МГУ. 1982, с. 262-269.
4. Гульдман В. В. Мотивация преступного поведения психопатической личности//Криминальная мотивация. М.: Наука, 1986. С. 189-251.
5. Гугенбюль-Крэйг А. Эрос на костылях. СПб.: БСК. 2002.
6. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Класс. 2005.
7. Старшая Эдда: Эпос/Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб.: Азбука-классика. 2001.
8. Хаэр Р. Лишенные совести: Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс. 2005.
9. Hare, R.D. & McPherson, L. M. (1984). Violent and aggressive behavior by criminal psychopaths//International Journal of Law and Psychiatry. № 7, pp. 35-50.
10. Harris G. T., Rice M. E., & Cormier C. A. (1991) Psychopathy and violent recidivism//Law and Human Behavior. № 15, pp. 625-637.
11. Meloy J. Reid. The Psychopathic Mind: Origins, Dynamics, and Treatment. Lanham: Rowman & Littlefield publishers Inc. 2004.
12. Smith Robert J. The psychopath in society. NY: Academic Press. 1978.
13. Yochelson S., Samenow S. E. The Criminal Personality: Volume I: A Profile for Change. Lanham: Rowman & Littlefield publishers Inc. 2004.

Возможности Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных

А. А. Жарких

Аннотация: материалы статьи освещают проблему возможностей использования Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных. Рассматривается новый подход к интерпретации результатов, получаемых в ходе тестирования по данной методике, анализируются результаты пилотажного исследования.

Ключевые слова: мотивационная сфера, наркозависимые осужденные, рефлексия, стандартизированные самоотчеты, проективные методики, проективный диагностический подход, Must-тест, ценности, интерпретация данных, Psychometric Expert, «Ценности-цели», «Ценности-фобии», «Ценности-антипатии», внутрличностные конфликты.

Abstract: materials article highlighting the problem of the use of Must-test in the study of psychological characteristics of motivational sphere of convicted drug addicts. A new approach to the interpretation of the results obtained during testing of this method, analyzed the results of pilot studies.

Keywords: motivation sphere convicted drug addicts, reflection, standardized self, projective techniques, projective diagnostic approach, Must-test values, the interpretation of data, Psychometric Expert, «Values-purpose», «Values-phobia», «Values-antipathy», vnutrilichnostnye conflicts.

Изучению психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных с помощью Must-теста предшествовала экспресс-диагностика исследуемой категории с помощью вербальных психодиагностических тестов.

Так, в результате проведенного нами исследования психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных мужского пола с использованием опросниковых тестовых методик, имеющих шкалу лжи и достоверности (аггравации) (ИТО, МТЖЦ), был выявлен большой массив данных, демонстрирующих высокую степень лжи и аггравации. Последнее подтверждается точкой зрения С.В.Березина и К.С. Лисецкого [5], которые полагают, что типичное для наркозависимых снижение способности к рефлексии и самоанализу не может не повлечь за собой искажение результатов тестирования с помощью стандартизированных самоотчетов. Подобная картина, на наш взгляд, наблюдается в силу психологических особенностей, свойственных данной категории обследуемых, а именно: стремление говорить неправду, склонность к фантазированию, иллюзорному восприятию себя и действительности, перевоплощению, склонность верить в свою ложь [1], [3], [4], социальная желательность, легкость формального перевоплощения в те социальные роли, которые навязывает им окружение. Зачастую это связано с нежеланием испытуемых признавать у себя отрицательные личностные качества и мотивы поведения, либо просто невозможностью осознать их наличие.

То есть представляется очевидным, что получение достоверной информа-

ции и целостной картины мотивационной сферы наркозависимых осужденных не возможно лишь на основе использования только опросниковых тестовых методик. Применение проективных тестов позволяет нивелировать ограничения опросных методов, а именно: субъективность самоотчетов, социальную желательность, демонстративность и так далее, и, в совокупности с ними, позволяет получить более объективные результаты.

Согласно Л. Ф. Бурлачуку, проективные методики—совокупность методик, направленных на исследование личности и разработанных в рамках проективного диагностического подхода.

Проективные методики особенно ценны тем, что их методический прием заключается в предъявлении испытуемому неоднозначного, слабоструктурированного, неопределенного стимульного материала, завершить который требуется от обследуемого. Именно эта незавершенность способствует возможности некоторого его завершения обследуемым в ходе тестирования: «дорисовать», «выбрать», «закончить предложение», «описать». Все это порождает процессы ассоциаций, фантазии, воображения, запускаются механизмы проекции, вскрывается их внутренний мир, в котором раскрываются те или иные характеристики личности испытуемого. Интересно, что диагностика с помощью проективных тестов осуществляется на основе анализа взаимодействия испытуемого с внешне нейтральным, как бы безличным материалом [2], а получаемый результат вскрывает глубинные, порой неосознаваемые личностные характеристики. Причем, личность проявляется тем ярче, чем менее стереотип-

ны ситуации-стимулы, побуждающие ее к активности.

Ввиду вышесказанного, в нашем исследовании при изучении психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных мы использовали следующие проективные методики:

1. невербальные проективные — МПВ (Метод портретного выбора — модифицированный вариант Л. Н. Собчик теста «Восьмивлечений» Л. Сонди), МЦВ (Метод цветового выбора — модифицированный вариант Л. Н. Собчик «Восьмицветового теста» М. Люшера), РАТ (Рисуночный апперцептивный тест Л. Н. Собчик).

2. вербальные проективные — Must-тест, разработанный в 1980-х годах сотрудниками Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова П. Н. Ивановым и Е. Ф. Колобовой [6].

Предложенный набор Must-тем данной методики позволяет определить пятнадцать жизненно важных ценностей человека. В соответствии с формулировкой утверждений ценности делятся авторами на три группы:

- во-первых, шесть ценностей, относящихся к утверждению «Я непременно должен...»;
- во-вторых, шесть ценностей, относящихся к утверждению «Ужасно, если...»;
- в третьих, шесть ценностей, относящихся к утверждению «Я не могу терпеть...».

Таким образом, стимульный материал представлен 3-мя высказываниями, предполагающими 6 вариантов ответов (мыслей, высказываний, ассоциаций, ощущений).

Как мы видим, формулировки предлагаемых к завершению фраз сами по себе носят провоцирующий к спон-

танным, эмоциональным высказываниям характер, так как сами являются достаточно эмоционально окрашенными. Этот факт, на наш взгляд, позволит получить более глубокие ответы со стороны нашей категории обследуемых.

Для обработки данных, полученных с помощью этого теста, нет ни стандартизированной процедуры, ни набора базовых ценностей, в соответствии с которыми будет анализироваться полученный в ходе исследования материал. Поэтому для каждой выборки и даже для каждого испытуемого, имеющего специфические характеристики, как правило, выделяется индивидуально-уникальный набор должествований, в соответствии с которым анализируются все три группы высказываний. Авторы метода используют в качестве основы список ценностей, взятый из методики «Жизненные цели» (Э. Дисл, Р. Райан в адаптации Н. В. Ключевой и В. И. Чиркова).

Данный список ценностей был нами несколько модифицирован в соответствии со спецификой контингента обследуемых.

1. Социальная справедливость.

Высказывания, в которых содержится отношение к духовному состоянию общества («Ужасно, если этот мир не станет добрее»), указывается на необходимость социальной справедливости («Я не могу терпеть несправедливых драк», «Я не могу терпеть ложь и лицемерие»).

2. Безопасность и защищенность.

Высказывания, касающиеся обеспокоенности непредсказуемыми событиями в обществе и страхов за свою жизнь и жизнь своих близких («Ужасно, если начнется война», «Ужасно, если СПИД «разойдется» по планете»).

3. Служение людям. Высказывания, касающиеся таких жизненных целей, как помощь и содействие другим людям («Я должен помогать своим друзьям», «Ужасно, если я не сделаю для общества ничего полезного»).

4. Власть и влияние. Утверждения, связанные со стремлением проявлять власть над другими, оказывать на них влияние («Ужасно, если меня ни во что не ставят», «Терпеть не могу, когда превышают полномочия», «Терпеть не могу насилие над человеком»).

5. Известность. В эту группу входят утверждения, связанные со стремлением обратить на себя внимание, быть известным многим людям («Ужасно, если обо мне все забудут», «Я непременно должен сделать так, чтоб обо мне все узнали»).

6. Автономность. Высказывания, связанные с потребностью делать то, что сам человек считает важным, не зависеть от мнения окружающих, самому определять ход своей жизни («Я не могу терпеть, когда мне указывают, что я должен делать», «Я терпеть не могу зависеть от кого-либо», «Я непременно должен освободиться», «Ужасно, если я снова сяду в тюрьму»).

7. Материальный успех. Утверждения, связанные со стремлением к материальному благополучию, к тому, чтобы иметь гарантированный заработок, хорошие условия для проживания: «Я непременно должен найти хороший заработок», «Ужасно, если я не смогу обеспечить семью»).

8. Богатство духовной культуры. Утверждения, касающиеся стремления к духовному совершенствованию, желание приобщиться к достижениям культуры и искусства («Ужасно, если люди

очерствеют душою», «Я непременно должен находить время для чтения», «Я непременно должен освободиться нормальным человеком», «Я терпеть не могу нищих духом»).

9. Личностный рост. Утверждения, касающиеся требований к себе, стремления к развитию себя: («Я непременно должен идти к намеченной цели», «Я непременно должен «встать на ноги»», «Я непременно должен начать новую жизнь», «Ужасно, если я не стану хорошим врачом», «Я терпеть не могу, когда что-то не получается»).

10. Здоровье. Утверждения этой группы выражают стремление иметь хорошее здоровье («Я терпеть не могу, когда заболлеваю», «Ужасно, если я не излечусь», «Я непременно должен сохранить свое здоровье»).

11. Привязанность и любовь. Утверждения этой группы свидетельствуют о потребности иметь близких людей, выражают озабоченность по поводу отношений со значимыми людьми («Я непременно должен встретиться с семьей», «Ужасно, если умрут родственники», «Ужасно, если не понимают близкие», «Я не могу терпеть измен любимых»).

12. Привлекательность. Утверждения, касающиеся стремления иметь привлекательную опрятную внешность, быть довольным своим внешним видом («Я непременно должен хорошо выглядеть», «Ужасно, если человек не следит за собой», «Я не могу терпеть грязные ботинки»).

13. Чувство удовольствия. Утверждения, касающиеся физического комфорта, получения удовольствия от таких сторон жизни, как хорошая еда, секс, чувство физического комфорта и т. д. («Я непременно должен отдохнуть

за границей», «Ужасно, если начнется сезон комаров», «Я терпеть не могу невкусную пищу», «Я терпеть не могу сырость и морозы»).

14. Межличностные контакты, общение. Утверждения, касающиеся потребности чувствовать себя частью какой-либо группы, иметь свой круг общения, страхов, связанных с одиночеством и непониманием («Я непременно должен изменить отношения с людьми», «Ужасно, если меня не понимают», «Я не могу терпеть предательства», «Я не могу терпеть неискренней дружбы»).

15. Богатая духовно-религиозная жизнь. Утверждения, касающиеся веры в Бога, стремления жить в соответствии с религиозными убеждениями: «Ужасно, если я потеряю веру в Бога», «Я непременно должен покаяться»).

16. Избавление от наркотической зависимости. Утверждения, связанные с отношением к наркотикам и лицам их употребляющим, с желанием избавиться от наркотической зависимости («Я непременно должен освободиться от наркотиков», «Ужасно, если снова сяду на иглу», «Я не могу терпеть наркомазов»).

Заинтересовавшись неординарностью и оригинальностью подхода, мы обратились к доступным нам средствам поиска дополнительной авторской информации по данной методике. Однако наши поиски практически не принесли результата.

Учитывая слабоструктурированность стимульного материала и отсутствие конкретных предложений по интерпретации полученных результатов у авторов оригинальной версии, мы предприняли попытку разработки собственного алгоритма анализа данных, получаемых

в ходе проведения данной тестовой методики.

Предлагаемый нами алгоритм интерпретации дает следующие преимущества:

- качественные критерии оценки высказываний за счет выявления закономерностей взаимосвязей трех групп высказываний;
- возможность включения количественных элементов анализа за счет составления специальной сетки обработки материала;
- возможность компьютерной обработки больших массивов данных, получаемых в ходе проведения данной тестовой методики.

В соответствии с тем, что данная тестовая методика не имеет стандартной процедуры обработки, видится целесообразным ввести в данную методику следующие поправки.

1. Рассматривать ценности, относящиеся к первой группе утверждений «Я непременно должен...» как **ценности-цели (Ц_Ц)** — то есть те целеполагающие ценности, которые направляют, руководят поведением человека. Причем, наличие формальных ответов (типа «Я непременно должен ... посадить дерево — построить дом — вырастить сына», и т. д.) может свидетельствовать о том, что вектор направленности личности может быть не выражен, либо возможно присутствие декларативных ценностей, проявление социальной желательности формулировок.

2. Ценности, относящиеся к утверждениям «Ужасно, если...», рассматривать как **ценности-фобии (Ц_Ф)**. Это такая категория ценностей, в рамках которой присутствует страх потери (например, «Ужасно, если... мои родственники ум-

рут»), столкновение с которыми вызывает страх у человека (например, «Ужасно, если... мне придется жениться»).

3. Ценности, относящиеся к утверждениям «Я не могу терпеть...» — группа ценностей, столкновение с которыми вызывает эффект отторжения, неприятия—**ценности-антипатии** (C_A). Они значимы для человека, но имеют отрицательный вектор (например, «Я не могу терпеть..., когда меня перебивают», «Я не могу терпеть..., когда издеваются над слабыми»).

Анализируя соотношение попадания одной из шестнадцати ценностей в три группы высказываний, можно делать следующего рода выводы:

1. Если ценность выражена в большей степени в «Ценностях-целях» и в меньшей степени в «Ценностях-фобиях», либо не выражена в «Ценностях-фобиях» вообще ($C_C > C_F$, либо $C_C > 0$, а $C_F = 0$), то есть вероятность того, что поведение человека будет конструктивным. Если и существуют страхи, то, возможно, человек будет с ними активно бороться. Вероятно, что мотивация достижения выражена.

2. Если ценность выражена в «Ценностях-фобиях» и не выражена в «Ценностях-целях», либо слабо в них выражена ($C_F > C_C$, либо $C_F > 0$, а $C_C = 0$), то вероятно, поведение человека будет не конструктивным (например, есть страхи в зоне семейных ценностей, но отсутствуют «Ценности-цели» в данной зоне, то есть человек боится за семью, но ничего при этом не делает). Возможно, выражена мотивация избегания неудач.

3. Ценность выражена в «Ценностях-целях» и «Ценностях-антипатиях» ($C_C > 0$, $C_A > 0$). Данная ситуация гово-

рит о возможном наличии внутриличностного конфликта, в который вовлечена данная категория ценностей.

4. Ценность выражена в «Ценностях-целях», «Ценностях-антипатиях» и «Ценностях-фобиях» ($C_C > 0$, $C_A > 0$ и $C_F > 0$). Сложная ситуация, когда одновременно наблюдается и ситуация внутриличностного конфликта и присутствуют страхи. В зависимости от выраженности «Ценностей-целей» возможен различный исход событий. В случае преобладания «Ценностей-целей» вероятен эффективный выход из ситуации.

5. Ситуация, когда ценность выражена в «Ценностях-фобиях» и «Ценностях-антипатиях» ($C_F > 0$ и $C_A > 0$). Полученные данные могут свидетельствовать о дезадаптации. Поведение в таком случае, по всей вероятности, не конструктивное.

Данная схема работает в случае индивидуального обследования, а не при статистическом анализе выборки, и если мы имеем дело с одной ценностью одной сферы, представленной в вышеуказанных позициях. Анализ данной ситуации должен учитываться исследователем при занесении результатов обследования в сетку.

В настоящее время, совместно с программистами УК МПЛ УФСИН России по Ярославской области, на базе программы Psychometric Expert разрабатывается компьютерная версия данной тестовой методики, которая позволит упростить процедуру анализа данных тестирования на больших выборках и облегчит процедуру интерпретации данных индивидуального обследования.

Процедура ввода данных будет заключаться в следующем: исследователь соотносит имеющиеся ответы

по утверждениям Must-теста с адаптированным к наркозависимым осужденным списком ценностей и фиксирует результат в определенном квадратике сетки, где строки—утверждения теста, поделенные на три группы («Ценности-цели», «Ценности-фобии», «Ценности-антипатии»), а графы—список из 16 ценностей (Табл.1).

Данная таблица позволит не только анализировать большое количество ответов испытуемых, но и использовать данные, полученные в ходе исследования при статистическом анализе.

Также возможен учет того, в каком по счету утверждении каждой из трех групп стоит та или иная ценность.

На наш взгляд, здесь можно провести параллель с методикой Германа Роршаха, который говорил об ассоциациях первого, второго и т. д. порядка. Суть его высказывания заключалась в том, что в ассоциациях первого, второго порядка обследуемый вскрывает поверхностные слои собственного внутреннего мира, а ассоциации последнего порядка—вскрывают глубины психики.

Так и в нашем случае, при анализе полученных данных мы обратили внимание на четкую закономерность: чем ниже ранг высказывания, тем более интимно-личностный характер приобретают формулировки высказываний, что в свою очередь, позволяет выявить глубинные, наиболее значимые ценности. С этой точки зрения, вероятней всего, существует необходимость увеличить число должествований с шести до восьми в каждой из трех групп утверждений.

В ходе проведенного нами пилотажного исследования 71 наркозависимого осужденного были получены следующие результаты.

Для 80% обследуемых значимыми являются «Ценности-цели», связанные с семьей и близкими людьми. Причем, половина из них делает двойной выбор данных ценностей. (рис1.)

Для 69% обследуемых значимыми являются «Ценности-цели», связанные со свободой. При этом, 28% этих обследуемых делают неоднократный выбор данной категории ценностей.

Кроме того, велика доля страхов потери, связанных с указанными выше ценностями. 66% респондентов боятся потери близких и ухудшения взаимоотношений с ними и 52% боятся потери свободы.

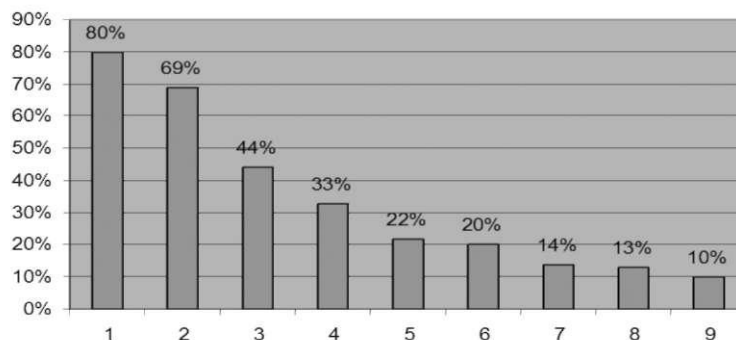
Полученные данные говорят о наибольшей значимости данной категории ценностей и о существующем напряжении (большой процент фобий в этой области) в области данных категорий ценностей, которое является преградой на пути достижения целей.

Кроме того, 20% опрошенных испытывают негативные эмоции, связанные с какими-либо ограничениями в свободе, что в совокупности с вышеприведенными данными свидетельствует о возможном существовании внутриличностных конфликтов в сфере, связанной с данной категорией ценностей.

44% опрошенных, среди «Ценностей-целей» указывают на личностный рост и достижения в жизни, причем у 50% из них цели в этой области довольно декларативны и абстрактны: «начать новую жизнь», «занять достойное место в обществе».

33% связывают жизненные цели с материальным достатком, однако 75% из них ставят достаточно оторванные от реальности цели: «должен стать богатым», «должен купить шикарную квартиру».

Рис 1. Процентное соотношение выборов наркозависимых осужденных мужского пола по шкале «Ценности-цели»: 1—Привязанность и любовь; 2—Автономность; 3—Личностный рост; 4—Материальный успех; 5—Богатство; 6—Богатая духовно-религиозная жизнь; 7—Избавление от наркотической зависимости; 8—Межличностные контакты; 9—Безопасность и защищенность; Служение людям; Богатая духовно-религиозная жизнь.

22% связывают свои цели с повышением уровня духовности. Здесь фигурируют такие ответы, как «познать себя», «стать лучше», «найти смысл жизни», причем эти ценности респонденты ставят, в основном, на четвертую и пятую позицию.

20% ставят заботу о своем здоровье в число приоритетных жизненных целей. При этом, 10% включают заботу о здоровье в число жизненных целей, не имея страхов по поводу последнего; 10% включают заботу о здоровье в число жизненных целей, имея при этом страхи, связанные с его потерей, и 20% опрошенных имеют страхи по поводу здоровья, но ничего не собираются предпринимать для поддержания последнего, что свидетельствует о неконструктивном поведении последней группы.

Только 14% респондентов ставят жизненными целями избавление от наркотической зависимости, из них 70% испытывает страхи, связанные с возвратом к приему наркотиков. 18% боится вновь

начать прием наркотиков, но не ставит своей целью избавление от наркотической зависимости и 68% всех опрошенных не видят у себя проблем, связанных с наркотической зависимостью.

13% видят среди своих целей установление социальных контактов. 19% имеют страхи в этой сфере, большая доля которых приходится на страх быть непонятыми. И 69% испытывают негативные эмоции в данной сфере, проявляя нетерпимость в сфере общения.

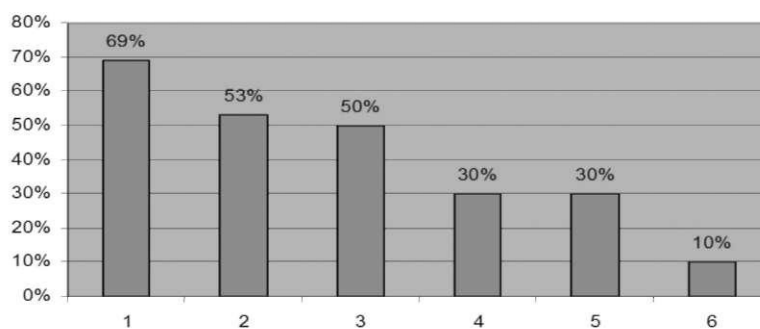
Такие «Ценности-цели», как «Безопасность и защищенность», «Служение людям», «Богатая духовно-религиозная жизнь» для подавляющего большинства опрошенных не являются основополагающими, а «Социальная справедливость» и «Привлекательность» вообще не выбираются в качестве «Ценностей-целей».

Подавляющее большинство страхов связано с непониманием и потерей родных и близких (69%), с потерей свободы (53%), безопасностью жизни (50%).

С невозможностью личного роста, достижением намеченных целей, с ухудшением здоровья, с боязнью вновь начать прием наркотиков связывают свои страхи 30% испытуемых. (рис. 2]

Страхи, связанные с такими ценностями, как «Социальная справедливость»,

«Служение людям», «Известность», «Материальный успех», «Чувство удовольствия», «Богатая духовно-религиозная жизнь», присутствуют меньше, чем у 10% опрошенных. Страхов, связанных с ценностями «Власть и влияние», «Привлекательность» не выявлено.

Рис 2. Процентное соотношение выборов наркозависимых осужденных мужского пола по шкале «Ценности-фобии»: 1—Привязанность и любовь; 2—Автономность; 3—Безопасность и защищенность; 4—Избавление от наркотической зависимости; 5—Личностный рост; 6—Социальная справедливость; Служение людям; Известность; Материальный успех; Чувство удовольствия; Богатая духовно-религиозная жизнь.

Наибольшее неприятие у наркозависимых осужденных вызывают стороны жизни, связанные с межличностными контактами (69%), властью и влиянием (47%), физическим дискомфортом (44%), социальной несправедливостью (36%), ограничением свободы и внешней непривлекательностью (по 20%). (рис. 3]

Неприятие к наркотикам высказали только 5% респондентов.

С такими ценностями, как «Материальный успех», «Личностный рост», «Здоровье», «Привязанность и любовь», отрицательные переживания связывают меньше 10% опрошенных.

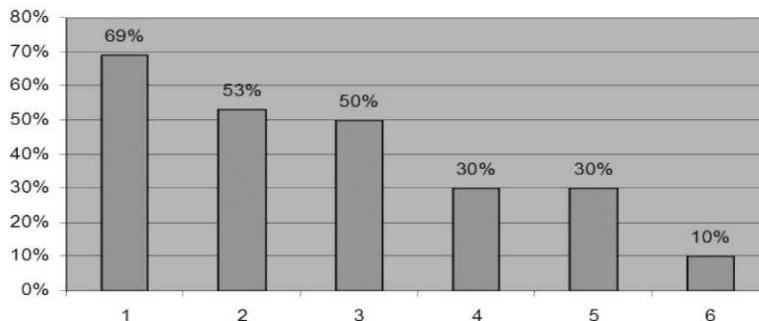
Неприятия к сферам, связанным с такими жизненными ценностями, как

«Безопасность и защищенность», «Служение людям», «Известность», «Богатство духовной культуры», «Богатая духовно-религиозная жизнь», не выявлено.

В результате пилотажного исследования по апробации методики Must-test, проведенного на наркозависимых осужденных мужского пола, мы пришли к следующим выводам:

1. Наркозависимые осужденные стремятся к свободе (69%), не осознавая при этом, что первопричиной их лишения свободы является наркотическая зависимость, поскольку только 14% связывают свои цели с избавлением от наркотической зависимости.

2. Приоритетные ценности наркозависимые осужденные мужского пола

Рис 3. Процентное соотношение выборов наркозависимых осужденных мужского пола по шкале «Ценности-антипатии»: 1— Межличностные контакты, общение; 2— Власть и влияние; 3— Чувство удовольствия; 4— Социальная справедливость; 5 — Автономность; 6 — Привлекательность; 7 — Материальный успех; 8 — Избавление от наркотической зависимости.

связывают, в основном, с родными и близкими (80%), что является типичным вообще для всех категорий осужденных. Но, в то же время, сфера межличностных контактов у лиц данной категории, по данным нашего исследования, нарушена—69% имеют проблемы, связанные с межличностными контактами и общением. По этой причине вероятно, что реализация данных «Ценностей-целей» в будущем для обследуемых будет затруднена и может привести к возникновению или усугублению внутриличностных конфликтов. Последнее, в свою очередь, может стать одной из причин возобновления употребления наркотических веществ.

Таким образом, возможности Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных сводятся к следующим основным положениям:

1. Проективный подход, лежащий в основе Must-теста, позволяет существенно нивелировать ограничения опросных методов диагностики наркозави-

симых осужденных (субъективность самоотчетов, социальная желательность, демонстративность и т. д.), что позволяет повысить объективность результатов исследования.

2. Разделение высказываний на «Ценности-цели», «Ценности-фобии», «Ценности-антипатии» позволяет выявлять значимые для наркозависимых осужденных ценности, связанные с их жизненными целями, с опасениями и страхами, с отторжением и неприятием соответственно.

3. Рассмотрение взаимовлияния ценностей внутри трех групп высказываний позволяет выявлять внутриличностные конфликты, направленность личности наркозависимых осужденных.

Литература

1. Акопов А. Ю. Свобода от зависимости. Социальные аспекты болезни личности. СПб:речь, 2008.
2. Бурлачук Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2008.
3. Козлов А. А., Рохлина М. Л. «Наркоманическая» личность//Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С.Корсакова. 2000, N7. С. 23-27.
4. Мехтиханова Н. Н. Психология зависимого поведения: учебное пособие. М., 2008.

5. Психологические особенности наркоманов периода взросления/Под ред. Березина С. В., Лисецкого К. С. Самара, 1998.

6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Саморегуляция функционального состояния налоговых служащих: субъективная интерпретация факторов профессионального стресса и психологические способы оптимизации состояния

А. С. Кузнецова, Н. М. Филина,
О. Ю. Теленова

Ключевые слова: функциональное состояние (ФС), саморегуляция состояния, профессиональный стресс, способы и приемы оптимизации состояния.

Аннотация: в статье анализируется система психологических способов и средств, обеспечивающих саморегуляцию текущего функционального состояния (ФС). Результаты цикла эмпирических исследований, выполненных на контингенте специалистов, работающих в системе налоговой службы России, показали, что неблагоприятная динамика ФС обусловлена субъективным принятием высокой степени значимости труда и ответственности за результаты работы, которая протекает в условиях эмоционально насыщенных контактов с налогоплательщиками постоянных прерываний процесса работы с документами и большой информационной нагрузкой. Типичный вектор динамики ФС—естественное накопление симптомов утомления. При этом выявлен феномен «тревожного ожидания» как следствие предвосхищения дней приема налогоплательщиков. Показано, что наиболее часто используемые в рабочих условиях спонтанные

способы саморегуляции ФС недостаточно эффективны для предотвращения и купирования эффектов роста ситуативной тревожности.

Keywords: functional state, self-regulation, occupational stress, stress-management and self-regulation means.

Annotation: the empirical study of stress-management and recreation means was conducted in tax inspection board employees; 104 employees were involved. The aim of the study—to reveal main job and organizational factors accepted by employees as the main causes of negative functional states dynamics and to describe the system of different stress-management and self-regulation means. The relevance of the study is based on the necessity of scientific data storage concerning human functional state regulation mechanisms. The results show that the high level of accepted responsibility in work, emotional communications with tax payers and permanent work interruptions are viewed as the main job stressors. The typical trend in functional states' dynamics is the accumulation of work fatigue. At the same time the effect of increase of state anxiety was

5. Психологические особенности наркоманов периода взросления/Под ред. Березина С. В., Лисецкого К. С. Самара, 1998.

6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Саморегуляция функционального состояния налоговых служащих: субъективная интерпретация факторов профессионального стресса и психологические способы оптимизации состояния

А. С. Кузнецова, Н. М. Филина,
О. Ю. Теленова

Ключевые слова: функциональное состояние (ФС), саморегуляция состояния, профессиональный стресс, способы и приемы оптимизации состояния.

Аннотация: в статье анализируется система психологических способов и средств, обеспечивающих саморегуляцию текущего функционального состояния (ФС). Результаты цикла эмпирических исследований, выполненных на контингенте специалистов, работающих в системе налоговой службы России, показали, что неблагоприятная динамика ФС обусловлена субъективным принятием высокой степени значимости труда и ответственности за результаты работы, которая протекает в условиях эмоционально насыщенных контактов с налогоплательщиками постоянных прерываний процесса работы с документами и большой информационной нагрузкой. Типичный вектор динамики ФС—естественное накопление симптомов утомления. При этом выявлен феномен «тревожного ожидания» как следствие предвосхищения дней приема налогоплательщиков. Показано, что наиболее часто используемые в рабочих условиях спонтанные

способы саморегуляции ФС недостаточно эффективны для предотвращения и купирования эффектов роста ситуативной тревожности.

Keywords: functional state, self-regulation, occupational stress, stress-management and self-regulation means.

Annotation: the empirical study of stress-management and recreation means was conducted in tax inspection board employees; 104 employees were involved. The aim of the study—to reveal main job and organizational factors accepted by employees as the main causes of negative functional states dynamics and to describe the system of different stress-management and self-regulation means. The relevance of the study is based on the necessity of scientific data storage concerning human functional state regulation mechanisms. The results show that the high level of accepted responsibility in work, emotional communications with tax payers and permanent work interruptions are viewed as the main job stressors. The typical trend in functional states' dynamics is the accumulation of work fatigue. At the same time the effect of increase of state anxiety was

shown as the typical response to high emotional workload expectations. The main frequent stress-management and self-regulation means used by employees during work hours are not appropriate for effective coping and state anxiety management.

Введение и постановка проблемы

Психологические исследования функционального состояния (ФС) работающего человека в настоящее время можно рассматривать как направление, традиционное для психологии труда и организационной психологии [1; 5; 12; 14]. Современная методология исследований ФС—структурно-интегративный подход, в рамках которого ФС рассматривается как система регуляторных механизмов, обеспечивающих выполнение деятельности в определенный момент времени [4; 7]. Данная трактовка ФС позволяет разработать методические схемы исследования эффективности деятельности (соотношение результата и «цены» приложенных для его достижения усилий), поскольку степень слаженности механизмов текущей регуляции является показателем «цены» деятельности. Основная ось исследований ФС может быть определена следующим образом: поиск причин изменения ФС—изучение динамики ФС—анализ сложившейся в процессе профессионального и жизненного опыта системы средств саморегуляции состояния—разработка научно обоснованных программ мероприятий по оптимизации ФС.

Особую актуальность исследования ФС приобретают в условиях развивающихся организаций. Прежде всего, любые организационные изменения ведут к переструктурированию факторов, обуславливающих динамику

ФС; следовательно, необходимо оценивать последствия организационных инноваций— в том числе и с точки зрения анализа ФС работников и эффективности их деятельности. Далее, включение обоснованных мероприятий по профилактике развития неблагоприятных ФС в современных условиях является одним из ключевых направлений работы с персоналом, нацеленным на обеспечение эффективной трудовой деятельности и являющимся очевидным свидетельством заботы организации о своих сотрудниках.

Система Государственной налоговой службы Российской Федерации в современной форме была образована в 1991 г. В 1998 г. Государственная налоговая служба преобразована в Министерство по налогам и сборам, а с 2004 г. передана в ведение Министерства финансов Российской Федерации. В данной области динамичный процесс организационных инноваций обусловлен системой государственных мероприятий в области совершенствования налоговой политики. Именно поэтому прикладные психологические исследования профессиональной деятельности работников налоговой службы сейчас крайне целесообразны и актуальны, а разработка программ психологического сопровождения является существенным фактором повышения эффективности работы налоговых организаций. На этом пути исследования причин развития состояний сниженной работоспособности и эмоциональной напряженности сотрудников является одной из важнейших задач. В рамках этого направления был впервые реализован цикл эмпирических исследований ФС персонала территориальных налоговых организаций

базового уровня—межрайонных налоговых инспекций (МИФНС).

Цель и задачи исследования

Основная цель начатой исследовательской программы—выявить представления сотрудников налоговой службы о ключевых организационных и профессиональных факторах, обуславливающих изменение ФС в процессе работы, проанализировать субъективное отражение данных изменений в рефлексивном образе текущего состояния ФС и раскрыть содержание системы психологических средств саморегуляции, ориентированных на задачи оптимизации ФС. Представленные в данной статье материалы собраны и обобщены в соответствии со следующими задачами исследования: 1) проанализировать субъективный образ факторов трудового стресса сотрудников как основных причин негативной динамики ФС; 2) выявить и категоризовать изменения ФС в течение рабочего дня; 3) определить типичные способы саморегуляции и оптимизации ФС, используемые сотрудниками на рабочем месте вне контекста специальных программ поддержки работоспособности; 4) оценить эффективность спонтанных способов оптимизации ФС, доступных в рамках организационных требований и возможностей.

Данная последовательность задач вытекает из логики исследования: для выявления степени эффективности средств оптимизации ФС, прежде всего, необходимо понимать основные причины его изменений под влиянием процесса трудовой деятельности, а также иметь возможность отслеживать динамику состояния в течение рабочего дня. На основании анализа основных тенденций изменения состояния можно сделать вывод о

том, насколько успешно функционирует система саморегуляции, обеспечивающая поддержку требуемого для выполнения профессиональных обязанностей уровня состояния.

Организация исследования и особенности выборки

Эмпирические данные были собраны в двух межрайонных налоговых инспекциях (МИФНС). Первая организация—межрайонная налоговая инспекция одного из небольших по числу населения городов Московской области (в дальнейшем в таблицах и рисунках данная налоговая инспекция будет обозначаться как «Организация 1»). Исследование реализовано в 2003 году в относительно спокойный период годового рабочего цикла (январь), исключающий возможность незапланированного роста интенсивности нагрузки: в это время нагрузка не является чрезмерной; кроме того, работники отдохнули за время новогодних праздников [3]. Вторая организация—также межрайонная налоговая инспекция небольшого города, но находящаяся в другом регионе России (обозначенная далее «Организация 2»); в данной организации сбор эмпирических данных был проведен в 2008 г. Организационная структура обследованных инспекций является типовой для налоговых организаций с численностью менее 150 человек [15; 16].

В исследовании приняло участие большинство сотрудников инспекций, общее число участников исследований—104 человека в возрасте от 19 до 61 года, стаж работы которых в налоговой службе варьирует от 1 года до 17 лет. В основном в налоговых организациях данного уровня работают женщины, и именно они представляли аб-

солютное большинство в обследованной выборке (102 человека).

Исследовательская программа была разбита на 4 этапа. На *первом этапе* был проведен *профессиографический анализ* трудовой деятельности сотрудников разных подразделений налоговых инспекций для выявления основных причин негативной динамики ФС в процессе работы. *Второй этап* посвящен изучению специфики субъективного образа профессиональных и организационных причин развития трудового стресса. На *третьем этапе* были проанализированы особенности ФС и специфика динамики состояния в течение рабочего дня. Содержание *четвертого этапа* — анализ системы способов и средств саморегуляции состояния и оценка эффективности функционирования данной системы.

Диагностические методики

Компоновка диагностического пакета для сбора данных обусловлена целью исследования и планом его организации. В настоящем исследовании были поставлены задачи выявления и анализа субъективного представления сотрудников организаций о наиболее значимых причинах развития стрессовых состояний и особенностей рефлексивного образа текущего функционального состояния, поэтому были использованы опросные диагностические методики. Обработка осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS, версия 15.

Состав диагностического пакета методик (см. таблицу 2):

1. Опросник трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А. Б. Леоновой и С. Б. Величковой. 2002 [8].

2. Анкета для оценки средств отдыха и восстановления работоспособности на рабочем месте [3].

3. Пакет методик самооценки текущего функционального состояния (см. таблицу 2). В данный пакет вошли методики для оценки степени выраженности следующих показателей текущего состояния: ситуативной тревожности [17]; субъективного комфорта [5]; зрительного и позотонического утомления [5]; ситуативных эмоций [9].

Данные о самооценке текущего состояния были собраны при помощи следующей схемы проведения исследования: 1 замер соответствует началу рабочего дня, спустя 30-40 мин. после начала работы; 2 замер — концу рабочего дня, за 15-20 мин. до окончания работы. Представленные в данной статье материалы отражают усредненные данные нескольких замеров в разные рабочие дни.

В целях соблюдения принципа анонимности сотрудникам было предложено выбрать индивидуальную систему кодировки опросных бланков. Кодировка была известна только тестируемому человеку и проводящему исследование психологу. Испытуемым сообщалось, что доступ к индивидуальным результатам возможен только для психолога, а с групповыми результатами могут ознакомиться все желающие.

Результаты исследования

Результаты *профессиографического и психологического анализа* труда сотрудников разных подразделений позволили выделить ключевые факторы, являющиеся основными причинами развития неблагоприятных ФС в течение рабочего дня и способствующие при оп-

Таблица 2. Диагностический пакет методик самооценки текущего ФС

Методики	Показатели
Шкала ситуативной тревожности (<i>От: Spielberg; рет. адаптация Ю. Л. Хачича</i>)	1. Индекс ситуативной тревожности
Шкала дифференциальных эмоций (<i>К. Izard; адаптация А. Б. Леоновой</i>)	Индексы: 2. Позитивных эмоций 3. Негативных эмоций 4. Тревожно-депрессивных эмоций
Опросник для оценки острого зрительного и позотонического утомления (<i>А. Б. Леонова</i>)	5. Индекс зрительного и позотонического утомления
Шкала состояния (<i>E. Groll & M. Heider; адаптация А. Б. Леоновой</i>)	6. Индекс субъективного комфорта

Опросник для оценки острого зрительного и позотонического утомления

(А. Б. Леонова)
Шкала состояния
(E. Groll & M. Heider; адаптация А. Б. Леоновой)
ределенных условиях росту напряженности деятельности.

Профессиональные особенности содержания и организации труда: высокий уровень ответственности за результаты труда; большой объем информационной нагрузки, при этом высокая доля трудоемких рутинных операций по обработке и фиксации поступающей информации; необходимость распределения внимания между разными по содержанию трудовыми задачами и, как следствие, необходимость быстрых переключений между ними; постоянные прерывания в процессе работы, связанные с телефонными звонками и поступающей от посетителей и коллег информации; негативные эмоции посетителей, способствующие росту эмоциональной напряженности сотрудников инспекций; высокая вероятность возникновения конфликтных ситуаций в процессе профессионального общения; часто — негативное отношение к работникам налоговых органов со стороны налогоплательщиков.

Организационные факторы, касающиеся условий и средств труда: средний уровень оплаты труда; жестко установленные сроки перехода на более высокую должность, фрустрирующие

потребность в карьерном росте и развитии; недостаток современного оборудования, при этом высокие требования к умениям работать с разными информационными и компьютерными средствами; часто — шум в рабочих помещениях. Кроме того, что перманентный инновационный процесс, затрагивающий все организации налоговой службы, является мощным фактором организационного стресса и отдельной причиной повышения напряженности труда [13]. В частности, организационные перестройки в налоговой службе определяют изменения в системе профессиональных задач сотрудников разных подразделений и, как правило, ведут к увеличению рабочей нагрузки.

Итоговые данные профессиографического этапа легли в основу предположения о том, что в целом представления сотрудников о причинах формирования негативных состояний будут отражать реальную ситуацию напряженности труда. Предполагалось, что содержание *субъективного образа профессиональных ситуаций* будет, прежде всего, отражать индивидуально-значимые факторы, обуславливающие развитие состояния напряженности по типу профессионального стресса.

Таблица 3. Deskриптивная статистика по показателям субъективной оценки факторов трудового стресса (по всей выборке обследованных, n = 104)

№	Факторы трудового стресса	Среднее	Ст. откл.
1	Наличие неприятных обязанностей и противоречивых поручений	21,4	14,5
2	Сверхурочная работа	18,9	18,4
3	Ограниченные возможности профессионального роста	22,8	20,0
4	Необходимость выполнять новые или незнакомые задания	21,3	17,5
5	Невыполнение сотрудниками (подчиненными) своих обязанностей	21,8	18,8
6	Недостаточная поддержка со стороны руководства	26,7	20,1
7	Необходимость преодолевать кризисные ситуации	24,8	17,1
8	Отсутствие одобрения за хорошо выполненную работу	22,9	19,3
9	Несоответствие поручаемых задач профессиональным обязанностям	20,9	18,5
10	Необходимость пользоваться плохим или неподходящим для работы оборудованием	31,8	26,0
11	Повышенная ответственность за исполняемую работу	33,5	21,8
12	Наличие в работе периодов вынужденного бездействия	13,7	16,8
13	Трудности в отношениях с начальством	19,2	19,5
14	Негативное отношение к организации в целом	15,2	17,6
15	Плохая подготовка персонала для качественного выполнения трудовых задач	19,3	18,8
16	Необходимость незамедлительно принимать ответственные решения	21,9	17,3
17	Обиды и оскорбления со стороны заказчика/потребителя/клиента	23,9	21,7
18	Недостаточное участие в планировании и принятии организационных решений	15,8	16,0
19	Несправедливость в оплате труда или распределении материальных поощрений	30,5	25,7
20	Борьба за продвижение по службе	16,4	18,0
21	Отсутствие полноценного руководства	15,2	15,2
22	Наличие шума и помех в производственных помещениях	26,7	24,4
23	Постоянные прерывания и отвлечения от работы	27,3	23,7
24	Переходы от вынужденных периодов пассивности и безделья к интенсивным перегрузкам	17,3	16,0
25	Чрезмерная нагрузка по работе с документацией и информацией	27,1	21,2
26	Жесткие сроки выполнения работы	31,7	23,7
27	Отсутствие/недостаток времени для удовлетворения личных нужд и отдыха (для обеденного перерыва, чашки кофе и пр.)	19,8	19,1
28	Необходимость выполнять работу за других— коллег, начальства, подчиненных	22,6	18,2
29	Низкая трудовая мотивация сослуживцев	21,1	18,7
30	Конфликты с другими подразделениями организации	16,7	16,9

Анализ собранных на втором этапе данных показал, что в качестве основных причин профессионального стресса обследуемые называют следующие факторы: высокая ответственность за результаты труда (главный стресс-фактор), плохое оборудование, жесткие сроки выполнения работы (см. выделенные жирным шрифтом факторы в *таблице 3*; среднее значение выше 25 баллов является значимым стресс-фактором [8]). Кроме этих причин, сотрудники выделяют такие организационные стрессоры, как: несправедливость в оплате труда или распределении материального поощрения, помехи и прерывания в работе, чрезмерная нагрузка по работе с информацией, а также недостаточная поддержка со стороны руководства.

Таким образом, выделенные в процессе профессиографического анализа основные причины потенциального развития напряженности присутствуют как таковые в субъективном образе профессиональной деятельности. Вместе с тем, обследование двух налоговых инспекций было проведено с интервалом в 5 лет, а за это время в содержание и организацию труда сотрудников на-

логовой сферы были внесены некоторые существенные изменения. Целесообразно сравнить представления сотрудников этих организаций о причинах профессионального стресса. Данные о выявленных значимых различиях представлены в *таблице 4*.

Как видно из *таблицы 4*, существенных различий в субъективном образе причин трудового стресса у сотрудников двух организаций почти нет: представления о типичных факторах ухудшения ФС одни и те же. Различия касаются оплаты труда: это объясняется ростом заработной платы и повышением стимулирования труда налоговых служащих за последние 5 лет в соответствии с государственными программами развития налоговой службы. Разная чувствительность к шуму в рабочих помещениях связана с конкретными условиями работы в организациях: во второй организации сотрудники работают в более комфортных и небольших помещениях.

Выявленные субъективно значимые причины развития профессионального стресса, по-видимому, определяют основную вектор негативных изменений ФС во время работы. Можно предполо-

Таблица 4. Дескриптивная статистика и результаты статистического сравнения показателей субъективной оценки факторов трудового стресса в разных обследованных организациях

№	Показатели (факторы трудового стресса)	Среднее значение (стандартное отклонение)		Значимые различия: t-критерий Стьюдента (уровень значимости)
		Организация 1 – исследование 2003 г. (n = 66)	Организация 2 – исследование 2008 г. (n = 38)	
19	Несправедливость в оплате труда или распределении материальных поощрений	37,11 (27,4)	19,08 (17,9)	3,628 (p < 0,000)
22	Наличие шума и помех в помещениях	34,09 (25,5)	13,95 (15,9)	4,393 (p < 0,000)

жить, что естественная динамика ФС за время рабочего дня связана с накоплением симптомов острого зрительного и позотонического утомления по причине длительной работы с документами в условиях статичной рабочей позы. Кроме того, ситуативные факторы напряженности труда (высокая нагрузка и жесткие сроки работы) и эмоциональной насыщенности профессионального общения (прерывания процесса работы с документами, визитами посетителей и телефонными звонками) способствуют развитию негативных эмоциональных состояний. Данные изменения отражаются в самооценках текущего ФС сотрудников.

Для проверки выдвинутых предположений на третьем этапе исследования был сформирован план углубленного анализа ФС, формирующийся под влиянием трудовой нагрузки во время рабочего дня. Сбор эмпирических данных по задачам этого этапа оказался возможным только в первой налоговой организации [Кузнецова, 2004; Кузнецова и Теленова, 2005]. Обследование проводилось в так называемые «неприятные дни», когда рабочая нагрузка заключается, в основном, в работе с документами (в отличие от намного более эмоционально нагруженных дней приема посетителей) в течение трех дней недели по схеме двух диагностических замеров: в начале дня, спустя полчаса после начала работы (утренний замер) и за час до конца работы (вечерний замер). Первая половина сотрудников прошла обследование в первую неделю, а вторая—неделю спустя.

Данные позволили установить, что в начале рабочего дня все показатели самооценки ФС находятся в пределах нормы. К концу работы самооценка ФС

в конце дня несколько ухудшается, однако в целом основные показатели остаются в диапазонах позитивных значений—за исключением показателя ситуативной тревожности во второй день исследования.

Результаты статистического сравнения показателей представлены в таблице 5. Данные свидетельствуют о достоверном ухудшении к концу рабочего дня субъективного комфорта, росте утомления, снижении выраженности позитивных эмоций в эмоциональной палитре ФС.

Весьма интересный результат получен в отношении динамики показателя ситуативной тревожности (см. таблицу 5 и рис. 4). Самооценка ситуативной тревожности значимо растет во второй день обследования.

К концу рабочего дня повышается настолько, что переходит в диапазон высокой тревожности (граница диапазонов умеренной и высокой РТ — 45 баллов). Важно, что эти изменения показателя РТ были зарегистрированы дважды в две разные недели исследования.

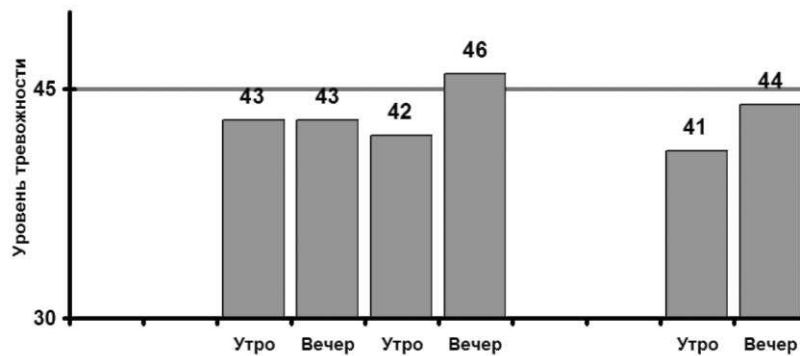
Данный результат, на наш взгляд, объясняется тем, что обсуждаемый день проведения обследования (среда)—это предшествующий дню приема посетителей рабочий день. Сотрудники инспекции реагируют именно на его приближение увеличением беспокойства и тревожности. Этот вывод был полностью подтвержден беседами с работниками инспекции: типичными высказываниями работников были следующие: «Сегодня у нас [в среду] спокойно, а вот вы бы пришли завтра посмотреть, как нам тут работается!», «Это сегодня посетителей нет, а завтра—совсем другое дело будет».

Таким образом, как нам представляется, в исследовании был обнаружен фе-

Таблица 5. Динамика показателей актуального ФС в течение неприемных рабочих дней обследуемых в первой налоговой организации (n = 55)

Показатели ФС	Дни проведения обследования		
	День 1 (вторник)	День 2 (среда)	День 3 (пятница)
Субъективный комфорт	$I Z = -2,401$ ($p \leq 0,05$)	$I Z = -3,627$ ($p \leq 0,001$)	$I Z = -2,165$ ($p \leq 0,05$)
Ситуативная тревожность	-	$I Z = -2,513$ ($p \leq 0,05$)	-
Позитивные эмоциональные переживания	$I Z = -2,583$ ($p \leq 0,01$)	$J, Z = -2,772$ ($p * 0,01$)	-
Негативные эмоциональные переживания	$T Z = -2,503$ ($p \leq 0,05$)	-	-
Тревожно-депрессивные эмоции	-	-	-
Зрительное и позотоническое утомление	$I Z = -3,884$ ($p \leq 0,001$)	$I Z = -4,870$ ($p \leq 0,001$)	$I Z = -3,612$ ($p \leq 0,001$)

Пояснения к таблице: Z—значения критерия; p—уровень значимости; — отсутствие значимых различий в сдвиге показателя; f и J,—положительный и отрицательный сдвиги показателя к концу рабочего дня.

Рис. 4. Феномен тревожного ожидания: динамика реактивной тревожности в течение неприемных рабочих дней

номен «тревожного ожидания» прихода посетителей, предвосхищающий напряжение, существующее в дни визитов налогоплательщиков. Интересно, что феномен «тревожного ожидания» был получен даже в самый спокойный период работы инспекции, в том числе и с точки зрения интенсивности контактов с посетителями. Можно ожидать, что по мере возрастания эмоционального напряжения в ра-

боте беспокойство и тревожность будут расти в еще большей мере.

Отметим, что в целом динамика показателей ФС в течение рабочих дней не внушает серьезных опасений, вероятно потому, что исследование было проведено в самый спокойный в году период работы. Вместе с тем остается открытым вопрос о возможностях сотрудников успешно управлять ФС. Этот

вопрос актуален, поскольку данные роста тревожности накануне приема посетителей свидетельствуют об отсутствии выраженного эффекта регуляции состояния. Более того, если в самое спокойное время работы столь явно растет РТ в ожидании посетителей, то насколько же «подскачет» тревожность в периоды сезонного наплыва посетителей?

Для анализа возможностей индивидуальной системы саморегуляции ФС было проведено исследование способов и приемов, которые используют сотрудники «на рабочем месте» в течение рабочего дня. Изучение способов управления ФС показало, что все работники, безусловно, прибегают к тем или иным способам и приемам оптимизации ФС, восстановления работоспособности, отдыха и подъема настроения в часы работы. Бесспорные приоритеты по всей выборке принадлежат таким доступным и типичным способам психологической поддержки, как: 1) чаепитие/кофепитие во время коротких рабочих перерывов, часто—в непосредственной близости от рабочего места, 2) разговоры и обмен шутками с коллегами, 3) воспоминания о чем-нибудь смешном, 4) прослушива-

ние музыки (см. таблицу 6). Интересно, что также достаточно широко распространены такой «способ отдыха», как волевое усилие для продолжения работы!

Можно констатировать, что большинство сотрудников применяют «на рабочем месте» вполне традиционные способы организации и заполнения микроперерывов в работе. Эффективность данных способов весьма спорна, поскольку сами по себе чаепитие и обмен шутками с коллегами не могут помочь человеку в полной мере отреагировать на негативные эмоциональные состояния, преобразовать свое отношение к неблагоприятным факторам трудовой деятельности (например, к эмоционально насыщенным контактам с налогоплательщиками в условиях не всегда спокойных и вежливых форм общения). При этом те способы и средства саморегуляции, которые действительно направлены на оптимизацию текущего ФС (в частности, приемы психологической саморегуляции), применяются работниками крайне редко.

Интересно проанализировать возможную организационную специфи-

Таблица 6. Процент обследованных, использующих доступные на рабочем месте способы и приемы оптимизации ФС (по всей выборке обследованных, n = 100)

	Способы и приемы оптимизации ФС	Частота использования		
		Не применяют	Иногда	Часто
1	Использую микроперерывы, чтобы посидеть несколько мгновений спокойно с закрытыми глазами	45	50	5
2	Поливаю цветы, ухаживаю за ними	43	42	15
3	Делаю небольшие перерывы, чтобы выпить чашечку чаю/кофе	3	65	32
4	Выполняю определенную последовательность действий как ритуал, помогающий мне оптимизировать мое состояние	69	25	6

Продолжение таблицы 6.

5	Разговариваю с коллегами, обмениваюсь с ними шутками, обсуждаю с ними что-либо и др.	4	45	51
6	Не отрываясь от работы, съедаю что-нибудь приятное (конфетку, печенье и т. д.)	33	53	14
7	Кормлю рыбок, наблюдаю за ними	98	2	-
8	Использую небольшие паузы в работе для того, чтобы поиграть на компьютере	88	11	1
9	Принимаю легкие успокаивающие средства (например, настои трав, таблетки, гомеопатические средства и др.)	75	23	2
10	Выпускаю пар, разговаривая на повышенных тонах	58	40	2
11	Делаю перекуры	69	26	5
12	Использую психологические приемы саморегуляции состояния/релаксации	84	15	1
13	Делаю упражнения дыхательной гимнастики (успокаивающие либо тонизирующие по мере необходимости)	87	13	-
14	Использую микропаузу, чтобы повторить про себя какую-либо фразу/текст, позволяющую мне собраться	68	29	3
15	Слушаю радио, слушаю музыку	53	22	25
16	Использую специальные приемы сосредоточения внимания	75	21	4
17	Через окно наблюдаю за тем, что происходит на улице	36	52	12
18	Вспоминаю что-нибудь смешное	30	54	16
19	Занимаюсь гимнастикой (выполняю несложные физические упражнения)	69	29	2
20	Без особой необходимости «навожу» дополнительный порядок в своих компьютерных файлах	53	40	7
21	Сосредотачиваю внимание на компьютерных заставках (или на фоторепродукциях) с видами природы, пейзажами и др.	56	43	1
22	Делаю небольшие перерывы для чтения (газет, журналов и др.)	59	37	4
23	Пишу SMS-сообщения/письма друзьям по электронной почте	82	15	3
24	Стараюсь выкроить время, чтобы побыть наедине с собой	66	30	4
25	Читаю молитвы	91	9	-

Продолжение таблицы 6.

26	Стараюсь использовать перерыв для прогулки на свежем воздухе	68	24	8
27	Хожу взад-вперед по комнате/по коридору	72	27	1
28	Волевым усилием заставляю себя работать	30	54	16
29	Использую возможности Интернета	93	4	3
30	Переставляю предметы на своем рабочем месте без какой-либо специальной задачи	58	40	2
31	Мысленно представляю себя в каком-либо месте, приятном для отдыха и восстановления сил	45	47	8
32	Принимаю алкогольные напитки	77	22	1
33	Использую перерывы для разгадывания кроссвордов, раскладки пасьянсов и др.	76	22	2
34	Выполняю приемы самомассажа	67	30	3
35	Вспоминаю себя в том состоянии, когда мне все удается	55	40	5
36	Занимаюсь своим внешним видом (поправляю прическу и пр.)	30	62	8
37	Ругаюсь про себя	40	50	10
38	Хожу «за компанию» в буфет, столовую	72	26	2
39	Звоню друзьям, знакомым	41	46	13
40	Стараюсь использовать небольшие перерывы, чтобы немного подремать	87	13	-

ку выбора способов и приемов оптимизации ФС. В таблице 7 представлены данные о наиболее частых и наиболее редких способах регуляции состояния.

Представленные в таблице 6 факты заставляют предположить, что, несмотря на общие особенности приоритетов в выборе способов и приемов саморегуляции ФС на рабочем месте, есть отличия в типе способов саморегуляции, которые используются реже всего. В частности, по данным обследования 2003 г. почти никто не прибегает к компьютерным технологиям для оптимизации текущего состояния.

Дальнейший статистический анализ позволил выявить и другие отличия в

предпочитаемых способах оптимизации состояния на рабочем месте (см. таблицу 8). В таблице 8 способы оптимизации ФС, отличающиеся по частоте предпочтений у сотрудников двух обследованных организаций, сгруппированы по содержательным признакам (использование информационных технологий; способы саморегуляции «наедине с собой», социальные коммуникации). Важно, что сотрудники второй обследованной организации все указанные способы используют чаще.

Дать однозначную интерпретацию полученным сведениям достаточно сложно. Все же можно объяснить различия в обращениях к информационным и компью-

Таблица 7. Наиболее и наименее часто используемые средства оптимизации ФС во время работы в двух обследованных организациях

НАИБОЛЕЕ часто используемые средства оптимизации состояния во время работы	НАИМЕНЕЕ часто используемые средства оптимизации состояния во время работы
<i>Организация 1 (данные обследования 2003 г.)</i>	
Делаю небольшие перерывы, чтобы выпить чашечку чаю/кофе (n = 60, 96,8%)	Использую возможности Интернета (n = 0)
Разговариваю с коллегами, обмениваюсь с ними шутками, обсуждаю с ними что-либо и др. (n = 58; 93,5%)	Пишу письма друзьям по электронной почте (n = 2; 3,2%)
Не отрываясь от работы, съедаю что-нибудь приятное (конфетку, печенье и т. д.) (n = 42; 67,7%)	Использую небольшие паузы в работе, чтобы поиграть на компьютере (n = 2; 3,2%)
<i>Организация 2 (данные обследования 2008 г.)</i>	
Разговариваю с коллегами, обмениваюсь с ними шутками, обсуждаю с ними что-либо и др. (n = 38; 100%)	Читаю молитвы (n = 5; 13,2%)
Делаю небольшие перерывы, чтобы выпить чашечку чаю/кофе (n = 37; 97,4%)	Принимаю алкогольные напитки (n = 6; 15,8%)
Слушаю радио, слушаю музыку (n = 28; 73,7%)	Делаю упражнения дыхательной гимнастики (n = 7; 18,4%)
<i>Пояснения к таблице: в скобках показано количество человек, использующих тот или иной способ отдыха и доля в% от общего числа обследованных.</i>	

терным технологиям (см. рис. 5). Скорее всего, данные факты связаны с существенными отличиями в возможностях большинства сотрудников использовать компьютер не только как рабочее оборудование, но и как средство саморегуляции состояния. За последние годы компьютер становится привычным объектом не только в профессиональной сфере, но и в жизни в целом. Развитие и широкое внедрение информационных и компьютерных технологий в рабочий процесс и привычное восприятие компьютера как многофункционального средства способствует его использованию для отдыха, восстановления сил и подъема настроения.

В целом, система наиболее часто применяемых средств саморегуляции и оптимизации ФС у сотрудников двух

обследованных организаций достаточно похожа. Представляет интерес вопрос о том, различаются ли сотрудники с неодинаковым восприятием степени стрессогенности своего труда и типичных рабочих ситуаций. Для выявления фактологических данных первичные материалы по всей выборке обследованных были обработаны для выявления подгрупп с разным уровнем чувствительности к профессиональным и организационным стресс-факторам (проведена кластеризация по совокупности показателей самооценки факторов трудового стресса). Результаты отражены на рис. 6.

Дальнейший статистический анализ способов саморегуляции ФС показал, что в выделенных кластерных подгруппах есть различия в частоте обра-

Таблица 8. Дескриптивная статистика и результаты статистического сравнения показателей частоты использования способов оптимизации состояния на рабочем месте в разных обследованных организациях

№*	Показатели (способы оптимизации состояния)	Среднее значение (стандартное отклонение)		Значимые различия: Z-критерий (уровень значимости)
		Организация 1 (n = 62)	Организация 2 (n = 38)	
<i>Использование компьютерных и информационных технологий</i>				
20	Наведение порядка в компьютерных файлах (без особой необходимости)	1,29 (0,6)	2,00 (0,7)	-5,495 (p < 0,000)
23	SMS и электронные письма друзьям	1,06 (0,4)	1,47 (0,6)	-4,800 (p < 0,000)
21	Сосредоточение внимания на компьютерных заставках	1,32 (0,6)	1,68 (0,5)	-3,711 (p < 0,000)
29	Использование возможностей Интернета	1,00 (0)	1,26 (0,6)	-3,485 (p < 0,000)
8	Игра на компьютере	1,03 (0,2)	1,29 (0,5)	-3,442 (p = 0,001)
<i>Способы оптимизации «без обращения к коллегам»</i>				
37	Ругань «про себя»	1,47 (0,5)	2,18 (0,8)	-4,511 (p < 0,000)
15	Прослушивание музыки	1,53 (0,9)	2,45 (1,1)	-4,261 (p < 0,000)
4	Последовательность действий как ритуал	1,18 (0,4)	1,71 (0,8)	-3,893 (p < 0,000)
17	Наблюдение через окно за происходящим на улице	1,65 (0,8)	2,08 (0,7)	-3,419 (p = 0,001)
24	Микроперерывы для того, чтобы побыть наедине с собой	1,26 (0,5)	1,61 (0,6)	-3,118 (p = 0,002)
36	Приведение в порядок внешнего вида	1,74 (0,8)	1,95 (0,5)	-2,270 (p = 0,023)
12	Психологические приемы саморегуляции/релаксации	1,10 (0,3)	1,29 (0,5)	-2,223 (p = 0,026)
27	Хожение взад-вперед	1,21 (0,4)	1,42 (0,6)	-2,046 (p = 0,041)
30	Перестановка предметов на рабочем столе	1,37 (0,6)	1,58 (0,6)	-2,075 (p = 0,038)
31	Мысленное представление себя в приятном для отдыха месте	1,60 (0,8)	1,79 (0,6)	-2,002 (p = 0,045)

Продолжение таблицы 8.

Социальные коммуникации				
10	Разговор на повышенных тонах	1,34 (0,6)	1,63 (0,5)	-2,883 ($p = 0,004$)
38	Поход «за компанию» в буфет	1,23 (0,5)	1,47 (0,6)	-2,420 ($p = 0,016$)

Пояснения к таблице: *В данном столбце указаны порядковые номера способов оптимизации ФС в анкете, предложенной обследуемым для заполнения.

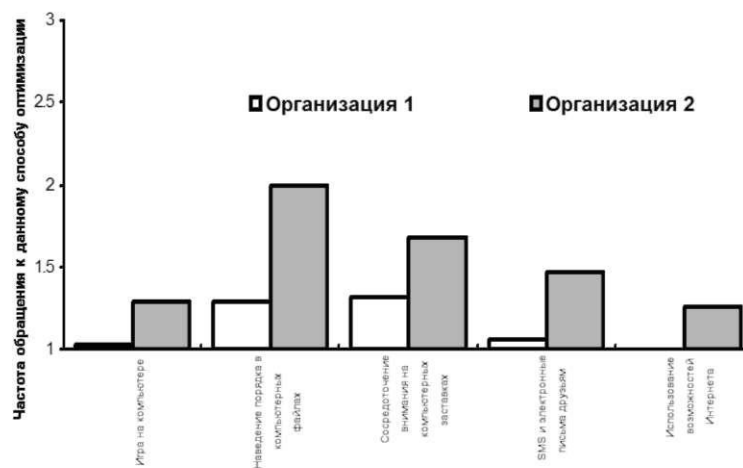

Рис 5. Частота использования компьютерных и информационных технологий в двух обследованных организациях

щения к некоторым приемам и средствам (см. таблицу 9, рис. 7 и 8).

Как видно из рисунка 6, сотрудники с разным уровнем чувствительности к стрессу по-разному организуют и используют рабочие микроперерывы. Пе-

рерывы для смены вида умственных задач более характерны для обследуемых с большей чувствительностью к стрессогенным факторам; перерывы для физической разминки чаще используются сотрудниками, которые рассматривают

Рис. 6. Профили трудового стресса в подгруппах сотрудников с высоким (n = 32) и низким (n = 72) общим уровнем чувствительности к стрессогенным факторам

Таблица 9. Дескриптивная статистика и результаты статистического сравнения показателей частоты использования способов оптимизации состояния на рабочем месте в подгруппах обследованных с высоким и низким уровнем чувствительности к стрессогенным факторам

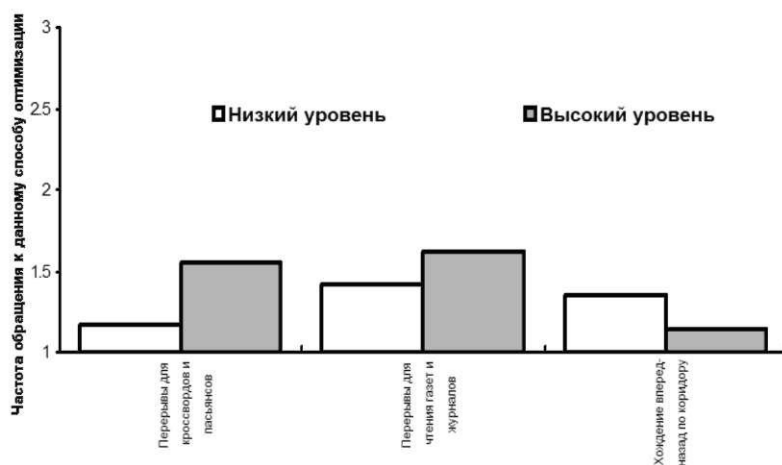
№ *	Показатели (способы оптимизации состояния)	Среднее значение (стандартное отклонение)		Значимые различия: Z-критерий (уровень значимости)
		Высокий уровень (n = 29)	Низкий уровень (n = 71)	
<i>Микроперерывы в рабочем процессе</i>				
33	Перерывы для разгадывания кроссвордов, раскладки пасьянсов и др.	1,55 (0,7)	1,17 (0,5)	-3,584 (p < 0,000)
27	Хождение взад-вперед	1,14 (0,4)	1,35 (0,5)	-2,028 (p = 0,043)
22	Небольшие перерывы, для чтения (газет, журналов и др.)	1,62 (0,7)	1,42 (0,7)	-1,713 (p = 0,087)
<i>Успокаивающие и расслабляющие препараты и напитки</i>				
9	Применение легких успокаивающих средств (настои трав, таблетки, и др.)	1,14 (0,4)	1,35 (0,6)	-1,681 (p = 0,093)
32	Алкогольные напитки	1,34 (0,5)	1,21 (0,5)	-1,681 (p = 0,093)
<i>Волевая регуляция</i>				
28	Волевое усилие для продолжения работы	2,21 (0,9)	1,86 (0,8)	-1,793 (p = 0,073)
<p><i>Пояснения к таблице: * В данном столбце указаны порядковые номера способов оптимизации ФС в анкете, предложенной обследуемым для заполнения; серым цветом выделены показатели более частого использования к тому или иному способу оптимизации состояния.</i></p>				

свою работу как менее насыщенную стресс-факторами.

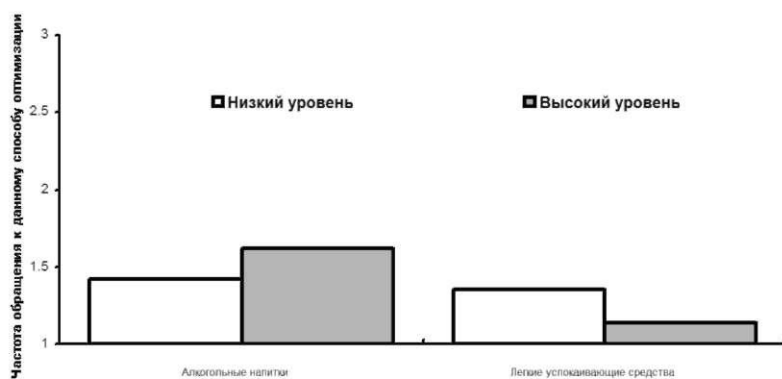
Кроме того, обследованные с высокой чувствительностью к стрессу более склонны к использованию алкогольных напитков, в то время как в другой подгруппе в качестве успокаивающих и расслабляющих средств предпочтение отдается легким лекарственным препаратам (см.

рис. 8). Волевая регуляция в трудовой деятельности более характерна для тех сотрудников, которые воспринимают свою профессиональную деятельность как более насыщенную стресс-факторами.

В целом, собранные в результате исследования факты о типичных способах оптимизации ФС позволяют сделать следующее заключение: система средств

Рис. 7. Частота использования перерывов разного назначения в двух подгруппах обследованных с высоким и низким уровнем чувствительности к стресс-факторам

Рис. 8. Частота использования успокаивающих и расслабляющих препаратов и напитков в двух подгруппах обследованных с высоким и низким уровнем чувствительности к стресс-факторам

саморегуляции состояния базируется, в основном, на социальных контактах с коллегами. Большинство сотрудников снимает рабочее напряжение и улучшает настроение разговорами и шутками. Данная закономерность универсальна вне зависимости от того, насколько стрессогенной считают сотрудники свою работу. Гораздо меньшее число обследованных использует микроперерывы

использует микроперерывы в работе для активизации внутренних психологических средств оптимизации состояния (такие, как способы психологической саморегуляции на основе приемов релаксации и мобилизации). Интересно, что обнаружена связь способов заполнения микроперерывов, которые сотрудники проводят «наедине с собой»,

со степенью чувствительности к стресс-факторам в труде: более чувствительные к стрессу сотрудники предпочитают заполнять такие перерывы отвлекающей от основной работы умственной активностью (разгадыванием кроссвордов и чтением журналов); сотрудники с меньшей степенью чувствительности к стрессу выбирают активные формы проведения перерывов.

Безусловно, последующий анализ спонтанных приемов и способов отдыха и восстановления требует более углубленного исследования особенностей организации отдыха и активизации саморегуляции в разных производственных ситуациях в условиях варьирования степени рабочей нагрузки. Вместе с тем, опираясь на данные о характере негативных изменений ФС в процессе работы, можно сделать предварительный вывод о том, что эффективность спонтанно сложившихся в процессе накопления индивидуального опыта и часто применяемых средств достаточно низка.

Выводы и заключение

Результаты проведенного исследования можно обобщить в следующих основных выводах:

1. Основными причинами негативной динамики состояния (в частности, риска развития стрессовых состояний) сотрудники обследованных налоговых инспекций считают следующие профессиональные и организационные факторы: высокую ответственность за результаты труда; большую информационную нагрузку, в том числе, по освоению новых компьютерных программ; помехи и прерывания в работе; сбои в работе оборудования и компьютерной техники;

жесткие сроки выполнения работы; несправедливость в оплате труда или распределении материального поощрения; недостаточную поддержку со стороны руководства.

2. В среднем сотрудники оценивают свое состояние как достаточно благоприятное в начале рабочего дня (в неприятные дни относительно ненапряженного периода работы). К концу рабочего дня нарастают симптомы накопления зрительного и позитонического утомления и изменения позитивной окраски ФС, однако признаки выраженного неблагоприятного ФС не обнаружены.

3. Выявлен феномен «тревожного ожидания» визитов налогоплательщиков, который проявляется в росте ситуативной тревожности в конце рабочих дней, предшествующих «приемным» рабочим дням.

4. Основные способы отдыха и восстановления являются типичными для многих организаций и связаны с задействованием позитивных социальных контактов и традиционными перерывами для совместных чаепитий.

5. Данные спонтанные способы оптимизации ФС нельзя считать эффективными для профилактики роста беспокойства и тревожности.

На наш взгляд, целесообразно говорить об актуальности подготовки и внедрения специальных программ обучения новым приемам саморегуляции и самоуправления ФС, ориентированным на особенности содержания и условия труда налоговых служащих. Как известно, актуальность внедрения программ обучения новым приемам саморегуляции ФС определяется [5; 10; 11]: 1) наличием выраженной негативной динамики ФС в течение рабочих периодов; 2) потреб-

ностью в оптимизации ФС; 3) способностью эффективно оптимизировать свое ФС при помощи спонтанно сложившихся приемов саморегуляции. Полученные в настоящем исследовании результаты показывают, что по данным трем признакам есть основания рекомендовать внедрение специальных тренинговых программ для обучения средствам, хорошо зарекомендовавшим себя в течение многих лет использования в различных организациях — программ обучения психологической саморегуляции (ПСР) [1; 11]. Современные варианты разработки программ обучения ПСР предполагают учет профессиональной и индивидуальной специфики занимающихся [2], поэтому являются гибким и эффективным инструментом формирования навыка адекватной оценки и самоуправления ФС.

Литература

1. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Институт психологии РАН, 2003.
2. Кузнецова А. С. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека: ресурсы профессионального развития // (ред.). Психология психических состояний / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. Вып. 5. С. 329-358.
3. Кузнецова А. С., Теленова О. Ю. Функциональное состояние налоговых служащих: особенности развития и способы оптимизации // Сборник научных статей профессорско-преподавательского состава, аспирантов и соискателей Всероссийской государственной академии Минфина России. М.: ВГНА МФ России, 2005. Вып. 4. С. 147-153.
4. Леонова А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2000, № 3. С. 4-21.
5. Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояния человека. М.: Изд-во МГУ, 1984.
6. Леонова А. Б. Психологическая саморегуляция и профилактика неблагоприятных функциональных состояний // Психологический журнал. 1988. Т. 10. № 3. С. 43-52.
7. Леонова А. Б. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 1. С. 87-104.
8. Леонова А. Б., Величковская С. Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // Прохоров А. О. (ред.). Психология психических состояний. Сборник статей. Казань: Центр инновационных технологий, 2002. Вып. 4. С. 326-343.
9. Леонова А. Б., Капица М. С. Методы субъективной оценки функционального состояния человека // Практикум по инженерной психологии и эргономике / Под ред. Ю. К. Стрелкова. М.: Академия, 2003. С. 136-166.
10. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психопрофилактика стрессов. М.: Изд-во МГУ, 1993.
11. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007.
12. Леонова А. Б., Медведев В. И. Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1981.
13. Леонова А. Б., Мотовилина И. А. Профессиональный стресс в условиях организационных изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 79-92.
14. Прохоров А. О. Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс+, 2002.
15. Теленова О. Ю. Динамика функционального состояния в процессе реализации трудовой деятельности у налоговых служащих. Дипломная работа. М.: ВГНА, 2003.
16. Филина Н. М. Способы и средства психопрофилактики профессионального выгорания у работников налоговой службы. Дипломная работа. М.: Институт психоанализа, 2009.
17. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Л., ЛНИИФК, 1976. 18 с.

Исследовательская компетентность в структуре профессиональной деятельности федеральных судей

Е. А. Аграрова

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессиональной компетентности судей, в частности, исследовательской компетентности.

Ключевые слова: исследовательская компетентность, профессиональная компетентность, креативность.

Annotation: the problem of judges' professional competence, and their research competence in particular, is treated in the article

Keywords: research competence, professional competence, creativity.

Выделяются и исследуются следующие составляющие исследовательской компетентности федерального судьи: система знаний об исследовательской деятельности (когнитивный компонент); овладение исследовательскими стратегиями (поведенческий компонент); усвоение опыта творческой исследовательской деятельности (креативный компонент); формирование ценностно-эмоциональных отношений в процессе исследовательской деятельности (эмоционально-волевой компонент).

В отечественной науке в настоящее время можно выделить три основных подхода к исследованию феномена компетентности.

С точки зрения деятельностного подхода компетентность включает знания, умения, навыки, а также способы выполнения деятельности на высоком уровне квалификации в соответствии с конкретными условиями, в интересах удовлетворения определенных потребнос-

тей (Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская и др.). Так, А. М. Омаров определяет компетентность как «доскональное знание своего дела, существа выполняемой работы, сложных связей явлений и процессов, возможных способов и средств достижения намеченных целей».

С точки зрения личностно-деятельностного подхода компетентность может быть описана через соотношение состояния личностной сферы человека и определена как интегративное качество личности, опосредующее деятельность и направленное на повышение ее эффективности (А. Г. Асмолов, В. А. Ганзен, Г. А. Ковалев, А. К. Маркова и др.). Например, А. К. Маркова рассматривает компетентность как сочетание психических качеств, как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции [3].

Акмеологический подход позволяет интегрировать принципы и деятельностного, и личностно-деятельностного подхода, поэтому в акмеологических исследованиях компетентность рассматривается как элемент более сложных систем и анализируется с учетом тех закономерностей, условий и факторов, которые обеспечивают высший уровень в какой-либо области деятельности зрелых людей.

Так, А. К. Маркова трактует компетентность как одну из сторон профессионализма, отражающую степень соответствия человека требованиям профессии.

Компетентность, по мнению автора, включает обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо, высказывать веское авторитетное мнение, как сочетание психических качеств, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, как способность выполнять определенные трудовые функции [3].

А. П. Назаретян и И. Н. Дроздов, обобщая разные подходы к понятию «компетентность», включают в нее ряд признаков: обладание специфическими способностями, включающими в себя личностные психологические черты и характеристики поведения, значимые (важные) для данной деятельности; способность получать высокие результаты в определенной деятельности; наличие не только знаний, но и умений применять эти знания на практике; повышаемость компетентности в процессе обучения и практики; многокомпонентность психологической компетентности, что обуславливает наивысшую успешность в той или иной профессиональной области.

А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин анализируют компетентность как один из факторов, влияющих на продуктивность деятельности [2]. Компетентность, по мнению авторов, связана с имеющимися профессиональными знаниями, с профессиональной эрудицией.

И. Е. Елина (1999) понимает компетентность как совокупность системы знаний, умений, навыков, которая способствует поиску продуктивного алгоритма профессиональной деятельности.

В любом случае, рассматривая компетентность как фактор эффективности профессиональной деятельности или как характеристику профессионализма, исследователи говорят о ней как о компетентности *профессиональной*.

В настоящее время в акмеологических исследованиях формируется новый взгляд на профессиональную компетентность, которая начинает восприниматься не только как когнитивный компонент профессионализма, то есть не только как его знаниевая составляющая. Профессиональную компетентность акмеологи определяют в настоящее время через понятия «способность», «готовность», «личностное качество». Тем самым в содержание профессиональной компетентности включаются не только знания, но и умения, навыки, личностные профессионально значимые качества. При этом, как показывают последние акмеологические исследования, знания, умения, навыки и личностные качества, включающиеся в содержание профессиональной компетентности, преобразуются в так называемые компетенции.

Профессиональная компетентность включает в себя ключевые, базовые и специальные компетенции [1].

Ключевые компетенции необходимы для любой профессиональной деятельности, они связаны с успехом личности в быстро меняющемся мире. Сегодня ключевые компетентности приобретают особую значимость. Они проявляются, прежде всего, в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, в социально-правовых основах поведения личности в гражданском обществе.

Базовые компетенции отражают специфику определенной профессиональной деятельности (педагогической, медицинской, инженерной и т. д.). Для профессиональной деятельности судей базовыми считаются компетенции, необходимые для «построения» профес-

сиональной деятельности в контексте требований к системе судебной деятельности на определенном этапе развития общества.

Специальные компетенции отражают специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности. Специальные компетентности можно рассматривать как реализацию ключевых и базовых в конкретной области профессиональной деятельности (1).

С этой точки зрения рассмотрим исследовательскую компетентность как одну из базовых компетенций как федерального судьи. Выделяются следующие составляющие исследовательской компетентности федерального судьи:

- система знаний об исследовательской деятельности (когнитивный компонент);
- овладение исследовательскими стратегиями (поведенческий компонент);
- усвоение опыта творческой исследовательской деятельности (креативный компонент);
- формирование ценностно-эмоциональных отношений в процессе исследовательской деятельности (эмоционально-волевой компонент).

Достижение конечного результата — определенного уровня сформированности исследовательской компетенции — возможно при формировании ее компонентов в следующей последовательности:

- мотивационно-ценностное и эмоционально-оценочное отношение специалиста к исследовательской деятельности;
- теоретическая готовность юриста к исследовательской деятельности;

- технологическая готовность юриста к исследовательской деятельности;
- результативная готовность юриста к исследовательской деятельности.

Остановимся на основных компонентах исследовательской компетенции подробнее. Мотивационная готовность выступает в форме психического, активно действующего состояния личности и как сложное качество, своего рода система интегративных свойств личности.

В логике профессионального творчества особое значение следует придавать следующим качествам личности юриста-исследователя: научное юридическое мышление; способность к формулированию идей и концепций; высокий уровень профессионального мастерства; определенная профессиональная смелость, решительность, способность к риску; борьба с трафаретами, штампами; развитое профессиональное чутье, основанное на юридическом и психологическом видении проблемы; потребность в профессиональном самовоспитании, критическом анализе и разумном использовании нового опыта, применении научных разработок в своей деятельности.

Теоретическая готовность судей к исследовательской деятельности предполагает знание методологии научного исследования, классификации исследовательских умений и навыков, основных форм и методов формирования исследовательской компетенции, а также использование современного справочно-библиографического аппарата, компьютерной базы данных.

Технологическую готовность судей к исследовательской деятельности составляют стратегии (умения) исследовательской деятельности, так именно они являются объектами целенаправ-

ленного развития в процессе формирования исследовательской компетенции. Исследовательские стратегии включают в себя: информационные, аналитические, стратегии информационного сотрудничества, поиск опор, стратегии организации и проведения профессионального исследования, ресурсные стратегии.

Результативная готовность судей как компонент исследовательской компетенции включает в себя осознание роли исследовательской деятельности в профессиональном процессе; контроль и регулирование выполняемой исследовательской работы; анализ и самоанализ хода исследовательской работы; оценивание промежуточных и конечных результатов исследовательской работы; выступление с результатами исследования; рефлексивную оценку результатов своего исследования.

Анализ проблемы позволили выделить *пять групп исследовательских умений* в профессиональной деятельности федеральных судей:

- умения организовать свою работу (организационные);
- умения и знания, связанные с осуществлением исследования (поисковые);
- умения работать с информацией, текстом (информационные);
- умения оформить и представить результат своей работы;
- умения, связанные с анализом своей деятельности и с оценочной деятельностью (оценочные).

Исследовательские умения определяются как интеллектуальные и практические умения, связанные с самостоятельным выбором и применением приемов и методов исследования на доступном материале и соответствующие

этапам профессионального исследования.

Оценить сформированность исследовательских умений федеральных судей позволяют выявленные нами на основании анализа соответствующей литературы (А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин, А. В. Кириченко, В. М. Поздняков) критерии [2]:

1. Практическая готовность к осуществлению исследовательской деятельности проявляется в том, что специалист самостоятельно выбирает значимую тему исследования, намечает шаги работы по данной теме, применяет разные методы исследования (работа с литературными источниками, наблюдение и т. д.), оформляет и представляет результат (продукт) своей работы.

2. Мотивированность исследовательской деятельности рассматривается нами как стремление узнавать новое, совершать определенные действия для поиска интересующих знаний, участвовать в исследовании. Критерий просматривается в динамике мотивов, связанных с ведением исследовательской деятельности: от узких социальных мотивов (добиться результата) к широким познавательным (желание найти новое знание, научиться способам нахождения информации).

3. Проявление креативности в исследовательской деятельности учитывалось в подходах к выбору темы, определению задач исследования, в продуктивности при нахождении решений проблем; по оригинальности подходов к выбору путей исследования, созданию нового продукта, оформлению и представлению результатов, умению с разных сторон и позиций видеть исследуемый предмет.

На основании выделенных критериев возможно определение уровня развития исследовательской компетентности федеральных судей.

Исходный уровень можно определить как уже имеющийся, сформировавшийся на основе спонтанного исследовательского опыта, аналитических умений, полученных ранее. Исходному уровню можно дать следующую характеристику: низкий уровень проявления интереса к ведению исследовательской работы, отсутствие знаний об исследовательской деятельности, умений исследовательской деятельности. Возможна реализация исследовательских действий по аналогии. Специалист редко проявляет инициативу и оригинальный подход в профессиональном исследовании, не высказывает идеи, предложений, предположений по работе.

Начальный уровень характеризуется появлением внешних мотивов к ведению исследования, возможностью находить проблему и предлагать различные варианты ее решения. Наблюдается владение основами знаний по организации своей исследовательской работы, некоторыми простыми исследовательскими умениями. Проявление креативности можно расценивать как невысокое.

Продуктивный уровень обладает следующими характеристиками: устойчивые внутренние и внешние мотивы к ведению исследовательской работы, есть желание вести самостоятельно (индивидуально или с группой) исследование. Специалист имеет определенные знания об исследовательской деятельности, владеет многими умениями осуществления профессионального

исследования (может определить тему, цель и задачи исследования, работать с источниками информации); демонстрирует возможность оригинального подхода к решению проблемы, представлению результата своей деятельности.

Креативный уровень можно определить следующим образом: проявляется постоянный интерес к ведению различного рода исследований, возможность самостоятельно и творчески подходить к выбору ракурса исследования, умение ставить цель, задачи, продуктивно находить способы решения поставленных задач; высокая доля самостоятельности в реализации работы на всех этапах исследования; умение оригинально представить результат деятельности.

Литература

1. Акмеологическая оценка профессиональной компетентности государственных служащих: Учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Под общ. ред. А. А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2008.
2. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Психологические факторы эффективности профессиональной деятельности кадров госслужбы//Психология профессиональной деятельности кадров государственной службы. М. 1996. С.20-38.
3. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.
4. Назаретян А. П., Дроздов И. Н. Компетентность руководителя как условие оптимизации управления кадрами//Материалы межфедеральной научно-практической конференции. М., 1998. С.32-34.

Формы воспитательно-профилактической работы по формированию правосознания несовершеннолетних

О. Э. Схопчик

Аннотация: в статье представлены формы воспитательно-профилактической работы инспекций по делам несовершеннолетних по формированию правосознания подростков и предупреждению их противоправного поведения. К таким формам относятся: факультативы и кружки правовых знаний, дискуссионные клубы, тренинги умений, военно-патриотические лагеря. Рассматривается содержание и особенности проведения каждой из указанных форм.

Ключевые слова: формы воспитательно-профилактической работы, правосознание личности, нравственно-правовое просвещение, факультативы и кружки правовых знаний, дискуссионные клубы, тренинги умений, военно-патриотические лагеря.

Annotation: the article presents basic forms of educational and preventive work of the juvenile inspection focused on formation of legal consciousness of the juvenile and prevention of their delinquent behaviour. These forms are: open classes and legal knowledge groups, discussion clubs, skills trainings, military and patriotic camps. The article covers contents and peculiarities of realisation for each of the abovementioned forms.

Keywords: forms of educational and preventive work, legal consciousness of personality, moral and legal education, open classes and legal knowledge groups, discussion clubs, skills trainings, military and patriotic camps.

Воспитательно-профилактическая работа, предусматривающая формирование правосознания подростков и предупреждение их противоправного поведения, должна реализовываться через соответствующие формы. На основании Инструкции по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, к основным формам работы сотрудников с подростками целесообразно отнести следующие [5]:

1. Факультативы и кружки правовых знаний.
2. Дискуссионные клубы.
3. Тренинги умений.
4. Военно-патриотические лагеря.

Проведение групповых форм работы должно предусматривать формирование групп из числа законопослушных подростков и несовершеннолетних с правонарушающим поведением. Это обусловлено тем, что, во-первых, по мнению самих сотрудников инспекций, не следует собирать вместе подростков с нарушениями поведения, так как это способствует их сплочению, отрицательному взаимовлиянию. Во-вторых, включение таких лиц в нравственно здоровые группы законопослушных подростков способствует расширению их взглядов, представлений, создает условия позитивного влияния на личность несовершеннолетнего правонарушителя.

В данной статье рассматриваются все вышеперечисленные формы, за исключением индивидуальных бесед.

1. Факультативы и кружки правовых знаний.

Посредством их проведения решаются задачи нравственно-правового просвещения подростков, которое нацелено на предотвращение и преодоление дефектов их правосознания. В результате такого просвещения у несовершеннолетних складывается система знаний о праве и законе, их роли и назначении в жизнедеятельности общества, основах административного и уголовного права, сущности и содержании юридической ответственности, обстоятельствах, отягчающих вину человека, совершившего противоправное деяние. Формируются взгляды и представления о различных явлениях социально-правовой действительности.

Целесообразно, чтобы программа проведения факультативов и кружков правовых знаний охватывала 1–11 классы, носила системный и обязательный характер и реализовывалась в средних и профессионально-технических учебных заведениях. Уже в начальных классах детей необходимо знакомить с основными задачами правоохранительных органов, правами и обязанностями гражданина, мерами, обеспечивающими личную безопасность, с предназначением закона. Преподносимый материал необходимо подбирать таким образом, чтобы он соответствовал возрастным особенностям учащихся. Разумно использовать игровые формы проведения, видеосюжеты.

Темы правового просвещения могут быть следующими:

- **Право и закон.** Основы государственно-правового устройства Республики Беларусь. Конституция Республики Беларусь.

- **Права, свободы и законные интересы человека.** Понятие и содержание основных прав, свобод и законных интересов человека, правовые гарантии их обеспечения. Права ребенка. Общие и государственные интересы. Ответственность за нарушение личных прав, общественных и государственных интересов.

- **Понятие и содержание юридической ответственности.** Юридическая ответственность лиц, не достигших 18-летнего возраста.

- **Административные правонарушения и административная ответственность.** Понятие и характеристика административного правонарушения. Понятие и условия наступления административной ответственности. Понятие и виды административных взысканий.

- **Уголовные преступления и уголовная ответственность.** Понятие и характеристика уголовного преступления. Понятие и условия наступления уголовной ответственности. Виды уголовного наказания.

- **Обстоятельства, отягчающие вину субъекта противоправного поведения.** Совершение противоправных деяний группой лиц. Совершение противоправных действий в отношении несовершеннолетнего и малолетнего. Совершение противоправного деяния лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

- **Правовое регулирование труда несовершеннолетних.**

Успешная целенаправленная деятельность по формированию правосознания невозможна без развития *нравственного сознания индивида*. Основные нравственные нормы и об-

щечеловеческие ценности нашли отражение и закрепление в нормах права. Соблюдение индивидом закона должно основываться не столько на страхе наказания, сколько на внутреннем понимании и принятии личностью (наделение их положительным личностным смыслом, значимостью) норм морали и права, основных нравственных ценностей, таких, как человек, его жизнь, здоровье, достоинство, честь, свобода, ответственность, собственность и т. д. Актуальным является воспитание уважительного и толерантного отношения к людям другой национальности, иным взглядам, ценностям, культуре. Принимая это во внимание, работа по формированию правосознания несовершеннолетних должна проводиться в неразрывном единстве с развитием их нравственного сознания.

Нравственное просвещение направлено на формирование нравственных ценностей, развитие моральных чувств, мировоззрения, самосознания, толерантного отношения подростков к культурному самовыражению различных народов и может предусматривать изучение следующих тем:

- **Мораль, ее роль в жизни человека и общества.** Основные нравственные принципы, лежащие в основе взаимоотношения людей. Нормы морали как отображение жизненного и исторического опыта людей.

- **Нравственные качества человека, пользующегося истинным авторитетом.** Понятие авторитета истинного и ложного. За какие дела, поступки, личностные качества уважают человека. Нравственные качества сильного человека: справедливость, уважение достоинства другого человека, доброта, забо-

та о близких, ответственность за свои поступки, моральная стойкость и др.

- **Основные моральные ценности.** Содержание и значение основных нравственных ценностей: человек, жизнь, здоровье, достоинство, честь, свобода, ответственность, собственность. Нравственная ценность настоящей дружбы. Дружбы и приятели. Личностные качества настоящего друга. Взаимопомощь и взаимоподдержка в дружбе. Всегда ли друг должен поддерживать друга. Дружба и ответственность за друга и перед другом. Друг должен предостеречь. Любовь — как высшая нравственная ценность. В чем выражается любовь? Непременное проявление заботы, уважения, ответственности и бескорыстия в любви.

- **Свобода и ответственность.** Понятие «свободы» и ее границы. Свобода как возможность осознанного принятия решений и способность отвечать за их последствия. Свобода и закон. Жизненные проблемы и выбор способов их разрешения. Преступление как видимый выход из сложившейся ситуации, как следствие безответственности, отсутствия моральных принципов и неспособности себя контролировать. Неотвратимость наказания за совершенное преступление.

- **Культурное своеобразие различных народов и этнических групп.** Право каждого народа на самовыражение, на свою историю, обычаи, традиции, вероисповедание, мировоззрение. Культура межнационального общения. Понимание необходимости проявления толерантного отношения к людям иной национальности. Экстремизм — как проявление нетерпимости, эгоизма и одномерности мышления.

• **Миф и правда об алкоголе и наркотиках.** Отрицательное влияние алкоголя и наркотических веществ на организм человека. Нравственная деградация личности с алкогольной и наркотической зависимостью. Взаимосвязь алкогольного опьянения и совершения правонарушений.

• **Ложная романтика преступного образа жизни.** Лжеценности преступной жизни, их противоречие общечеловеческим ценностям. Нравственное содержание чести и достоинства человека.

• **Места лишения свободы, их негативное влияние на человека и его жизнь.**

2. Дискуссионные клубы.

В процессе *дискуссии* происходит особым образом организованное общение, в котором участники поощряют внимательно слушать друг друга, понимать и принимать иное видение мира. Они дают участникам возможность самораскрытия, что позитивно влияет на их установки, помогают изменить характер отношения к другим людям. Такое общение способствует возникновению эмпатии к людям и помогает видеть в каждом человеке уникальную, неповторимую личность. [7]. В результате групповых дискуссий ее участники приобретают умения самоанализа, понимания себя и других, что особенно важно для подростков, имеющих нарушения в поведении.

В целях формирования правосознания несовершеннолетних мы предлагаем проведение групповых дискуссий следующей тематики:

• Образование и труд—основа самореализации личности, как законные и эффективные источники жизненных

благ. Образованность—одна из важнейших составляющих конкурентоспособности личности.

• Стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Конфликт как столкновение интересов, взглядов, целей сторон. Причины возникновения конфликтов. Достойные и правомерные выходы из конфликтных ситуаций.

• Настоящее и будущее человека, совершившего преступление. Содержание жизни такого человека. Наличие в ней интереса. Круг общения. Отрицательное отношение других людей. Отсутствие возможностей устройства на престижную работу, создать благополучную семью.

• Возможности и перспективы законопослушного образа жизни. Добропорядочное поведение—залог уважительного отношения людей и самоуважения.

• Последствия преступного деяния. Различные негативные последствия противоправного деяния, их влияние на человека, совершившего преступление, и иных лиц (его родителей, близких людей, потерпевших и их близких), его жизнь, будущее.

• Потребности и способы их удовлетворения. Потребности реальные и невысшие. Потребности аморальные. Что делать, если какую-либо потребность удовлетворить пока невозможно. Законные способы удовлетворения потребностей.

• Отдых и развлечения без опасных последствий. Хобби и увлечения как возможности содержательного проведения свободного времени. Виртуальные игры и их опасность для человека. Виртуальное и реальное общение: плюсы и минусы. Индивидуальность и мас-

совость. Избирательность в просмотре телепередач и кинофильмов. Возможные отрицательные последствия развлечений.

3. Психологический тренинг определяют как форму активного обучения, позволяющую человеку самому у себя формировать навыки и умения строить межличностные отношения, продуктивную учебную и иную деятельность, анализировать ситуации со своей точки зрения и с точки зрения другого человека, развивать в себе способности познания и понимания себя и других [1]. Целью любого тренинга выступает развитие психологических характеристик личности и группы, которые повышают эффективность решения ими жизненных задач [6]. В результате психологического тренинга участники обучаются приемам, которые позволяют им активно овладевать своим поведением, перестраивать непродуктивные структуры деятельности, что способствует развитию регуляции поведения на более высоком уровне [4].

В процессе тренинга происходят следующие изменения:

- развиваются коммуникативные способности, гуманистическая установка в отношении других;
- возрастает социально-психологическая компетентность, умение ориентироваться в социальных ситуациях, понимать других людей и выбирать адекватные формы общения с ними. Повышается эффективность саморегуляции в конкретных ситуациях [2];
- умение поставить себя на место другого человека;
- преодолеваются барьеры и защитные механизмы, способствующие иска-

женной интерпретации своего и чужого поведения;

- развиваются навыки социальной перцепции;
- развивается способность понимать и принимать поведение другого человека;
- повышение самооценки;
- развитие нестандартного мышления [4]

Основываясь на вышесказанном, проведение психологических тренингов в целях формирования правосознания несовершеннолетних должно предусматривать следующее:

- развитие Я-концепции индивида: когнитивного и эмоционального восприятия самого себя, своих возможностей. Это важно для того, чтобы у подростка возникло принятие себя как субъекта противоправного поведения и желание изменить свою правовую позицию;
- формирование устойчивости против отрицательного группового влияния, умения самоопределяться в группе и противостоять ее давлению (негативному);
- развитие способности оценивать ситуацию, в которой приходится действовать, прогнозировать возможные последствия того или иного поведения, а также личной ответственности за собственное поведение;
- обучение приемам саморегуляции и самоконтроля, в том числе в ситуациях повышенного нервно-психического напряжения (острых конфликтных ситуациях, при переживании отрицательных эмоций и чувств и т. п.);
- формирование коммуникативной компетентности;
- обучение асертивному поведению, как способности уверенно и с достоин-

твом отстаивать свои права, не попирая при этом прав других людей;

- формирование мотивов добропорядочного поведения, моделирование законопослушного образа жизни,

- формирование мотивов отказа от употребления алкогольных и наркотических веществ.

Одним из основных тренинговых методов является *игра*. Игра направлена на подготовку подростка к поведению в трудных ситуациях, на повышение его устойчивости против отрицательного влияния на него различных внешних факторов. Она выступает наиболее естественной формой взаимодействия между людьми, именно в ней личность развивается свободно и гармонично. Игра позволяет выработать адекватные способы поведения. В рамках нашей работы наибольший интерес для нас представляют *ролевые* и *операциональные* игры [7; 122]. Согласно Битяновой М. Р., ролевая игра не учит, а изменяет человека, расширяет горизонты, погружая человека в иные отношения, дает опыт их создания, выбора и построения [1]. Операциональные игры направлены на инструментальные изменения, определяющие разворачивание будущих событий через взаимодействие с другими. К таким играм относят «поступочные», заключающиеся в возможности пережить будущее событие и найти путем перебора и анализа оптимальный (приемлемый) поведенческий паттерн, который позволяет справиться с ситуацией, как в условиях игры, так и в реальных жизненных условиях [7; 123]. Таким образом, проигрывание различного рода ролевых и операциональных игр позволяет добиться переноса приобретен-

ных навыков поведения в различные жизненные ситуации.

В целях формирования правосознания такие игры могут быть направлены на:

- выработку умений принимать решения и делать выбор с учетом мнений и позиций других людей;

- овладение подростками различными правомерными способами поведения в сложных жизненных обстоятельствах: ситуациях конфликта в семье, ролевиками и т. д.; защиты себя, своего достоинства; отстаивания своего мнения; противостояния внешнему давлению; удовлетворения актуальной потребности и др.;

- формирование умений прогнозировать возможное развитие ситуации, в которой приходится действовать, предвидеть последствия своих действий.

Работа по формированию правосознания и правопослушного поведения несовершеннолетних должна предусматривать включение подростков в соответствующую специально организованную деятельность, оказывающую формирующее влияние на их сознание и поведение.

Такая деятельность может осуществляться посредством организации трудоустройства, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетних.

4. К одной из форм оздоровительного отдыха и досуга можно отнести *военно-патриотические лагеря* для подростков как с правонарушающим, так и законопослушным поведением.

Организацию таких лагерей целесообразно осуществлять с привлечением сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних и других

подразделений органов внутренних дел, психологов и педагогов образовательных учреждений. Основное внимание в функционировании лагерей должно уделяться познанию подростками основ военного дела, их правовой, физической и нравственной подготовке, воспитанию чувства патриотизма. Деятельность лагеря должна быть направлена на формирование у подростков:

- знаний в области права, этики, военного дела;
- нравственных и волевых качеств: честности, дисциплинированности, порядочности, решительности, мужества, готовности прийти на помощь и т. п.; воспитание моральных чувств: долга, ответственности за себя и товарища, патриотизма;
- умений утверждать себя в группе социально приемлемым способом, отстаивать свои права, не нарушая прав других, регулировать и контролировать свое эмоциональное состояние и поведение.

Такие цели достигаются посредством соответствующей организации жизнедеятельности подростков в лагере, через включение их в разнообразные виды деятельности, в которых реализуются свойственные этому возрасту стремление к риску, желание самоутвердиться, проверить свои возможности.

Список литературы:

1. Битянова М. Р. Система развивающей работы школьного психолога. Курс лекций. Лекция седьмая. Психологический тренинг как форма развивающей работы//Школьный психолог. 2004, № 46.
2. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. М., 1999.

3. Гуманитарное просвещение осужденных: науч.-просветительские материалы для проведения занятий в исправительных учреждениях Беларуси/Департамент исполн.наказаний МВД Респ.Беларусь; под ред. А. Н. Пастушени. Мн., 2007.

4. Зайцева Т. В. Виды и цели тренинга в современной психологии//Зайцева Т. В. Теория психологического тренинга. СПб.; М., 2002.

5. Инструкция по организации работы инспекций по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Утверждена Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь 27.10.2003 г., №242.

6. Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. М., 2004.

7. Пахальян В. Э. Групповой психологический тренинг: учебное пособие. СПб., 2006г.

8. Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения: пособие для психологов и педагогов. М., 2004.

Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России и его эффективность

Б. Г. Бовин, А. М. Раков

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы профессионально-психологического отбора в уголовно-исполнительной системе России. На основе собственных экспериментальных данных, авторы показывают необходимость переориентации психологического отбора на личностные факторы.

Ключевые слова: психологический отбор, психоэмоциональная нагрузка, модели профессионального поведения.

Abstract: this article describes how to professionally-psychological screening in the penal system of Russia. On the basis of own experimental data, the authors show the need for reorientation of the psychological screening to personal factors.

Keywords: psychological screening, psychoemotional load, the model of professional conduct.

Согласно ст. 4 Приказа Министерства юстиции о порядке применения «Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства Юстиции Российской Федерации» № 76 от 6 июня 2005 года «в процессе предварительного изучения личности кандидата выясняется состояние его здоровья, соответствие имеющегося у него образования и специальной подготовки требованиям, предъявляемым к должности, на которую он принимается, деловые, личные и нравственные качества». Установле-

ние соответствия этих качеств и свойств личности кандидата, поступающего на службу в УИС Минюста России или на учебу в образовательные учреждения системы Минюста России, нормативно одобренным требованиям является основной задачей профессионального психологического отбора. Важным является и тот факт, что отказ в приеме на службу или учебу по результатам этого отбора защищает как самого кандидата от непосильной для него психоэмоциональной нагрузки, снижая риск возникновения у него психосоматических заболеваний, так и общество от негативных последствий его профессиональной несостоятельности. Одновременно профессиональный психологический отбор обеспечивает правовую обоснованность назначения на должность наиболее подходящего кандидата, определяет качества и характеристики, проявления которых следует учитывать и контролировать в процессе профессионального становления, предотвращая тем самым профессиональную деформацию.

Статья 54.1 3 части «Европейских пенитенциарных правил» гласит: «Пенитенциарная администрация обеспечивает тщательный подбор персонала всех уровней при найме или последующем назначении на должности. Во внимание принимаются, прежде всего, честность, человечность, профессиональные и личные качества, необходимые для такого рода работы».

Профессиональный отбор в УИС представляет собой комплекс мероприятий, включающий в себя медицинское

и психофизиологическое (с использованием инструментальных методик) обследование и психодиагностическое изучение кандидатов с применением различных тестовых методов. На основе результатов формируется заключение об уровне готовности данного индивида к службе в УИС.

Список методик, применяемых на различных этапах профессионально-психологического отбора, определяется приказом Министерства Юстиции РФ № 292-дсп от 08.09.2006 года и другими нормативными актами.

Профессиональный отбор в УИС Минюста России осуществляют:

- отделы кадров (ОК) подразделений территориальных органов УИС ФСИН России, образовательных учреждений ФСИН России;

- психологическая служба (ПС) ФСИН, УФСИН и психологи подразделений территориальных органов УИС России и образовательных учреждений ФСИН России;

- ОПД ЦВВК ФСИН России и ЦПД ВВК территориальных органов ГУФСИН (УФСИН) России.

Профессионально-психологический отбор осуществляется в три этапа:

I. Предварительный этап профессионально-психологического отбора.

На предварительном этапе профессионально-психологического отбора сотрудниками кадровых аппаратов и психологами учреждений УИС ФСИН России проводится социально-правовое и психологическое изучение кандидатов на службу, на учебу и сотрудников при перемещении на другие должности. Целью данного изучения является принятие решения о направлении или не направлении на прохождение про-

цедуры профессионального отбора кандидатов.

В процессе собеседования и психологического обследования проводится предварительное изучение интеллектуальных, личностных характеристик кандидатов, а также необходимая профессиональная ориентация. На данном этапе психологи учреждений и органов УИС изучают аспекты профессиональной пригодности кандидата к службе с учетом особенностей уголовно-исполнительной системы, специфики стоящих перед подразделением задач в предстоящей деятельности.

По окончании предварительного изучения кандидата на службу, на учебу или сотрудника при перемещении отдел кадров и психолог подразделения оформляют направление на медицинское освидетельствование кандидата в военно-врачебной комиссии и психодиагностическое обследование в ЦПД, являющееся основанием для его углубленного изучения в ЦПД.

По результатам психологического изучения кандидата психолог подразделения выносит заключение с выводами «рекомендован в качестве кандидата на службу в УИС» или «не рекомендован в качестве кандидата на службу в УИС».

II. Основной этап профессионального психологического отбора.

На основном этапе профессионально-психологического отбора в ЦПД проводят экспертизу профессионально-психологической пригодности кандидата на службу, на учебу и сотрудников при перемещении на другие должности.

Основанием для обследования в ЦПД кандидатов на службу, на учебу и сотрудников при перемещении явля-

ется направление из ОК подразделений УИС на экспертизу профессионально-психологической пригодности.

По результатам экспертизы в ЦПД готовятся следующие документы:

1. Заключение для кадровых аппаратов учреждений и органов УИС, образовательных учреждений ФСИН России с выводами:

«рекомендуется в первую очередь»;

«рекомендуется» (в основном соответствует требованиям предполагаемой должности);

«условно рекомендуется» (в ЦПД по истечении испытательного срока на кандидата предоставляется служебная характеристика, заключение психолога подразделения; в случае необходимости психолог подразделения направляет кандидата на повторное тестирование);

«не рекомендуется» (не соответствует требованиям предполагаемой должности).

2. Заключение для психологов подразделений органов УИС ФСИН России, образовательных учреждений ФСИН России с результатами исследований, проведенных в ЦПД.

Заключения для психологов, оформленные по форме с результатами исследований, проведенных в ЦПД, направляются психологам подразделений с исключением возможности ознакомления с его содержанием самим кандидатом.

Содержание и выводы заключений центров психофизиологической диагностики являются конфиденциальной информацией, не подлежащей разглашению, особенно для обследуемых лиц и их близких. По факту разглашения проводится расследование.

Заключения ЦПД по результатам экспертизы профессиональной пригодности кандидатов на службу, на учебу, сотрудников при перемещении действительны в течение 6 месяцев.

III. Заключительный этап профессионального психологического отбора.

Заключительный этап профессионально-психологического отбора кандидатов на службу, сотрудников при перемещении осуществляют психологи психологической службы ФСИН (УФСИН) России, учреждений и органов УИС.

Психолог ФСИН (УФСИН) России, учреждения, органа УИС при необходимости проводит дополнительное обследование кандидата; вносит предложения руководству ФСИН (УФСИН) России, учреждения, органа УИС о целесообразности его назначения на должность в качестве стажера, о длительности испытательного срока, о мерах, направленных на социально-психологическую адаптацию.

Кандидаты в период прохождения испытательного срока находятся под наблюдением психолога подразделения. При этом непосредственный руководитель должен быть информирован психологом подразделения о позитивных и негативных личностных качествах стажера, об особенностях индивидуально-воспитательной работы с ним.

По окончании установленного испытательного срока психолог подразделения вносит предложения руководству учреждений и органов УИС о целесообразности назначения стажера на должность или перемещения сотрудника. Он же оформляет заключение на стажеров, условно рекомендованных ЦПД, которое отправляется в ЦПД вместе со служебной характеристикой. В случае

необходимости психолог подразделения направляет стажера на повторное обследование в ЦПД.

Заключение по форме приложения 6 оформляется на кандидатов на службу по окончании стажировки (прохождения испытательного срока), на учебу, сотрудников при перемещении с выводами:

«рекомендуется» (соответствует требованиям предполагаемой должности);

«не рекомендуется» (не соответствует требованиям предполагаемой должности).

После прохождения повторного обследования в ЦПД на стажера оформляются те же виды заключений, что и при первичном обследовании, но только с выводами:

«рекомендуется» (соответствует требованиям предполагаемой должности);

«не рекомендуется» (не соответствует требованиям предполагаемой должности).

Эти этапы определяют основные методологические подходы к экспертной оценке пригодности кандидата к службе на конкретной должности или обучению в образовательном учреждении ФСИН России и предусматривают раскрытие значений конституциональных, социальных, психогенных и соматогенных характеристик для развития состояний психической дезадаптации; выявление условий, способствующих возникновению и формированию этих нарушений.

Предварительный анализ этапов психологического отбора в УИС обнаруживает некоторое излишество психодиагностических обследований кандидатов и субъективизм заключений по экспертизе психологической пригодности.

Во-первых, заключения «рекомендуется в первую очередь» и «рекомендует-

ся» скорее всего не имеют достаточно обоснованных критериев различия.

Во-вторых, заключение «условно рекомендуется» необходимо расшифровать, т. е. при каком условии кандидат рекомендуется. На наш взгляд, необходимо категорию заключения «условно рекомендован» понимать, как рекомендован при условии успешного прохождения стажировки. Далее, совершенно излишним является направление кандидата после стажировки на дополнительное обследование в ЦПД. Заключительный этап психологического отбора должен заканчиваться стажировкой в подразделении УИС, в процессе которой непосредственный начальник совместно с психологом и кадровыми сотрудниками принимают решение о профессиональной пригодности кандидата к работе в данной должности.

В настоящее время профессиональный психологический отбор (ППО) в УИС представляет собой комплекс мероприятий, направленных на достижение более или менее качественного комплектования на основе обеспечения ответственности профессионально важных социально-психологических, психологических качеств и психофизиологических характеристик кандидатов, принимаемых на службу или учебу, требованиям служебно-профессиональной деятельности или обучения.

ППО является частью профессионального отбора, который предполагает:

- социально-правовой отбор (проверка соответствия претендентов установленным требованиям по социальным и демографическим данным, образованию, отношению к военной обязанности, специальности, трудовому и жизненно-

му опыту, характеристикам, криминологическому и наркологическому учетам, достоверности предоставленных сведений, документов, а также отсутствия негативной информации на их ближайшее окружение и др.);

- медицинский отбор, направленный на выявление явной или скрытой патологии, препятствующей осуществлению профессиональной деятельности, сюда же относится и определение уровня физической подготовленности. В медицинском отборе, в связи с его особой значимостью в силовых структурах, выделился психиатрический аспект, заключающийся в углубленном исследовании психической сферы кандидата с целью выявления, в основном, скрытых, стертых форм нервно-психической патологии.

ППО может быть первичным (отбор кандидатов на службу или учебу в УИС) и вторичным (отбор резерва на выдвижение или перемещение по службе, отбор на должности руководителей, отбор для выполнения специальных задач).

В настоящее время существуют два подхода к критериям профессионального психологического отбора.

1. Выявление и отсеивание лишь кандидатов, имеющих крайне неблагоприятные социально-психологические, индивидуально-психологические или психофизиологические характеристики. (Отбор по минимуму требований).

2. Выявление и отбор на службу и учебу кандидатов, как можно более соответствующих требованиям к профессионально важным качествам. (Отбор по максимуму требований).

Первый из них направлен, преимущественно, на профилактику деструктивных явлений среди личного состава

УИС (увольнения по отрицательным основаниям, нарушения служебной дисциплины и законности, совершение преступлений, суициды и др.). Второй — на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности, т. е. выбор лучших из кандидатов, проходящих процедуру ППО.

Выбор подхода определяется степенью укомплектованности УИС, престижностью службы в ней, количеством и качеством рабочей силы на рынке трудовых ресурсов, уровнем компетентности психологов, наличием избытка кандидатов (конкурса), системой организации ППО, лимитом времени на его проведение и степенью централизации, наличием нормативного правового и методического обеспечения, уровнем технического оснащения и др.

В настоящее время эти объективные обстоятельства диктуют реализацию первого подхода при отборе кандидатов на службу в УИС. В большинстве развитых стран при проведении ППО используется второй подход, который всегда комбинируется с элементами первого.

В ППО можно выделить два направления: социально-психологическое и индивидуально-психологическое, которые тесно взаимосвязаны. Превалирование того или иного направления зависит от конкретных задач и этапа отбора.

Социально-психологическое направление превалирует там, где профессиональная деятельность требует наличия групповой сплоченности, взаимовыручки, распределения функций в группе, выраженности лидерских качеств или, наоборот, склонности к подчинению, т. е. качеств, необходимых для бесконфликтных и эффективных коммуникаций в группе, деятельность которой протека-

ет в экстремальных условиях деятельности.

Там, где деятельность не предъявляет жестких требований к социально-психологическим характеристикам кандидата, может превалировать индивидуально-психологический подход.

За 2007 год центрами психофизиологической диагностики проведено 66 598 обследований.⁶ Из них ретестирований дважды—6199, ретестирований трижды—731, незавершенных обследований (отказ от дальнейшего обследования, неявки) — 1148, вынесено 58 520 экспертных заключений. Нагрузка на штатную единицу ЦПД составила 364 обследования, что соответствует нагрузке, согласно Приказу от 12 декабря 2006 года № 238 Министерства юстиции Российской Федерации (не более четырех человек в день на одного эксперта-психолога). В течение 2007 года из общего количества обследованных лиц подавляющую часть (57%) составляли лица, впервые поступающие в органы и учреждения УИС. Остальные категории сравнительно немногочисленны — от 4 до 12%. На основании результатов психофизиологических обследований были вынесены следующие заключения, которые отражены в таблице 10.

Результаты психологического обследования свидетельствуют о том, что полностью соответствуют существующим критериям психологического отбора только 1% лиц, проходящих через центры психофизиологической диагностики; полностью не соответствуют критериям отбора — 7%; в значительной мере не соответствуют—25% и 67%—в опреде-

ленной мере отвечают критериям психофизиологического отбора.

Среди вновь поступающих, наибольшее количество лиц по психологическим основаниям не пригодных к службе в УИС составляет 42%. При перемещении на должность 16% сотрудников УИС рекомендуются условно или совсем не рекомендуются на должности по своим психологическим особенностям. Среди кандидатов на учебу наименьшее количество не рекомендованных или условно рекомендованных — 15%.

Согласно методическим рекомендациям ЦПД ЦВВК при ГУИН Минюста России, на обследование в ЦПД после прохождения стажировки кандидаты направляются по решению психологов подразделения и, тем не менее, даже после прохождения стажировки примерно каждый восьмой из числа вновь поступающих в УИС не рекомендуются к службе (12%).

Среди лиц, прослуживших в УИС и желающих продлить контракт после определенного срока службы, каждый пятый (20%) оказывается нежелательным по критериям психологической пригодности к службе. К прочим лицам отнесены сотрудники, принимавшие участие в боевых действиях (до и после командировок), судебные приставы, а также другие категории сотрудников, обследованных на основании договоров о сотрудничестве, заключенных с другими органами исполнительной власти.

Ежегодно ОПД ЦВВК ФСИН России и центрами психофизиологической диагностики территориальных органов УИС (всего 72 ЦПД) проводится до 65 000

⁶ Раков А. М. Аналитический обзор деятельности центров психофизиологической диагностики территориальных органов УИС России по итогам 2007 года. ОПД ЦВВК ФСИН России. 2008.

Таблица 10. Результаты психологического обследования

Характер вынесенных заключений	Рекомендуются в первую очередь		Рекомендуются		Условно рекомендуются		Не рекомендуются		Все
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
Вновь поступающие на службу в органы и учреждения УИС	208	1	19 341	57	10 987	33	3 039	9	33 575
Перемещаемые на другие должности	161	2	5 334	82	943	14	136	2	6 574
Кандидаты на учебу в образовательные учреждения ФСИН России	123	2	4 139	83	577	12	169	3	5 008
Сотрудники, завершившие период стажировки	92	5	1 396	83	3	0	200	12	1 691
Сотрудники, продлевающие контракт	63	1	3 748	79	834	17	166	3	4 811
Прочие категории	28	0	5 020	73	1416	21	397	6	6 861
Всего	675	1	38 978	67	14 760	25	4 107	7	58 520

обследований. Суммарная штатная численность центров психофизиологической диагностики составляет 183 человека. Из них 138 эксперты-психологи, имеющие право выносить экспертные заключения. При подсчете отмечаем, что на одного эксперта в год приходится 471 обследование. Ежедневная нагрузка (с учетом трех дней группового психологического тестирования) составляет 4-5 человек. Это подтверждает, что ППО представляет собой своеобразную «конвейерную систему», когда ежедневно в ЦПД проходят обследование значительное число кандидатов, относительно которых в течение ограниченного промежутка времени необходимо принять решение о психологической пригодности к службе.

В настоящее время определением степени рекомендованности кандидата к службе на конкретной должности или учебе в образовательном учреждении ФСИН России служат показатели экспертной оценки профессиональной пригодности. По результатам психофизиологического обследования в 2007 году условно рекомендовано—25% и не рекомендовано —7% от общего числа обследуемых лиц. Как показал анализ, при вынесении такого рода заключений были определены следующие показатели экспертной оценки профессиональной пригодности кандидатов:

- трудности социальной адаптации;
- эмоциональная незрелость;
- отсутствие четкой мотивационной направленности;

- импульсивность, конфликтность;
- бытовое пьянство, причастность к асоциальным группировкам;
- примитивность, ограниченность кругозора;
- низкий объем общеобразовательных знаний, сложности усвоения инструкции.

При вынесении заключений с выводом «не рекомендуется» доминируют такие показатели, как:

- эгоцентричность;
- неразборчивость в выборе средств достижения целей, стремление к извлечению выгоды из сложившейся ситуации;
- склонность к невротическому типу реагирования в стрессовых ситуациях;
- тенденция к избеганию ответственности;
- высокий уровень тревожности;
- трудности социальной адаптации (ограниченность в контактах, отсутствие друзей, видение людей только с отрицательной стороны);
- утилитарно-корыстные мотивы поступления на службу.

Рассмотрим теперь, на какие психологические характеристики ориентируются центры психодиагностики, составляя заключение о степени психологической пригодности к службе в УИС, т. е. есть ли связь между показателями MMPI, OCEAN, KOT и характером заключения (рекомендован в первую очередь — 1; рекомендован — 2; условно рекомендован — 3, не рекомендован — 4).

Используя процедуру регрессивного анализа, была получена следующая психодиагностическая модель распознавания заключения (рекомендаций) ЦПД.

$ДРК = -4,105 + 0,202 Sc + 0,117 F + 0,038 Pt + 0,011 Pa$, где

ДРК — прогностический показатель психологической пригодности;

Sc — шкала индивидуалистичности (шизофрении в MMPI), имеющая наибольший вес в модели (79%);

F — шкала отклоняющихся ответов (надежности в MMPI), кроме выявления симулятивных тенденций несет еще и дополнительную информацию, относительно Sc-шкалы (вес 19%);

Pt — шкала тревожности (психастении в MMPI)—вес около 2%;

Si—шкала социальной интроверсии и Pa—шкала ригидности (паранойи)—обе шкалы имеют вес менее 0,5%, но тем не менее вошли в уравнение множественной регрессии, поскольку имеют значимые корреляции с характером рекомендаций ЦПД.

Если проанализировать содержание этих шкал, то оказывается, что шкалы (Sc), (Pt), (Pa) являются основными клиническими шкалами психотической тетрады, а шкала (F) дополнительным признаком психической патологии; шкала социальной интроверсии (Si) при высоком значении характеризует людей замкнутых, изолированных, своеобразных, не умеющих налаживать отношения с другими людьми, испытывающих чувство неполноценности и неадекватности, что также является признаком психического неблагополучия.

Все пять шкал положительно коррелируют со снижением уровня рекомендаций ЦПД, т.е. чем выше шкалы Sc, Pt, Pa, F, Si, тем больше вероятность, что заключение ЦПД будет крайне отрицательным («не рекомендован»—4).

Следовательно, можно утверждать, что психологическая диагностика ЦПД, совместно с психиатрами, в значительной степени нацелена на выявление

психопатологических признаков у кандидатов. Это хорошо согласуется с основной задачей ЦПД: «выявление среди кандидатов на службу, учебу и среди сотрудников при перемещении на различные должности в УИС лиц с нервно-психической неустойчивостью или находящихся в состоянии психической дезадаптации».⁷ Надо отметить, что с этой задачей ЦПД хорошо справляются. Случаи увольнения со службы по признакам психических расстройств носят единичный характер. Эту целевую направленность подтверждает также и тот экспериментальный результат, что психодиагностические методики, предназначенные для оценки различных когнитивных, эмоциональных и личностных характеристик не связаны с заключением ЦПД. Пока в ЦПД преобладает определенная «психонастороженность» относительно обследуемых кандидатов, на профессионально важные качества личности обращается меньше внимания. К тому же, как известно, психологическая норма намного сложнее, чем психопатология. Так, например, психопатологические профили ММРІ (хотя бы с одной клинической шкалой больше 75 Т-баллов) очень хорошо классифицируются в несколько типов профилей. В то же время классификация нормальных профилей (в пределах 30-65 Т-баллов) представляет сложную проблему в связи со значительно большим разнообразием индивидуальных профилей.

Рекомендации ЦПД о психологической пригодности к службе в УИС имеют низкие коэффициенты корреляции со шкалами пятифакторной модели

(OCEAN), которые направлены на выявления нормальных личностных качеств, в то же время, как указывалось выше, клинические шкалы ММРІ на высоком уровне значимости коррелируют с заключением психологов.

При анализе согласованности экспертных оценок реальной профессиональной успешности с ММРІ и пятифакторной моделью личности мы видим прямо противоположную картину. Клинические шкалы ММРІ вообще не вошли в уравнение множественной регрессии, а другие шкалы (в основном шкалы валидности F, L, K и Pd, Hy), вошедшие в модель, практически не имеют значимых корреляций, и психодиагностическая модель профессиональной успешности имеет очень низкую распознающую способность.

Оценка таблицы сопряженности экспертных оценок и психодиагностической модели с использованием ММРІ по Хи-квадрат оказалась статистически незначимой.

$$(\chi^2 = 1,4 < \chi^2_{к} = 3,86 \text{ при } P < 0,05)$$

При исследовании же согласованности экспертных оценок (СПУ) профессиональной успешности с результатами нормологической пятифакторной модели личности мы получаем следующую достаточно адекватную распознающую модель. (Приложение 7)

$$\text{ДПУ} = 30,188 - 0,20 \text{ N} + 0,192 \text{ A} - 0,146 \text{ E} - 0,047 \text{ C} - 0,010 \text{ O}, \text{ где}$$

ДПУ — прогностический показатель профессиональной успешности;

N — шкала «эмоциональная стабильность — нейротизм»;

A — шкала «антагонизм — доброжелательность»;

⁷ Раков А. М. Аналитический обзор деятельности центров психофизиологической диагностики территориальных органов УИС России по итогам 2006 года. ОПД ЦВВК ФСИН России. 2007.

Е—шкала «интроверсия-экстраверсия»;

С—шкала «несобранность—сознательность»;

О—шкала «закрытость—открытость новому опыту».

Наибольший вес в модели (98%) имеют шкалы (N), (A), (E), причем (N)—связана с профессиональной пригодностью следующим образом: высокие значения (N) предполагают более высокий уровень профессиональной успешности (1 и 2—высокие экспертные оценки, 3—средние, 4, 5—низкие); высокие значения шкалы (A)—сдвиг в сторону антагонистических качеств, а не в сторону доброжелательных—и это вполне естественно для сотрудников УИС, работающих с криминальным контингентом. Относительно шкалы (E) можно сказать, что экстравертированность является положительным признаком при определении профессиональной пригодности. Шкалы (C)— («безответственность—сознательность») и (O)— («закрытость—открытость новому опыту») коррелируют с экспертной оценкой психологической пригодности таким образом, что чем выше (C) (сознательность) и (O) (открытость новому опыту), тем выше профессиональная успешность в службе в УИС. Но весомой вклад в ее распознавание в данной психодиагностической модели невелик (всего 2%).

Можно предположить, что разнотравленная ориентация на профессиональную пригодность между психологами ЦПД, которые стремятся выявить психопатологию у кандидатов, и руководителями различных служб, придающих

решающее значение факторам нравственных качеств и отношения к работе, приводит к проникновению в УИС лиц с низким уровнем нравственных характеристик и деловых качеств.⁸ Возможно, подобное рассогласование является серьезной причиной негативных явлений среди личного состава УИС.

Следующая психодиагностическая модель является попыткой объединить оба подхода к оценке профессиональной успешности кандидатов в УИС.

$D_o = 24,346 - 0,194 N - 0,141 F + 0,082 PK + 0,133 A + 0,135 Pd$, где

D_o —прогностическая оценка профессиональной успешности, учитывающая уровень рекомендованности ЦПД;

N—шкала «эмоциональная стабильность—нейротизм» пятифакторной модели OCEAN;

F—шкала валидности MMPI («надежность», «отклоняющиеся ответы»);

PK—заключение ЦПД (1—годен в первую очередь, 2—годен, 3—условно годен, 4—не годен);

A—шкала «антагонизм-доброжелательность» пятифакторной модели OCEAN;

Pd—4 шкала MMPI («импульсивность», «социальная психопатия»)

Коэффициент корреляции психодиагностической модели и экспертной оценки профессиональной пригодности равен 0,233. Весовые характеристики предикторов, входящих в состав модели, распределились следующим образом:

«N»—37%; «Pd»—18%; «F»—17%; «A»—14%; «PK»—13%.

Знаки корреляций предикторов, входящих в уравнение множественной рег-

⁸ Бовин Б. Г., Раков А. М./в соавторстве/Психодиагностика в УИС: Учебно-методическое пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2008. С.159-168.

рессии, позволяют представить психологическое содержание модели. Высокие показатели N-шкалы «эмоциональная стабильность—нейротизм» являются положительным признаком, т. е. такие характеристики шкалы (N), как напряженность, неудовлетворенность, эмоциональность, отсутствие самодовольства и легковесного отношения к проблемам оказываются профессионально значимыми личностными качествами. Личностные характеристики, отражаемые высокой 4 шкалой ММРІ, являются негативными качествами, снижающими уровень профессиональной пригодности, как уже указывалось, из-за склонности к протестному поведению против общепринятых норм, а также из-за низкой дисциплинированности и исполнительности.

Шкала (F): при умеренном подъеме шкалы обычно выражены такие качества, как старательность, самокритичность, откровенность, любопытство, что и нашло свое выражение в характере корреляций этой шкалы с профессиональной успешностью, т. е. умеренная выраженность (54-65 Т баллов) шкалы (F) может являться благоприятным признаком профессиональной успешности.

Шкала (A) («антагонизм-доброжелательность»), определяет качество отношений человека к другим людям: от сочувствия до враждебности в мыслях, чувствах и действиях. Высокие значения шкалы (A) (OCEAN), отражающие мягкосердечность, доброжелательность, доверчивость, услужливость, великодушные и т.п., в значительной мере являются профессионально «поражаемыми» в УИС, в связи с чем их значительная выраженность снижает профессиональ-

ную успешность в службе в уголовно-исполнительной системе, что и нашло отражение в данной модели.

Достоинством этой модели является включение в ее состав заключения (рекомендации) ЦПД, выраженного в четырех уровнях психологической пригодности и основанное на разностороннем изучении кандидата, а не только на психодиагностических методиках. Это заключение, количественно выраженное в цифрах (1, 2, 3, 4) и отражающее уровень психологической пригодности, наряду с вышеописанными шкалами, также вошло в модель профессиональной успешности с положительным знаком корреляции (обе шкалы—экспертная оценка и уровень рекомендованности — обратные шкалы).

Коэффициент корреляции между прогностическим показателем этой модели и экспертной оценкой профессиональной пригодности равен 0,233 (по Пирсону).

Расчет таблиц сопряженности между экспертной оценкой и прогностическим показателем с использованием Хи-квадрат подтверждает статистическую связь ($\chi^2 = 13,3 > \chi^2_{кр} = 10,8$) на 0,1% уровне значимости.

Предлагаемая система оценки профессиональной успешности в уголовно-исполнительной системе России показывает высокий уровень точности прогноза, равный 85%. Грубая ошибка, когда рекомендованные впоследствии оказываются профессионально не успешными или, наоборот, не рекомендованные становятся успешными профессионалами, составляет 15%.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ И ПУТИ ЕЕ СТАБИЛИЗАЦИИ

М. С. Тарасиков

Ключевые слова: профессиональная адаптация, молодые специалисты, уголовно-исполнительная система.

Keywords: professional adaptation, young specialists, penal system.

Проблема профессиональной адаптации молодых кадров чрезвычайно актуальна в настоящее время. Успешная профессиональная адаптация служит важным фактором оптимизации трудовой деятельности, а неэффективная—приводит к ряду негативных явлений, связанных с текучестью кадров, влечет за собой большие социальные и экономические потери. В связи с недостатками в работе, проводимой в структурных подразделениях, отделах и службах учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, в 2004 г. уволились 30 743 человек, 2005 — 21 453, 2006 — 21 062, 2007 — 24 297, 2008 — 22 545, в том числе соответственно: на первом году службы—1 964—6,4% от числа уволенных, 1 547—7,2; 1 254—6,0; 1 369—5,6; 1 474—6,6%; по отрицательным мотивам —452 — 1,5%; 358 — 1,7; 288 — 1,4; 276 — 1,1; 209—0,9%; по собственному

желанию—8 919—29,0%, 7 568—35,3; 7 519 — 35,7; 9 050 — 37,2; 7 963 — 35,3%; за нарушение условий контракта—4024— 13,1%; 2 727— 12,7; 2 381 — 11,3; 2 942—12,1; 2 669— 11,8%.

Наблюдается значительное сокращение доли молодых специалистов в аттестованном составе УИС. За последние 5 лет число специалистов со стажем работы до 1 года по России сократилось на 0,4%, от 1 года до 3 лет—на 5%, от 3 до 10—на 5,1%. Ежегодно территориальные органы УИС недополучают значительное количество специалистов из числа обучавшихся по очной форме обучения в образовательных учреждениях ФСИН России.

Проблема профессиональной адаптации молодых специалистов до сих пор актуальна, неоднократно затрагивалась в публикациях ведомственных изданий уголовно-исполнительной системы⁹ и по праву считается одним из приоритетных направлений, стоящих перед ФСИН России.¹⁰

Процесс профессиональной адаптации личности обусловлен многочисленными изменениями, охватывающими

⁹ См.: Кузнецов М. И., Тарасиков М. С. О закреплении на службе выпускников образовательных учреждений ФСИН России//Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. №2. С. 37-39; О совершенствовании закреплении выпускников образовательных учреждений ФСИН России в органах и учреждениях УИС//Преступление и наказание. 2007. № 9. С. 12-14.

¹⁰ Об объявлении решения коллегии Федеральной службы исполнения наказаний об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы за 2008 год и задачах на 2009 год: Приказ ФСИН России от 16 апреля 2009 г. №168.

все стороны жизнедеятельности человека. Представители всего комплекса наук о человеке занимаются различными аспектами данной проблемы.

Наиболее широкое толкование адаптации как приспособления живого организма к изменяющимся условиям существования характерно для биологических дисциплин. Сущность процесса адаптации состоит во внутреннем самоналаживании организма, сохранении гомеостаза, поддержании равновесия между организмом и внешней средой. В большинстве случаев она протекает автоматически (регуляция температуры тела, состава крови, артериального давления и др.).

Изучение данного феномена социальными науками обусловлено изменениями, происходящими в социальной среде, и необходимостью выработки новых способов поведения человека, адекватных этим переменам.

Понятие «адаптация» как категория социальных наук в их современном состоянии нашло активное применение в практике теоретических и прикладных исследований психологии, педагогики, социологии, медицины, биологии, управления.

Психологами активно изучаются различные аспекты адаптации, основными из которых являются сенсорная, социально-психологическая и профессиональная. Сущность сенсорной адаптации состоит в приспособлении чувствительности к интенсивности действующего на органы чувств раздражителя. Социально-психологическая адаптация представляет собой процесс гармонизации взаимодействия личности с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участни-

ков. Под профессиональной адаптацией понимается приспособление человека к новым для него условиям труда.

Таким образом, адаптацию личности в сфере профессиональной деятельности можно определить как многоплановый процесс согласования взаимных ожиданий человека как субъекта труда и профессиональной среды. При этом адаптант добровольно избирает приемлемую систему труда для удовлетворения своих потребностей, принимая статусные роли и функции, овладевая новыми отношениями, творчески самоутверждаясь как профессионал. Адаптационный процесс характеризуется активностью человека, выраженной в целенаправленных действиях приспособительного характера, с использованием различных средств адаптации. Направленность приспособительных действий разнообразна. Индивид может стремиться приспособиться к среде, подстроиться под ее нормы, правила, требования. В этом случае речь идет об адаптивном поведении и взаимодействии человека со средой. Вместе с тем может проявляться и противоположная тенденция, направленная на преимущественное видоизменение среды и подчинение ее своим интересам. Это—адаптирующая приспособительная деятельность.

Большинство исследователей считают изменение социальной среды главным условием возникновения процесса адаптации. Если нет социального перемещения, нет и социальной адаптации (например, адаптация абитуриентов друг к другу в условиях абитуриентских сборов). В связи с этим представляется важным соотнести понятия первичной и вторичной адаптации.

Первичная адаптация имеет место, когда в наличии оба условия—изменение

социальной среды и статуса личности (например, поступление абитуриента в вуз, выпускника вуза на службу в практические органы УИС). Каждое из условий выступает предпосылкой различных модификаций явления вторичной адаптации:

- адаптации как следствия изменения среды (например, переход сотрудника из одного учреждения в другое без изменения специальности);
- адаптации как следствия социального перемещения, изменения статуса (например, переход сотрудника от инспекторской должности к работе руководителем, но в рамках того же учреждения).

В особом рассмотрении нуждается вопрос о критериях адаптации. Следует отметить, что термин «адаптированность» отражает определенное качественное состояние личности как результат процесса адаптации, а термин «адаптация» адекватен для обозначения самого процесса взаимодействия личности и среды.

Показатели или критерии адаптированности делят на объективные и субъективные. К первым относятся: стаж работы, профессионально-квалификационный рост, различные показатели продуктивности деятельности, реальное положение в коллективе, участие в различных формах общественной жизни коллектива.

Перечень субъективных критериев адаптации многообразен: устойчивость

товарищеских взаимоотношений, оценка полноцения личности в коллективе, отсутствие желания перейти в другой коллектив,¹¹ включенность личности в трудовой процесс и эмоциональное самочувствие (степень ощущаемого комфорта).¹² Выбор критериев адаптированности личности зависит от направления исследования этого многопланового феномена и основного аспекта его содержания. Общепринятыми являются показатели удовлетворенности личности, отношения к различным аспектам и условиям деятельности и общения, а также к себе самой.

Помимо уровня адаптированности и его изменения, которое может служить средством «обнаружения» процесса адаптации, исследователи выделяют и такое понятие, как «продолжительность или срок адаптации». Единого мнения по этому вопросу нет: сроки колеблются от 1-6 месяцев до 5 лет, а их оценка тесно связана с тем, что подразумевается под содержанием, целями процесса адаптации и его конкретными критериями.

Так, в исследовании З. В. Калиничевой, И. В. Кондратович, Е. Э. Смирновой был сделан вывод о том, что оптимальный срок профессиональной адаптации молодых специалистов равен 9–10 месяцам, а социально-психологический—4-5 месяцам.¹³ Основанием для этого вывода был анализ самооценки

¹¹ См.: Растова Л. М. Социальная адаптация личности в коллективе: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. Томск, 1974. С. 14.

¹² См.: Кряжева И. К. Социально-психологические факторы адаптированности личности: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 1980.

¹³ См.: Калиничева З. В., Кондратович И. В., Смирнова Е. Э. Некоторые итоги изучения адаптации специалистов в ЛГУ//Психологические и социально-психологические особенности адаптации студентов: Материалы симпозиума. Ереван., 1973. С. 18-19.

молодыми специалистами своей самостоятельности, а также данных экспертной оценки того же параметра. В данном случае речь идет не о достижении высокого уровня профессионализма и компетентности, который позволяет совершенно самостоятельно решать поставленные задачи, а о мере ориентированности в новой обстановке, уровне информированности необходимых начинающему специалисту для осуществления своих профессиональных функций.

Когда адаптация рассматривается не только как становление и формирование молодых специалистов в условиях конкретного производства, но и как «процесс дальнейшего продвижения молодого специалиста в более высокую квалификационную группу, которая обладает систематизированными знаниями, навыками, производственным опытом и умением работать с людьми», тогда и срок адаптации определяется на уровне нескольких лет (в данном случае 5 лет).¹⁴

В психологической науке выделяются три уровня и три соответствующих им периода адаптации молодых специалистов: дисфункциональный (первые дни и недели); стереотипный (до года) и функционально-инициативный (до трех лет).¹⁵ Н. П. Лукашевич выделяет четыре этапа адаптации специалистов, взяв за основу глубину адаптации: начальный, приемлемый, высокий и этап лидерства.¹⁶ Однако единой, устоявшейся клас-

сификации этапов адаптации в науке нет. Они должны определяться с учетом специфики деятельности и конкретных социальных характеристик субъектов и объектов адаптации.

В адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности, с нашей точки зрения, правомерно выделить три периода:

- начальный (до 6-9 месяцев), характеризующийся преобладанием активности подсистемы поиска и переработки информации, связанной с ориентацией адаптанта в новых условиях труда;

- критический (до 1 года), которому свойственны наиболее сильные внутриличностные и интерактивные конфликты. В этот период преобладает активность подсистемы эмоционального реагирования, выражающаяся в переживаниях молодых специалистов из-за трудностей в адаптации;

- период стабилизации (от года до трех лет), когда на первый план выходит мотивационная подсистема, формируется ценностное отношение специалиста к своей работе, становятся очевидными цели его практической деятельности.

На скорость процесса адаптации могут влиять и условия, определяющие его устойчивость. Выделяют 8 групп (общее количество—41), факторов (в том числе внепроизводственно-бытовые), показывающих:

¹⁴ См.: Шевелев В. Г. Вопросы управления процессом адаптации молодых специалистов к профессиональной деятельности в условиях научно-технического прогресса: Автореф. дисс. ...канд. экон. наук. Л. 1978. 21 с.

¹⁵ См.: Олейников В. С. Методологический анализ социально-психологической адаптации личности: Дисс. ...канд. филос. наук. Л., 1977.

¹⁶ См.: Лукашевич Н. П. Производственная адаптация молодых рабочих в условиях перестройки: Дисс. ...д-ра филос. наук. М., 1989. С. 252-255.

- уровень организации труда молодых специалистов;
- возможность обеспечения высокого уровня содержательности труда, творческого характера деятельности, разнообразия, сложности и актуальности решаемых задач;
- возможность профессионального и должностного роста;
- отношения в коллективе;
- систему материального и морального стимулирования;
- общественную жизнь коллектива;
- условия труда.

Характеризуя проблемы профессиональной адаптации молодых сотрудников ФСИН России, необходимо остановиться на ряде присущих ему особенностей:

- служба в уголовно-исполнительной системе регламентируется особой нормативной базой, то есть специалисты различных служб находятся на специфической государственной службе, которая предусматривает особое правовое положение различных категорий сотрудников, правила приема, увольнения со службы;
- порядок установления служебных отношений, присвоения специальных званий начальствующему составу; необходимость соблюдения особого режима обращения со служебной документацией; особое материальное обеспечение (выплата процентной надбавки за выслугу лет, снабжение вещевым имуществом, пенсионное обеспечение и т. д.);
- место дислокации подразделений, которые в большинстве случаев значи-

тельно удалены от городов и районных центров, существенно ограничивает возможность решения различных жизненных проблем. Например, жизнь в большом городе обеспечивает более широкий выбор места работы, как для выпускника, так и для членов его семьи, места учебы, развлечений, наконец, жизнь в большом городе предусматривает более высокий уровень комфорта. В отдельных подразделениях, кроме названных ограничений, возникают сложности создания и развития семьи, воспитания и обучения детей и т. п.;

- экстремальность ситуаций, необходимость выбора правомерного и морально оправданного варианта поведения, что значительно усложняет процесс формирования профессионального сознания молодых сотрудников. Часто, выполняя свои обязанности, они находятся в условиях риска, высокой ответственности, необходимости противостоять постоянному психологическому давлению, которое оказывается на них отрицательно настроенными группами осужденных. Эти особенности при отсутствии твердых ценностных установок могут отрицательно влиять на становление начинающего сотрудника.¹⁷

Следующая группа условий, влияющих на профессиональную адаптацию молодых сотрудников, относится к характеристике деятельности и ее содержания, организации труда и функциональным обязанностям (т. е. решаемым задачам).

Выделяют четыре признака в качестве базовых характеристик труда, которые позволяют работникам получить

¹⁷ См.: Кузнецов М. И. Адаптация выпускников вузов пенитенциарного профиля к воспитательной деятельности в колонии. Учеб. пособие. Рязань, Изд-во «Узоречье», 1999. С. 43-44.

личную симпатию к данному виду деятельности и в дальнейшем повышать свой профессионализм, а именно:

1. Разнообразие задач.

2. Независимость и самостоятельность исполнения.

3. Наличие обратной связи (информированность о результатах работы).

4. Регламентированный рабочий день.

Рассмотрим с этих позиций деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы. Рабочий день не нормирован; задачи, решаемые сотрудниками, однообразны и шаблонны; работа связана с повышенным риском, стрессовыми ситуациями, опасностью для здоровья и жизни человека; регламентированность всех служебных действий огромным количеством нормативных актов; отсутствие налаженной систематической информации о результатах личного вклада в совместную деятельность. Негативное влияние усиливают рост преступности, ухудшение социально-бытовых условий, объективно ведущих к увеличению нагрузок на личный состав, накоплению психологической усталости, что повышает вероятность ошибок в профессиональной деятельности, размывает систему стимулов, чувство удовлетворенности от работы. Все это приводит к усилению процессов деформации, остановке в профессиональном становлении и духовно-нравственном росте сотрудников УИС.

Анализ процесса профессиональной адаптации молодых специалистов ФСИН России позволяет выделить факторы, ускоряющие и замедляющие данный процесс.

К первым относятся: соответствующая довузовская подготовка, наличие стажа службы (работы) в УИС до пос-

тупления в ведомственные образовательные учреждения; сформированные профессионально-ценностные отношения к профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе; оказание действенной помощи начинающим специалистам руководством, наставниками, коллегами; удовлетворенность результатами своего труда (моральная, материальная). Вместе с тем имеются факторы, препятствующие адаптации выпускников. К этой группе факторов относятся: несовершенство действующей системы профессионального отбора и ориентации поступающих в вузы; имеющиеся просчеты в учебном процессе в ведомственных образовательных учреждениях; отсутствие должного внимания со стороны руководителей всех уровней к этому направлению воспитательной работы; недооценка эффективности влияния института наставничества на морально-нравственное состояние личного состава.

Исследование процесса адаптации молодых сотрудников ФСИН России к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, степени влияния характеристик личности выпускников и различных факторов среды на успешность процесса адаптации дает возможность обосновать конкретные направления по его оптимизации. При этом они могут быть как общими, значимыми для молодых специалистов в целом, так и индивидуализированными, учитывающими специфику процесса адаптации каждого.

Реализация данных направлений будет в полной мере способствовать повышению эффективности функционирования всей уголовно-исполнительной системы.

К общим направлениям относятся:

- совершенствование профориентационной работы в вузе через укрепление связей с общеобразовательными школами, лицеями, кадетскими классами и корпусами;
- повышение качества вузовской подготовки с учетом требований практики;
- реализация процессов образования и воспитания в образовательных учреждениях ФСИН России в их непосредственной взаимосвязи;
- формирование профессионально значимых деловых и личностных качеств в период обучения на базе системы требований к личности сотрудника УИС, предъявляемых характером будущей деятельности;
- создание инновационной системы формирования профессионально-ценностного отношения личности к функциональной деятельности сотрудника пенитенциарной системы с учетом позитивного и негативного опыта в организации профессиональной деятельности сотрудников этой системы, а также исторического опыта России и зарубежных стран;
- повышение психологической готовности служебных коллективов учреждений и органов УИС к приему молодых сотрудников;
- совершенствование организации профессиональной деятельности молодых сотрудников на первоначальном этапе службы;
- обеспечение условий для реализации и дальнейшего развития творческого потенциала молодых специалистов, расширение возможностей их профессионально-квалификационного роста;

- совершенствование системы материального и морального стимулирования;

- успешность функционирования исполнительных учреждений;

- позитивное суждение в обществе о жизнедеятельности пенитенциарной системы.

Направлениями, максимально учитывающими личностную специфику, являются индивидуальный контроль процесса адаптации и рациональная расстановка молодых специалистов по функциональным позициям на практике.

Цель индивидуального контроля заключается в выявлении и устранении затруднений в процессе адаптации, носящих как субъективный, так и объективный характер.

Фактор соответствия характера работы способностям и склонностям молодого специалиста является ведущим в достижении высокого уровня адаптированности к профессиональной деятельности, раскрытии потенциала личности и его дальнейшего развития. В связи с этим расстановку кадров по критерию наибольшего соответствия способностей и склонностей личности требованиям конкретных участков деятельности можно рассматривать как ключевое направление оптимизации процесса адаптации.

Все эти факторы необходимо учитывать руководителям и кадровым сотрудникам при работе с молодыми специалистами.

Новые книги по психологии

А. И. Фролов.

Ивлева И. А., Млодик И. Ю., Сафуанова О. В. Консультирование родителей в детском саду: индивидуальные особенности детей. Практические материалы для психологов детских дошкольных учреждений. М. 2009

Работа с родителями—одно из важных направлений деятельности психологов ДОУ. Известны разные формы такой работы: выступления на родительских собраниях, проведение тематических семинаров и круглых столов, индивидуальное консультирование, оформление информационных стендов, проведение совместных детско-родительских мероприятий и т. п. Все они требуют тщательной подготовки и существенных временных затрат. Предлагаемый комплект задумывался как подспорье психологу в этом нелегком труде. Представленные в нем материалы можно непосредственно использовать в практической работе. Первый комплект материалов был посвящен возрастным особенностям детей, включая кризисные периоды, а также проблеме адаптации детей к детскому саду. В этом комплекте основной акцент делается на индивидуальные особенности детей.

Диагностика в арт-терапии: Метод «Мандала». Под ред. Копытина А. И. 2009. 144 с.

Сборник посвящен диагностическому и психотерапевтическому использованию мандал — циркулярных изображений, которые могут являться продуктом спонтанной творческой деятельности либо создаваться в соответствии с оп-

ределенной инструкцией. Метод «Мандала» с успехом применяется в рамках различных направлений арт-терапии. Книга представляет интерес для психологов-консультантов, психотерапевтов, студентов и аспирантов, а также всех тех, кто интересуется творчеством и творческим самовыражением.

Середа Е. И. Тренинги решения семейных проблем: Практическое руководство. Речь, 2008. 192 с.

Данная книга состоит из двух частей: насыщенного теоретического обзора существующих сегодня методов активного обучения, включая такие инновационные техники, как гештальт-эксперимент и метод кейсов. Вторая часть — практическая, — рассказывает о психологической работе с родителями, направленной на повышение их компетентности в этом качестве. Автор описывает практический опыт использования методов активного обучения в тренингах для родителей, чьи дети имеют те или иные отклонения в поведении. Особое внимание уделяется техникам, направленным на расширение осознания взрослыми тех моделей взаимодействия с собственными детьми, которые вызывают или провоцируют проблемное поведение у последних. Книга предназначена как для специалистов: семейных консультантов, психологов, тренеров, так и для всех родителей, стремящихся к самосовершенствованию во внутрисемейных отношениях.

Копытин А. С., Богачев О. В. Арт-терапия наркомании: Лечение, реа-

Новые книги по психологии

А. И. Фролов.

Ивлева И. А., Млодик И. Ю., Сафуанова О. В. Консультирование родителей в детском саду: индивидуальные особенности детей. Практические материалы для психологов детских дошкольных учреждений. М. 2009

Работа с родителями—одно из важных направлений деятельности психологов ДОУ. Известны разные формы такой работы: выступления на родительских собраниях, проведение тематических семинаров и круглых столов, индивидуальное консультирование, оформление информационных стендов, проведение совместных детско-родительских мероприятий и т. п. Все они требуют тщательной подготовки и существенных временных затрат. Предлагаемый комплект задумывался как подспорье психологу в этом нелегком труде. Представленные в нем материалы можно непосредственно использовать в практической работе. Первый комплект материалов был посвящен возрастным особенностям детей, включая кризисные периоды, а также проблеме адаптации детей к детскому саду. В этом комплекте основной акцент делается на индивидуальные особенности детей.

Диагностика в арт-терапии: Метод «Мандала». Под ред. Копытина А. И. 2009. 144 с.

Сборник посвящен диагностическому и психотерапевтическому использованию мандал — циркулярных изображений, которые могут являться продуктом спонтанной творческой деятельности либо создаваться в соответствии с оп-

ределенной инструкцией. Метод «Мандала» с успехом применяется в рамках различных направлений арт-терапии. Книга представляет интерес для психологов-консультантов, психотерапевтов, студентов и аспирантов, а также всех тех, кто интересуется творчеством и творческим самовыражением.

Середа Е. И. Тренинги решения семейных проблем: Практическое руководство. Речь, 2008. 192 с.

Данная книга состоит из двух частей: насыщенного теоретического обзора существующих сегодня методов активного обучения, включая такие инновационные техники, как гештальт-эксперимент и метод кейсов. Вторая часть — практическая, — рассказывает о психологической работе с родителями, направленной на повышение их компетентности в этом качестве. Автор описывает практический опыт использования методов активного обучения в тренингах для родителей, чьи дети имеют те или иные отклонения в поведении. Особое внимание уделяется техникам, направленным на расширение осознания взрослыми тех моделей взаимодействия с собственными детьми, которые вызывают или провоцируют проблемное поведение у последних. Книга предназначена как для специалистов: семейных консультантов, психологов, тренеров, так и для всех родителей, стремящихся к самосовершенствованию во внутрисемейных отношениях.

Копытин А. С., Богачев О. В. Арт-терапия наркомании: Лечение, реа-

билитация, постреабилитация. Институт психотерапии. 2008 г. 172 с.

Учебное пособие посвящено методу арт-терапии, который используется применительно к работе с наркозависимыми пациентами для их лечения, реабилитации и постреабилитации. В качестве инструментов арт-терапевтической диагностики и коррекции авторы активно использовали такие рисуночные методики, как рисование мандал, гербов, талисманов, групповой рисунок и групповая фреска, изображение животного в комфортной для него среде обитания и «создания образа себя». Динамика некоторых клинических случаев проиллюстрирована рисунками, меняющимися по мере изменения представления пациентов о себе и о своем жизненном пути. В книге показана возможность применения в процессе терапии мультимодальных арт-терапевтических техник и техник визуально-нарративного подхода, дается описание процесса групповой арт-терапии с наркозависимыми в ремиссии. Книга будет полезна студентам психологам, психологам-консультантам и психотерапевтам, работающим с наркозависимыми пациентами.

Пурнис Н. Е. Арт-терапия в развитии персонала. Речь, 2008. 176 с.

Эта книга раскрывает возможности арт-терапии в психологическом сопровождении персонала на примере менеджеров, руководителей. Данное пособие предназначено для специалистов, практикующих арт-терапию, для начинающих профессиональную практику психологов, менеджеров по обучению и сопровождению персонала, желающих овладеть современными, творческими методами коррекции, развития и обу-

чения личности, психологов кабинетов психологической разгрузки.

Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Сокровищница жизненных сил. Игра для взрослых. Речь, 2009.

Добрая хорошая сказка, трогающая наше сердце, всегда оставляет некое таинственное последствие, ощущение внутренней силы. Оно может переживаться как спокойная радость или озарение, как романтическое состояние или сосредоточенная погруженность. В чем же секрет такого «волшебного последствия» сказки? Дело в том, что все хорошие истории красочно иллюстрируют важнейшие общечеловеческие ценности, а они, в свою очередь, являются резервуарами жизненной силы. Общечеловеческие ценности дают питание душе, она радостно откликается и благодарит за чудесное угощение. Первый принцип комплексной сказкотерапии—принцип «жизненной силы». Согласно ему, все, что бы ни делал сказкотерапевт, должно умножать жизненную силу клиента. Когда у человека достаточно жизненной силы, желания жить, он справляется с выпавшими ему трудными ситуациями самостоятельно. Есть сила, приходят помощники, новые идеи, и все со временем разрешается. Случаются жизненные ситуации, которые бросают вызов нашей жизненной силе. Кажется, что ее не хватает. Но это иллюзия. Не бывает такого, чтобы силы было недостаточно для разрешения проблемы. Испытания всегда по силам и средствам. Другое дело, что резервуар жизненной силы оказывается погруженным под плитой разочарований, стереотипов или банальной усталости. Задача сказкотерапевта—«докопаться»

до источника жизненной силы клиента. Собственно, это и есть основная задача нашей игры. «Сокровищница жизненных сил» представляет собой колоду из 24 карточек. Игра очень проста. Нужно взять колоду карточек в руку или разложить карточки перед собой «рубашкой» вверх. Несколько мгновений сосредоточиться: подумать о себе, своей жизни и вытащить одну карточку из колоды. Прочитать то, что открылось, и поразмышлять об этом.

Государев Н.А. Психодиагностика. Методология и методики исследования психологических типов: учебное пособие. Издательство Ось-89. 144 с.

Студентам, аспирантам, специалистам предлагается отобранный автором комплекс широко известных (К. Леонард), наиболее востребованных (Д. Кейрси), малоизвестных (Г. Гурджиев) и ранее не опубликованных (Н. Государев) методик диагностики психологических типов, между которыми исследована сущностная связь. Новизна составления психодиагностического руководства определяется увязкой методик с методологией их разработки и применения, критическими замечаниями, проблемой поиска новых методов, уточнением прежних, концентрацией внимания на связи психологических типов, как между собой, так и с профориентацией, смыслами жизни, выходом на конкретную практику исследовательских работ. Концептуальный подход к классификации психологических типов, предложенный автором, позволяет различать и выделять в них когнитивные, коммуникативные и регулятивные структуры и функции.

Психологический тренинг в группе: Игры и упражнения: Учебное пособие. Автор: Авт.-сост. Бука Т. Л., Митрофанова М. Л. ИПТ, 2008. 144 с.

Психологический тренинг — интерактивная форма обучения, приобретающая все большую популярность. Освоение всех основных методов психологической помощи предполагает, прежде всего, обучение на собственном опыте, дающее возможность экспериментировать со своим поведением, творчески относиться к жизни и к самому себе. Данное учебное пособие систематизирует методические принципы и приемы тренинговой работы с учебной группой на различных этапах ее развития. В нем приведены психотехники, игры и упражнения ведущих специалистов в области психологического тренинга, а также авторские разработки. Книга рекомендуется преподавателям психологии и специалистам, ведущим тренинги, педагогам, социальным работникам, менеджерам, студентам психологических факультетов.

Васкэ Е. В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: Психолого-правовой анализ. Издательство Генезис. 2009. 428 с.

Монография посвящена исследованию преступности несовершеннолетних в России на протяжении столетия, проведён исторический экскурс в проблему ответственности несовершеннолетних правонарушителей по отечественному уголовному законодательству. Анализируются факторы влияния на формирование девиантного поведения подростков, выявляются социально-педагогические предпосылки преступности несовершеннолетних в различные вре-

менные периоды. Приведена типология несовершеннолетних преступников современной России, дан сравнительный анализ мотивации совершения групповых и индивидуальных преступлений подростками в настоящий период в России. Анализируются вопросы, связанные с мерами наказания и ответственностью несовершеннолетних в рамках действующего законодательства. Монография адресована психологам, юристам, педагогам, социальным работникам.

Коццолино М. Невербальная коммуникация. Перевод с итальянского О. А. Шпиловой. Гуманитарный центр Харьков, 2009. 248 с.

Невербальная коммуникация—одна из наиболее интригующих тем в психологическом исследовании. Проявление эмоций, взгляд, изменение тона и ритма голоса, жесты, позы, межличностное пространство, чередование высказыва-

ний и т. д. — все это более или менее явные элементы исследований, о которых спорят и не всегда приходят к единому мнению ученые. Современные исследования процесса коммуникации постепенно вытесняют классические «линейные» модели с характерным для них абстрагированием коммуникации от контекста, в котором она происходит. На смену им приходят представления об интерактивности, диалогичности, прагматизме, лингвистических действиях, социолингвистических кодах, структуре интерсубъективности. Именно «экологический» подход позволил учесть всю сложность процесса коммуникативного взаимодействия и исследовать его комплексно и целостно, то есть, принимая во внимание то, что невербальные компоненты выполняют в коммуникации такую же инструментальную функцию, как и слова, и могут быть их заменителями.

История создания психологического факультета

В. И. Огородников

В марте 2009 года исполнилось восемнадцать лет функционированию в составе Академии ФСИН России психологического факультета (приказ МВД СССР от 21 марта 1991 г. № 99), неординарного, во многом специфического не только в отечественной образовательной и уголовно-исполнительной системах, но и мировой практике подготовки специалистов-психологов и социальных работников для правоохранительных органов, в первую очередь учреждений и органов, исполняющих наказания.

Открытие психологического факультета не было случайным событием, а послужило ответом на требование времени. Реформирование уголовно-исполнительной системы, ее последовательная гуманизация, приближение к международным стандартам, поиск эффективных путей воздействия на личность и среду отбывающих уголовное наказание, ориентация системы на их ресоциализацию объективно потребовали подготовки специалистов «новой формации», способных решать современные задачи, действуя в изменяющихся социально-

менные периоды. Приведена типология несовершеннолетних преступников современной России, дан сравнительный анализ мотивации совершения групповых и индивидуальных преступлений подростками в настоящий период в России. Анализируются вопросы, связанные с мерами наказания и ответственностью несовершеннолетних в рамках действующего законодательства. Монография адресована психологам, юристам, педагогам, социальным работникам.

Коццолино М. Невербальная коммуникация. Перевод с итальянского О. А. Шпиловой. Гуманитарный центр Харьков, 2009. 248 с.

Невербальная коммуникация—одна из наиболее интригующих тем в психологическом исследовании. Проявление эмоций, взгляд, изменение тона и ритма голоса, жесты, позы, межличностное пространство, чередование высказыва-

ний и т. д. — все это более или менее явные элементы исследований, о которых спорят и не всегда приходят к единому мнению ученые. Современные исследования процесса коммуникации постепенно вытесняют классические «линейные» модели с характерным для них абстрагированием коммуникации от контекста, в котором она происходит. На смену им приходят представления об интерактивности, диалогичности, прагматизме, лингвистических действиях, социолингвистических кодах, структуре интерсубъективности. Именно «экологический» подход позволил учесть всю сложность процесса коммуникативного взаимодействия и исследовать его комплексно и целостно, то есть, принимая во внимание то, что невербальные компоненты выполняют в коммуникации такую же инструментальную функцию, как и слова, и могут быть их заменителями.

История создания психологического факультета

В. И. Огородников

В марте 2009 года исполнилось восемнадцать лет функционированию в составе Академии ФСИН России психологического факультета (приказ МВД СССР от 21 марта 1991 г. № 99), неординарного, во многом специфического не только в отечественной образовательной и уголовно-исполнительной системах, но и мировой практике подготовки специалистов-психологов и социальных работников для правоохранительных органов, в первую очередь учреждений и органов, исполняющих наказания.

Открытие психологического факультета не было случайным событием, а послужило ответом на требование времени. Реформирование уголовно-исполнительной системы, ее последовательная гуманизация, приближение к международным стандартам, поиск эффективных путей воздействия на личность и среду отбывающих уголовное наказание, ориентация системы на их ресоциализацию объективно потребовали подготовки специалистов «новой формации», способных решать современные задачи, действуя в изменяющихся социально-

экономических условиях, требованиях и применяя новые подходы к их решению.

Будущие специалисты должны быть профессионально ориентированы на изучение особенностей внутреннего мира деформированной личности, криминальной среды и подготовлены не к борьбе с ними, а к оказанию всесторонней помощи, воздействию на психику и поведение осужденных с использованием психолого-педагогических методов и гуманистических технологий, побуждающих личностную активность самих осужденных по собственному управлению и формированию благоприятной микросреды. Перед ними стоит задача психологического и социального обеспечения деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания. В первую очередь к таким специалистам относятся психологи и социальные работники, так как в стране ощущается их острый дефицит.

В связи с подписанием приказа МВД СССР № 99 об образовании факультета подготовки психологов в нем были сформированы две самостоятельные кафедры: общей психологии во главе с В. М. Поздняковым и социальной психологии, начальником которой был назначен А. Н. Сухов. Название «Психологический факультет» он получил в соответствии с приказом МВД России от 23 декабря 1992 г. № 473. В 1993 г. в его структуру была включена кафедра юридической психологии и педагогики, лаборатория психофизиологического и психологического отбора.

При осуществлении общегуманитарной, естественнонаучной и общепрофессиональной подготовки активно изучался и использовался опыт других вузов,

в том числе МГУ имени М. В. Ломоносова, факультетов психологии Санкт-Петербургского и Ярославского университетов.

Разрабатывались принципиально новые, не имеющие аналогов дисциплины пенитенциарно-психологической специализации, адаптировались в исправительных учреждениях тесты, методики, технологии, создавались оригинальные учебники, учебные пособия.

Создание психологического факультета состоялось во многом благодаря настойчивости бывшего начальника Рязанской высшей школы МВД СССР генерал-майора внутренней службы А. И. Зубкова (август 1988—сентябрь 1990 года), а продолжил его развитие генерал-майор внутренней службы С. Н. Пономарев.

Первым начальником факультета был единственный тогда на факультете доктор психологических наук, профессор полковник внутренней службы В. Г. Деев, а его заместителем был назначен полковник внутренней службы В. И. Акумов с октября 1989 по апрель 1995 года.

Следующей ступенью развития факультета стало открытие заочного обучения (приказ МВД РФ от 3 февраля 1995 г. № 41). В настоящее время более трехсот практических работников овладевают профессией психолога и специалиста по социальной работе.

С 1997 г. была начата довузовская гуманитарная подготовка учащихся общеобразовательных школ № 1, 2, 53, 68, 69 г. Рязани по программам специализированных психологических классов, аналогов которых тогда в стране не было. В это же время был открыт совет по защите диссертаций на соис-

кание ученой степени кандидата психологических наук по специальностям 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования и 19.00.06 — юридическая психология. Председателями совета в разное время являлись: доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор академии полковник внутренней службы Н. А. Тюгаева, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор академии полковник внутренней службы А. И. Ушатиков и доктор психологических наук подполковник внутренней службы Д. В. Сочивко.

Первый выпуск в 1994 г. пополнил органы и учреждения УИС 41 сотрудником, последующий — 52 выпускниками. Из них шестеро закончили обучение с отличием.

Всего подготовлено 786 дипломированных специалистов-психологов и социальных работников, работающих в разных органах и учреждениях регионов России. Они составили основу психологической службы органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов России.

В 1997 г. на факультете была открыта новая специальность «Социальная работа». Таких специалистов, нацеленных на профессиональную деятельность в уголовно-исполнительной системе, как и пенитенциарных психологов, не готовило ни одно учебное заведение не только в России, но и в мире. Именно они призваны нейтрализовывать и смягчать влияние негативных социальных факторов (различных форм дискриминации,

угнетения, социального неравенства, безработицы, нищеты, болезней и т. д.), в значительной степени детерминирующих преступность и, как следствие, уголовное наказание.

Развитие психологического факультета продолжил кандидат педагогических наук, доцент полковник внутренней службы С. А. Лузгин, который занимал должность начальника факультета с сентября 1996 по декабрь 2005 года, а его заместителем по организации учебного процесса была полковник внутренней службы Н. А. Ежова.

Воспитательным процессом на курсе факультета руководили опытные командиры и наставники. Первым начальником курса был полковник внутренней службы Ю. Н. Ларионов (июнь 1992 — февраль 1994 года). Заместителем начальника курса с июня 1992 по май 1995 года являлся полковник внутренней службы В. В. Баранников, затем начальником курса психологического факультета, а его заместителем с декабря 1993 по февраль 1994 года, а затем начальником курса с февраля 1994 по июль 1994 года был подполковник внутренней службы А. А. Абрамов. С августа 2004 по апрель 2007 года начальником курса стал майор внутренней службы С. А. Елисеев.

Заместителями начальника курса в разное время были: с июня 1992 по сентябрь 1998 года был майор внутренней службы С. Н. Киров; с сентября 1998 по май 2001 года заместитель начальника курса — майор внутренней службы В. А. Кравченко; с мая 2001 по май 2005 года — майор внутренней службы М. И. Расходчиков.

Многое сделал и продолжает делать в рамках патриотического воспита-

ния курсантов и слушателей психологического факультета ветеран Великой Отечественной войны, председатель совета ветеранов академии, член совета ветеранов УВД по Рязанской области, кандидат педагогических наук, почетный профессор академии, доцент В. И. Новиков. Будучи доцентом кафедры юридической психологии и педагогики, он уделяет много внимания формированию и развитию личности, обладающей качествами гражданина-патриота России, который способен будет активно трудиться на благо своей Родины.

В настоящее время факультет представляет собой сформировавшееся многопрофильное, целостное структурное подразделение академии, в которое входят три кафедры:

- кафедра общей психологии, начальник — доктор психологических наук, профессор подполковник внутренней службы Галина Ивановна Аксенова;
- кафедра юридической психологии и педагогики, начальник — кандидат психологических наук, доцент полковник внутренней службы Ирина Владимировна Михалева;
- кафедра социальной психологии и социальной работы, начальник — кандидат психологических наук, доцент майор внутренней службы Григорий Викторович Щербаков.

На кафедрах психологического факультета действуют общественные лаборатории: межфакультетская акмеологическая лаборатория «Актуальные проблемы профессионализма личности и деятельности специалистов Федеральной службы исполнения наказаний», межкафедральная психологическая лаборатория «Криминальная

деструктивность личности» и научная лаборатория «Социальное проектирование и социальные технологии».

В настоящее время руководит психологическим факультетом кандидат юридических наук, доцент полковник внутренней службы В. И. Огородников, а его заместителем является полковник внутренней службы Б. С. Самсонов.

В состав методического аппарата факультета (деканата) входят: старшие преподаватели-методисты: майор внутренней службы Н. М. Демина, кандидат педагогических наук майор внутренней службы Е. В. Корышева, кандидат педагогических наук майор внутренней службы Е. Ю. Холопова, инспектора — капитан внутренней службы Е. М. Сергеева, капитан внутренней службы М. В. Христоч, старший лейтенант внутренней службы Л. А. Назаркина и документовед С. М. Зудашкина.

Учебно-строевое подразделение факультета сегодня состоит из следующих курсовых офицеров: начальник курса психологического факультета майор внутренней службы Д. Д. Шатохин, заместитель начальника курса капитан внутренней службы Р. В. Амелин, командиры взводов: лейтенант внутренней службы С. В. Гончаров, лейтенант внутренней службы Е. А. Курдюкова, лейтенант внутренней службы С. А. Пашуков, старшина — сержант внутренней службы Е. В. Баранов.

Факультет осуществляет образовательную деятельность по программам высшего профессионального образования по специальностям 030301.65 — Психология со специализацией «Юридическая психология» и 040101.65 — Социальная работа со специализацией «Социальная работа в УИС», по програм-

мам послевузовского образования по специальностям 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования, 19.00.06 — юридическая психология; программам дополнительного образования — профессиональная подготовка и повышение квалификации ру-

ководящих работников и специалистов по специальностям в соответствии с профилем вуза. Факультет обеспечивает психолого-педагогическую подготовку по всем специальностям, аккредитованным в вузе по очной и заочной форме обучения, бюджету и внебюджету.

Рецензия на учебное пособие «Практикум по социальной психологии»

В. В. Солодников
Под ред. И. С. Клециной
СПб: Питер, 2008. 256 с.

Жанр рассматриваемого учебного пособия (практикум — можно было бы добавить — лабораторный), подготовленного авторским коллективом кафедры психологии человека Российского Государственного Педагогического Университета (РГПУ) им. А. И. Герцена, стал в последние годы сравнительно редким (в отличие от учебников и учебных пособий). Авторы взяли на себя нелегкий и часто неблагодарный труд «технологического обеспечения» практических занятий, как преподавателя, так и студента по дисциплине «социальная психология».

Применительно к обучающимся в зависимости от специализации («психология» или «педагогика») приложены две программы курса, отличающиеся по количеству аудиторных часов и перечню контрольных вопросов. По завершению курса предусмотрено специальное занятие, посвященное тестовому контролю знаний студентов по всему курсу с помощью 40 закрытых вопросов.

В качестве базового по курсу авторы выбрали авторитетный учебник Г. М. Андреевой, выдержавший несколько из-

даний и переведенный на иностранные языки, и взяли за основу его структуру.

Практикум структурирован в пять разделов (предмет и история; личность; группы; общение; методы) в соответствии с логикой курса, предусмотренной Госстандартом.

По каждому занятию помимо традиционных разделов приведены контрольные вопросы, приложения и (домашние) задания для самостоятельной работы студентов, а необходимая для проведения практического занятия информация изложена кратко и четко структурирована. Так, в частности, серьезная и трудоемкая работа проделана авторами по подготовке многочисленных приложений, приведенных в табличной форме и облегчающих работу на практическом занятии, как студента, так и преподавателя. На этом фоне диссонирует отсутствие соответствующих формализованных инструментов для анализа в темах «метод наблюдения» и «контент-анализ».

При лабораторной отработке наблюдения целесообразно было бы использовать модифицированную схему Бейлза

мам послевузовского образования по специальностям 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования, 19.00.06 — юридическая психология; программам дополнительного образования — профессиональная подготовка и повышение квалификации ру-

ководящих работников и специалистов по специальностям в соответствии с профилем вуза. Факультет обеспечивает психолого-педагогическую подготовку по всем специальностям, аккредитованным в вузе по очной и заочной форме обучения, бюджету и внебюджету.

Рецензия на учебное пособие «Практикум по социальной психологии»

В. В. Солodников
Под ред. И. С. Клециной
СПб: Питер, 2008. 256 с.

Жанр рассматриваемого учебного пособия (практикум — можно было бы добавить — лабораторный), подготовленного авторским коллективом кафедры психологии человека Российского Государственного Педагогического Университета (РГПУ) им. А. И. Герцена, стал в последние годы сравнительно редким (в отличие от учебников и учебных пособий). Авторы взяли на себя нелегкий и часто неблагодарный труд «технологического обеспечения» практических занятий, как преподавателя, так и студента по дисциплине «социальная психология».

Применительно к обучающимся в зависимости от специализации («психология» или «педагогика») приложены две программы курса, отличающиеся по количеству аудиторных часов и перечню контрольных вопросов. По завершению курса предусмотрено специальное занятие, посвященное тестовому контролю знаний студентов по всему курсу с помощью 40 закрытых вопросов.

В качестве базового по курсу авторы выбрали авторитетный учебник Г. М. Андреевой, выдержавший несколько из-

даний и переведенный на иностранные языки, и взяли за основу его структуру.

Практикум структурирован в пять разделов (предмет и история; личность; группы; общение; методы) в соответствии с логикой курса, предусмотренной Госстандартом.

По каждому занятию помимо традиционных разделов приведены контрольные вопросы, приложения и (домашние) задания для самостоятельной работы студентов, а необходимая для проведения практического занятия информация изложена кратко и четко структурирована. Так, в частности, серьезная и трудоемкая работа проделана авторами по подготовке многочисленных приложений, приведенных в табличной форме и облегчающих работу на практическом занятии, как студента, так и преподавателя. На этом фоне диссонирует отсутствие соответствующих формализованных инструментов для анализа в темах «метод наблюдения» и «контент-анализ».

При лабораторной отработке наблюдения целесообразно было бы использовать модифицированную схему Белла

(Приложение 3.2.2, С.102), предложенную авторами для анализа феномена лидерства. Во-первых, сама эта авторская разработка заслуживает уважения; а во-вторых, — повторное ее использование студентами закрепит навыки работы с ней и покажет ее применимость для анализа различных сторон внутригрупповых отношений.

Применительно к контент-анализу сомнительно, чтобы в ходе одного занятия студенты и разработали схему анализа с (под)категориями, единицами счета и пр., и провели его, и проанализировали его результаты.

Среди видов практических занятий, предлагаемых авторами пособия, можно выделить следующие:

- Структурированное (с использованием дополнительных информационных материалов, как правило, — текстов) обсуждение теоретического материала, изложенного в лекции, т.е. по сути представляют собой семинарское занятие — обсуждение различных текстов и заслушивание внеаудиторно подготовленных студентами тематических сообщений. Видимо, это сознательная установка авторов практикума, т.к. в приведенных его программах учебное время, отведенное на семинары и практические занятия, не разделяется.

- Структурированный самоанализ студентов на основе самозаполнения различных опросников.

- Выполнение студентами неких *действий* (например, проведение дискуссии) с последующим их анализом (темы «лидерство», «групповая дискуссия», «коммуникативная сторона общения», «механизмы межличностного восприятия» и другие). Именно этот вид представляется нам наиболее эффективным

и, вместе с тем, наиболее сложным в проведении (в том числе требующим значительных затрат времени). В большинстве случаев такой уровень *практики* требует использования видеоаппаратуры (не только видеовоспроизводящей — см. об этом ниже — но и видеозаписывающей). Именно подобные занятия важны для «непрофильных» специальностей (не-психологов), представители которых вряд ли будут использовать специализированные психодиагностические методики. А переход от обсуждения текстов (с кейсами из художественной литературы) к пониманию собственных навыков общения и личностных особенностей в условиях работы в школе будет представлять для них отдельную задачу.

- Наконец, некоторые темы практикума (например, занятие по зарубежной социальной психологии) представляют собой контроль усвоения теоретического материала. Вряд ли можно назвать его даже семинарским. Это, скорее, выполнение некой промежуточной контрольной работы.

Столь широкая трактовка «практикума» небесспорна. Вместе с тем, не следует забывать, что одна из важных задач, решаемых преподавателем в ходе чтения базового курса (каковым является «социальная психология») — «формирование целостной системы знаний о ее теоретических основах» (С. 233, 245).

Знакомство с практикумом (который, несомненно, будет полезен и преподавателю, и студенту) позволяет сформулировать ряд вопросов (часть из них наверняка знакома любому преподавателю, но далеко не всегда на них есть универсальный ответ) и ремарок. Приведем некоторые из них, расположив от частных к более общим.

- В рекомендованной к занятию литературе (хотя бы основной) нет указа-

ния страниц (или глав), что было бы полезно при подготовке студентов.

• На занятии 2.1. «Социализация» (С. 50) предусмотрен просмотр фильма (продолжительностью 104 мин.). Отработка темы предполагает проведение только одного учебного занятия. Предполагается, что фильм просматривается студентами только по отдельным рекомендованным кадрам? Но:

1. Время эпизода не указано (преподаватель должен будет сам найти их при подготовке к занятию?).

2. Достаточно ли такого просмотра для последующей дискуссии студентов о содержании фильма?

Если же фильм просматривается полностью, то на анализ эпизодов и дискуссию остается 15-25 минут, что явно мало.

Сама же идея использования видеоматериалов (в том числе художественных фильмов и/или отрывков из них) представляется весьма плодотворной. В идеале фильм/отрывки из него можно было бы включить в пособие в качестве приложения на электронном носителе. Однако в данном случае возникает проблема авторских прав при использовании видеофильмов не «для домашнего просмотра», которая, в сожаление, пока не решена в принципе.

Студентам какого курса авторы читают/рекомендуют читать этот курс?

• Практическое занятие по теме «социально-психологические явления» для педагогов предусмотрено после второй лекции всего курса. Насколько в этот момент студенты готовы к анализу таких социально-психологических явлений как гендерные стереотипы, эффект ореола/стереотипное восприятие человека (см. таблицу 1.2.1, С.17)?

• Почему в качестве методов социальной психологии фигурируют только два (наблюдение и контент-анализ)? Они наиболее важны для школьных психологов и педагогов? Возможно, отчасти отсутствие других методов компенсируется использованием в одном из видов практических занятий стандартизированных опросников. Но достаточно ли этого для понимания метода опроса (в различных его формах, в том числе сравнительно новых, например, фокус-групп), особенно психологами? А как быть с экспериментом (хотя бы лабораторным) и тестами (отличие их вербальных форм от обычного опросника понимается далеко не всеми студентами, даже психологами)?

• Не приведет ли знание студентами закрытых вопросов по контролю знаний ДО ЗАНЯТИЯ (или тестовых заданий по всему курсу — см. С. 227-232) к их «самонатаскиванию» именно на эти вопросы (или существуют параллельные формы контроля)? Не пора ли создавать отдельные рабочие тетради для преподавателя и студента? Хотя, конечно, это — дополнительная работа.

• Не следует ли ввести в раздел «общение» практикуму тему «активное слушание» (особенно для педагогов, которых значительно больше учат говорить)? А для психологов это может заложить основу для последующего проведения тренингов.

Часть из сформулированных вопросов наталкивается на другой, встречный: «А как втиснуть некоторые предложения в «расчасовку»—34 (36) аудиторных часов лекций и 34 (36)—семинарских/практических занятий для педагогов (психологов)?».

В целом, авторским коллективом проделана значительная работа, заслу-

живающая уважения, а само пособие найдет спрос у преподавателей и студентов, особенно если исходить из его «стимулирующего воздействия на проявление творчества в деятельности педагогов в процессе преподавания» (С.9).

Вопросы и суждения, приведенные выше, во многом отражают сходные проблемы преподавания любых, ориентиро-

ванных на прикладное знание, гуманитарных дисциплин и отражают состояние российской высшей школы (а в провинциальных городах зачастую они стоят даже более остро). Возможно, в последующих переизданиях практикума авторы предложат свои варианты ответов на вопросы и учтут высказанные пожелания.

Размышления над книгой Н. Постмана «Исчезновение детства»

А. Чаникова

В данном тексте мы попытаемся рассмотреть специфику методов исследования детей и подростков, в значительной мере опираясь на оригинальную трактовку современного детства, предложенную Нилом Постманом. Он является известным американским ученым, критиком, специалистом в области теории коммуникаций, редактором журнала «Et Cetera» и профессором кафедры «искусства и науки коммуникации» Нью-Йоркского университета, удостоенным в 1987 году премии Дж. Оруэлла «за чистоту языка». Помимо вопросов общей лингвистики и теории коммуникации в своих работах Н. Постман часто затрагивает социокультурные и социально-психологические темы, в частности — феномен детства.

Первое издание книги увидело свет в 1982 году. Однако, несмотря на более чем четверть века, прошедшую с этого момента, высказанные автором идеи по-прежнему актуальны в условиях совре-

менных глобализационных социально-экономических процессов и экспансии американской массовой культуры.

Впервые направленный интерес к феномену детства был проявлен в XVIII веке — веке расцвета педагогики, когда главной целью жизни человека было признано самовоспитание, самосовершенствование, просвещение. Великие гуманисты и просветители того времени были склонны рассматривать ребенка исключительно как объект воспитания, а, следовательно — как благодатную почву для педагогических экспериментов.

Предметом науки феномен детства стал только в конце XIX века. Наука, которой принадлежит пальма первенства в изучении детства, — педагогическая и сравнительная психология. Однако до начала XX века темпы развития такой проблемной области, как детство и подростковый возраст, были незначительны.¹⁸

¹⁸ Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. - 84 с.

живающая уважения, а само пособие найдет спрос у преподавателей и студентов, особенно если исходить из его «стимулирующего воздействия на проявление творчества в деятельности педагогов в процессе преподавания» (С.9).

Вопросы и суждения, приведенные выше, во многом отражают сходные проблемы преподавания любых, ориентиро-

ванных на прикладное знание, гуманитарных дисциплин и отражают состояние российской высшей школы (а в провинциальных городах зачастую они стоят даже более остро). Возможно, в последующих переизданиях практикума авторы предложат свои варианты ответов на вопросы и учтут высказанные пожелания.

Размышления над книгой Н. Посшмана «Исчезновение детства»

А. Чаникова

В данном тексте мы попытаемся рассмотреть специфику методов исследования детей и подростков, в значительной мере опираясь на оригинальную трактовку современного детства, предложенную Нилом Постманом. Он является известным американским ученым, критиком, специалистом в области теории коммуникаций, редактором журнала «Et Cetera» и профессором кафедры «искусства и науки коммуникации» Нью-Йоркского университета, удостоенным в 1987 году премии Дж. Оруэлла «за чистоту языка». Помимо вопросов общей лингвистики и теории коммуникации в своих работах Н. Постман часто затрагивает социокультурные и социально-психологические темы, в частности—феномен детства.

Первое издание книги увидело свет в 1982 году. Однако, несмотря на более чем четверть века, прошедшую с этого момента, высказанные автором идеи по-прежнему актуальны в условиях совре-

менных глобализационных социально-экономических процессов и экспансии американской массовой культуры.

Впервые направленный интерес к феномену детства был проявлен в XVIII веке — веке расцвета педагогики, когда главной целью жизни человека было признано самовоспитание, самосовершенствование, просвещение. Великие гуманисты и просветители того времени были склонны рассматривать ребенка исключительно как объект воспитания, а, следовательно—как благодатную почву для педагогических экспериментов.

Предметом науки феномен детства стал только в конце XIX века. Наука, которой принадлежит пальма первенства в изучении детства,—педагогическая и сравнительная психология. Однако до начала XX века темпы развития такой проблемной области, как детство и подростковый возраст, были незначительны.¹⁸

¹⁸ Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. -84 с.

К середине двадцатого века наука уже располагала достаточно обширной базой как теоретических, так и эмпирических данных о детстве.

Подросток, в силу как физических, так и психологических особенностей, в современной гуманитарной традиции считается специфическим объектом исследования. Психологи, социологи, педагоги выделяют ряд принципиальных особенностей подростка как респондента:

- **стремление к активному самовыражению.** Поведение подростков, как правило, направлено на привлечение к себе всеобщего внимания, выстраивание самых различных коммуникационных схем. Эта особенность имеет для исследователя двоякое значение: с одной стороны, им можно воспользоваться, выстраивая первичную коммуникацию с респондентами. С другой стороны, активность подростка и его стремление выразить себя создают для исследователя ряд затруднений. В частности, перед ним встает задача постоянно фокусировать внимание респондента на обсуждаемой проблематике, избавляться от «информационного шума».

- **высокая вероятность получить невалидные данные.** В исследованиях подростки зарекомендовали себя как группа респондентов с низким уровнем искренности. По некоторым данным процент искренних ответов у детей и подростков составляет около 68%. Круг возможных мотивов неискренности подростков довольно широк: стремление избежать наказания, стыда, доказать собственное превосходство над взрослым, завоевать внимание и авторитет у сверстников, и т. д. Классик возрастной психологии

Э. Эриксон пишет: «Растущих и развивающихся подростков, сталкивающихся с происходящей в них физиологической революцией и с необходимостью решать реальные взрослые задачи, прежде всего, заботит то, как они выглядят в глазах других в сравнении с их собственными представлениями о себе».¹⁹ Соответственно, подросток, отвечая на вопросы интервью или заполняя анкету, постоянно задумывается о том, какое он создает о себе впечатление, вольно или невольно смещаясь в сторону социальной желательности.

- В возрасте от 10 до 12 лет ключевая черта детей—**эмоциональная гибкость**, способность к быстрому приспособлению детского сознания к изменениям социальной среды. В результате, при проведении лонгитюдных исследований нужно делать более частые срезы, чем при исследовании взрослой группы, по возможности видоизменять инструментарий, создавать условия, при которых ребенок не сможет «привыкнуть» к задаваемым вопросам и обсуждаемым темам. Кроме того, сами инструментарии исследования детей 10-12 лет должны а) быть максимально мобильны и б) предоставлять простые в обработке данные.

- В возрасте от 14 до 17 лет у детей появляется новый круг тем (в частности, вопросы религии, половых отношений), о которых они предпочитают либо умалчивать, либо, наоборот, говорить демонстративно и гиперболизированно. Кроме того, идентифицируя себя с конкретной неформальной группой и субкультурой, подросток умалчивает о многих событиях в стремлении не выдать товарищей,

тем самым «отгораживаясь» от исследователя.

• Наконец, следует учитывать, что **коммуникация «ребенок-взрослый» практически всегда заведомо иерархична**, независимо от обсуждаемой тематики. Как правило, превосходство взрослого воспринимается ребенком как должное, но в зависимости от возраста ребенок либо стремится «угодить» взрослому своим ответом, либо высказать радикальное мнение, вызвать негативную реакцию у взрослых. В результате наблюдается аналог группового феномена «сдвига к риску», когда в результате групповой дискуссии сформулированное решение сдвигается к крайностям. Особенно актуальна эта проблема в случае, когда исследователем выбрана методика, предусматривающая непосредственный контакт с респондентом (интервью, фокус-группа).

В результате, несмотря на активное исследование подростков в рамках различных дисциплин, к настоящему времени нет четкого алгоритма выбора наиболее адекватных методов и методик исследования подростков, не считая стандартизированных. В этой ситуации исследователи нередко вынуждены в большей степени доверять собственной интуиции, чем отрефлексированным методологическим процедурам.

Различны и мнения методологов по поводу возможности использования тех или иных методик. С одной стороны, социологами и психологами накладывается ряд ограничений в использовании вербальных методов; поощряется использование «мягких» проективных

методик, таких, как рисуночные тесты, психодрама, различные формы наблюдения.

С другой стороны, в современной гуманитарной науке для достижения оперативности и простоты при обработке и анализе данных о детях от 10 лет чаще всего используются различные виды анкетирования. С этого возраста ребенок считается готовым к вербальным методикам (исключение составляют случаи, когда ребенок не умеет читать и писать или же имеет серьезные психические заболевания или отклонения). Однако высказываются мнения и о том, что при изучении детей такого возраста следует избегать анкетных методов.²⁰

Прояснение методологии исследования подростков возможно только в том случае, если наука задастся вопросом, правомерно ли сложившееся отношение к подросткам как к особо сложной для исследования, опекаемой группе, не готовой к полноценному диалогу? Следует ли использовать специфические методы и техники при изучении подростков?

Одни из возможных ответов на этот вопрос дал в своей книге американский ученый Нил Постман.

Книга представляет собой глубокую социокультурную и социолингвистическую экспертизу, посвященную состоянию феномена детства в конце двадцатого века и затрагивающую анализ различных сфер жизни общества. В результате своего исследования, Постман высказывает идею о том, что в настоящий момент понятие детства находится на грани исчезновения: «В отличие от младенчества, детство является скорее

²⁰ Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии: введение. Учебник для ВУЗов. Издание 2-е, дополненное. М: NotaBene, 1999. 224 с. С.198

социальной категорией, чем биологической. Наши гены не несут информации о том, кого считать ребенком, а кого не считать»,²¹ — пишет Постман в предисловии к своей книге. Таким образом, речь в книге идет не о демографическом кризисе, а о стирании границы между взрослым миром и миром детства. При этом исчезновение детства имеет двоякую природу: с одной стороны, мир детства становится все более и более «взрослым», с другой стороны — сам взрослый мир переживает процесс инфантилизации.

Позиция автора такова, что до тех пор, пока в социуме не появилось концептуального определения детства, нельзя говорить о существовании детства как феномена. В таком случае, в западной культуре открытие детства как отличной от взрослых группы произошло сравнительно поздно. Будучи по профессии лингвистом, автор связывает историю развития концепции детства с историей развития культуры, и в частности — распространения грамотности. Античность, по мнению Н. Постмана, «дала цивилизации всего лишь предзнаменование идеи детства»;²² однако после падения Римской империи и секуляризации институтов литературы и образования, вместе с идеей о распространении грамотности исчезла и концепция детства. Без литературы и чтения в обществе не развивается концепция стыда, и взрослые ведут себя так же непосредственно, как дети; у взрослых

и детей нет друг от друга высоких тайн, религиозных или философских, поскольку их основной транслятор, литература, не доступен массам.

Так, в раннем средневековье взрослый, но неграмотный крестьянин почти не отличался от ребенка: «Живя в мире устного творчества, в одной социальной среде с взрослыми, средневековый ребенок имел доступ ко всем формам поведения. Семилетний мальчик в средние века был мужчиной в полном смысле этого слова»²³, — отмечает Н. Постман.

Открытие детства совпало с возникновением книгопечатания, которое повлекло распространение всеобщей грамотности, доступ народных масс к литературе в самом широком смысле слова. «Очевидно, что для появления такого понятия, как детство, необходимы значительные изменения в концепции взрослого», — пишет Н. Постман, — «возникновение печати создало новый мир символов, что и привело к возникновению концептуального отличия взрослого от ребенка».²⁴ С начала шестнадцатого века взрослым считается не столько человек, достигший определенного возраста, сколько умеющий читать, способный мыслить, принимать самостоятельные решения, подниматься на достаточно высокий уровень абстракции.

Большое значение для развития концепций взрослости и детства имели труды Жан-Жака Руссо, Джона Локка,

²¹ Neil Postman. *The Disappearance Of Childhood* —Vintage Books, A Division of Random Houses, inc. NY, 1994. P. 2 (здесь и далее — перевод с английского А. Чканиковой).

²² Там же, с. 8.

²³ Там же, с. 15.

²⁴ Там же, с. 20.

Томаса Мора, развитие протестантской философии, идеи Зигмунда Фрейда. В своей книге Постман уделяет много внимания работам Ч. Дарвина, указывая, что «его идеи оказали глубочайшее влияние на сферу образования и, в частности, институт школы».²⁵

По мнению Н. Постмана, расцветом концепции детства можно считать период с восемнадцатого века по тридцатые годы двадцатого. В этот период различия между детьми и взрослыми в Европе были наиболее очевидны. Для детей был закрыт доступ к целому ряду сфер жизни, таким, как политика, экономика, секс, религия, философия и другие, причем уже не по причине их неграмотности, а по инициативе взрослых, которые уже воспитали в себе концепцию стыда, открыли значение взрослости как некоей привилегированности, возможности рассуждать, высказывать собственное мнение. Подобное разделение сфер жизни на взрослую и детскую повлекло за собой и чисто внешние проявления: существовали специфические «детские» модели поведения, речь, одежда, пища, игры, стихи и песни. Наиболее явно эта «детская субкультура» была заметна в высших слоях общества—например, дворянстве или в семьях крупных предпринимателей.

Согласно концепции Н. Постмана, в период с 1850 по 1950 годы концепция детства достигла своей высшей точ-

ки. В это же время начался новый важнейший этап в информатизации общества. «Изобретение телеграфа сделало первый шаг к тому, чтобы сделать информацию неконтролируемым потоком».²⁶ Дальнейшие изобретения—радио и телевидение—совершили в западной культуре революцию, подобную той, которую совершило изобретение книгопечатания и развитие журналистики. Однако этот новый информационный переворот способствовал не разделению мира взрослых и детей, а сближению и стиранию границы между ними.

В качестве одного из последних идиологов детской субкультуры Постман называет знаменитую актрису Ширли Темпл.²⁷ Юная актриса завоевала популярность, будучи шестилетней девочкой, впоследствии она сделала карьеру ведущей собственного шоу, имевшего в США большой успех. Постман предлагает читателю представить себе ситуацию, в которой шестилетней девочке пришлось бы вести собственное шоу на момент написания книги—в конце 80-х годов: «Ребенку никто бы не позволил петь наивные детские песенки, ее любимой музыкой должен был бы стать тяжелый рок, как «взрослый» и «сильный» стиль; ее заставили бы пользоваться косметикой, а ее соведущим должен был бы стать мальчик, с которым она непременно закатывала бы взрослые любовные скандалы».²⁸

²⁵ Neil Postman. *The Disappearance Of Childhood* — Vintage Books, A Division of Random Houses, inc. NY, 1994. С. 69.

²⁶ Там же, с. 71.

²⁷ Ширли Темпл (англ. Shirley Temple, род. 23 апреля 1928)—американская актриса, обладательница Молодежного «Оскара» в 1934 году, наиболее известная по своим детским ролям в 1930-х годах. Источник—электронный ресурс [<http://www.shirleytemple.com/>].

²⁸ Там же, с.123.

Переходя к анализу современного состояния концепции детства, Н. Постман отмечает, что именно телевидение сыграло решающую роль в исчезновении детства. Телевизионная культура дала обществу новый тип мышления, который сам Н. Постман назвал «взрослый ребенок» («Тю Adult-Child»).²⁹ Автор объясняет свою позицию так: «Современная идея взрослости является во многом продуктом печатной прессы. Почти все характеристики, которые мы ассоциируем с взрослостью, это характеристики либо созданные, либо подробно описанные письменной культурой: способность к самообладанию и выдержка, терпение и ожидание будущих вознаграждений за страдания, мнимое умение мыслить абстрактно и логически, предубеждения и озабоченность как проблемами прошлого, так и будущего; повышенное внимание к мировой иерархии, порядку и прагматизму.

Когда электронные средства массовой информации оттеснили литературу и печатную прессу к периферии культуры и заняли центральное положение, стали цениться другие человеческие качества и отношения. К определению взрослости стали предъявляться более размытые, порой заниженные требования. Это новое определение не отделяет детей от взрослых, и в результате меняется сама конфигурация ступеней жизни человека. Если верить миру телевидения, то есть всего три возраста: с одной стороны младенчество, с другой — дряхлость, все, что посередине, можно назвать «взрослым ребенком».³⁰

Взрослого ребенка можно определить как взрослого, чьи интеллектуальные и эмоциональные силы не реализованы, и в целом их положение символически не отличается от положения ребенка. Такие взрослые всегда существовали, но в разных культурах варьировалась степень одобрения или неодобрения этой поведенческой модели. В средние века состояние взрослого ребенка было обычным делом, в большей степени из-за отсутствия школ, письменности, цивилизации, и не было никакой специальной дисциплины. Аналогично в современной культуре взрослый ребенок оказывается естественным явлением, поскольку «символическая арена, на которой происходит развитие человека, изменяется по форме и содержанию, и, в частности, распознавание различий между ребенком и взрослым, две ступени жизни человека неизбежно сливаются в одну».³¹

Для доказательства этого положения Н. Постман приводит многочисленные примеры того, как телевизионная культура способствует инфантилизации общества. «По телевизору часто показывают рекламу, в которой участвуют две женщины, играющие роли матери и дочери. Зрители вынуждены решать нелегкую задачу, угадывая, кто же мать, а кто дочь, притом, что обеим актрисам не более тридцати лет, и обе более или менее взаимозаменяемы». По мнению автора, этот рекламный сюжет может служить хорошей иллюстрацией и доказательством того, что «различие между ребенком и взрослым исчезает... так как в нем на-

²⁹ Там же, с. 98.

³⁰ Там же, с. 99.

³¹ Там же, с. 101-102.

прямою говорится о том, что наша культура считает правильным, чтобы мать не выглядела старше дочери. Или же, чтобы дочь не выглядела моложе своей матери. В свете этого можно говорить об исчезновении детства или об исчезновении взрослости.³² Таким образом, основная идея автора (информационная среда стирает само понятие детства) может быть выражена иначе: информационная среда стирает и понятие взрослости.

В качестве примеров, показывающих движение общественного сознания в сторону «взрослого ребенка», Постман приводит трансформацию политического сознания. По его мнению «ведущую роль в трансляции политической информации играет телевидение».³³ Особенно важна, с точки зрения Постмана, форма подачи информации, которой пользуется телевидение.

Политические лидеры, выступающие на телевидении, «...выдают себя с помощью невербальных средств. То, как они стоят, смотрят, улыбаются, демонстрируют эмоции и т. д., говорит о них столько же, сколько говорят они сами»,³⁴ — пишет Постман. В результате телевидение «обрабатывает наше внимание не на идеи, абстрактные, расплывчатые и общие, а на зрительные образы, конкретные, яркие и целостные».

В результате под давлением телевидения политические оценки людей трансформируются от интеллектуального поиска предложений до интуитив-

ного, эмоционального доверия имиджу. По мнению автора, «люди не соглашались и не полемизируют с политиками, они только любят их или не любят».³⁵ Таким образом, можно легко допустить, что любой десятилетний ребенок может с таким же успехом воспринять визуальную политическую информацию, как и хорошо осведомленный, зрелый пятидесятилетний зритель.

Итак, Постман выдвигает тезис, что «в век телевидения принятие политических решений не апеллирует к разуму и даже не требует грамотности. Сколько американцев электорального возраста когда-либо читали хоть что-то о Рональде Рейгане? Кого интересовало, приводил ли Рейган факты, которые его соперники Джимми Картер и Джон Андерсон не смогли опровергнуть?»³⁶

Далее объектом наблюдения Постмана становится типичная новостная телепередача. «Телевидение в своих новостных программах избирает такой способ подачи информации, что зрителю становится трудно думать о событии, и более того, становится трудно чему-либо сопереживать».³⁷

Иными словами, у зрителя нет ни времени, ни мотива остановиться и подумать, каково значение произошедшего события, его история, причины, повлекшие его, и как это событие впишется в общую картину мира. Более того, зритель не склонен сопереживать участникам описываемых событий. В свете

³² Там же, с. 102.

³³ Там же, с. 104.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 105.

³⁶ Там же, с. 104.

³⁷ Там же.

этого, «есть некоторый смысл в том, что новостные шоу время от времени включают отрывки «чувственных реакций» длиной от тридцати до сорока пяти секунд, именуемый «что об этом думают люди на улицах»,³⁸ —отмечает автор.

Подробно рассмотрев структуру и содержание новостных программ (которые, в целом, аналогичны российским), Постман делает вывод, что «новостные телешоу это как раз то, чем их называют: шоу, развлечение, мир трюков, фальши и фантазий, тщательно отрепетированных, чтобы произвести конкретный эффект на публику, заставить ее засмеяться, заплакать или оцепенеть. В результате разрушается разница между взрослым и детским миропониманием».³⁹

По мнению Н. Постмана, аналогичный процесс инфантилизации наблюдается и в других сферах. Например, мы можем говорить об изменении понятий экономического и религиозного субъекта. В частности, автор называет такой «маркер взрослости», как способность взрослых к различению материальной и нематериальной сферы жизни. «В большинстве культур эта характеристика достаточно существенна,—пишет Н. Постман,—но в век телевидения эти маркеры безнадежно перемешались, в большой степени по причине всеобщей телерекламы».⁴⁰

Автор обращает внимание на то, что в телерекламе никогда не подразумевается различия между детской и взрослой аудиторией. Реклама не приводит аргу-

ментов, чтобы убедить, она использует визуальные образы. Подобный язык очень эмоционален, следовательно, реклама не поддается логическому осмыслению, непроверяема, и, разумеется, она не обращается к разумной взрослой оценке.

Вспомнив основную первичную функцию рекламы, Н. Постман говорит о том, что «экономический субъект воспринимается как чрезвычайно иррациональный, даже и не приближавшийся к осмысленному суждению».⁴¹ При этом сама капиталистическая идеология утверждает, что «дети не обладают аналитическими способностями, чтобы оценить предлагаемый продукт, что дети не в состоянии совершать рациональные сделки. Но вниманию потребителя предлагаются не факты, а идолы, к которым и дети, и взрослые могут обратиться с равным успехом, не прибегая к помощи логического мышления, проверок и оценок».⁴²

Главным доказательством того, что телевидение сближает взрослых и детей, стирая границу между ними, Постман считает, что «главная работа телевидения — отказаться от абстракции, сделать все конкретным... Мы можем заострить проблему, вспомнив то, что говорила Алиса в самом начале знаменитой сказки Льюиса Кэрролла. Умирая от скуки в ленивый жаркий день, Алиса подбирает книгу, которую читает ее сестра. Но в книге нет ни картинок, ни разговоров, под которыми Алиса понимает рассказы. «А какой в книге

³⁸ Там же, с. 116.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 114.

⁴² Там же, с. 110.

смысл, —думает Алиса, —если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»⁴³ Постман предлагает следующее прочтение цитаты из Кэрролла: «иллюстративный и нарративный жанр ниже по уровню сложности и зрелости, чем представление. Картинки и истории — естественная форма познания мира для детей, абстрактные и обобщающие суждения — для взрослых».⁴⁴

Сославшись на идею, высказанную Льюисом Кэрроллом, Н. Постман задается вопросом: «Если я могу использовать слова Алисы как отправную точку, то какой эффект на взрослых производит культура, в которой доминируют картинки и истории?»⁴⁵

Таким образом, проведенная Нилом Постманом социокультурная экспертиза предлагает аргументированную версию того, что детство как социологический и культурный феномен действительно исчезает, «растворяясь» во взрослости, ассимилируя ее. По мнению Н. Постмана, только два социальных института могут быть заинтересованы в том, чтобы сохранить концепцию детства как группы, отличной от мира взрослых: семья и школа.⁴⁶ Однако оба эти института включены в информационную систему, которая в наибольшей степени способствует стиранию границы между детством и взрослостью.

Точка зрения Н. Постмана во многом спорит с реалиями современной гуманитарной традиции. К примеру, такая специфическая наука, как социология детства, возникла только в конце двадца-

того века, в настоящий момент продолжается ее институционализация. В книге же высказан ряд наблюдений, согласно которым в конце двадцатого века социологическая концепция детства должна была не развиться, а напротив, уже утратить актуальность.

Что касается методологической рефлексии, направленной на выбор методик, наиболее адекватных при изучении детей и подростков, то в логике Н. Постмана круг тем, на которые возможно с успехом беседовать с подростком, должен расширяться. Возможно даже, что тематически исследования взрослых и детей могут быть идентичны.

Но, если учесть тезис Постмана о том, что исчезновение детства имеет обратную сторону, —исчезновение понятия взрослости, то, в свою очередь, техники социологического исследования применительно к взрослым могут становиться все более «детскими»: визуализированными, не требующими специальных знаний, максимально простыми с точки зрения языка, «закрытыми» —предполагающими выбор из ограниченного количества вариантов и т. п.

Однако, на наш взгляд, чрезвычайно важным при этом является учет «промежуточных», дополнительных переменных:

- Во-первых, соблюдение этических норм при изучении несовершеннолетних. Так ли безгранична тематика таких исследований, в частности, с точки зрения родителей ребенка или лиц их замещающих?

Там же, с. 117.

Там же, с. 116.

Там же, с. 117.

Там же, с. 150.

• Во-вторых, в выборе исследовательских методов и техник решение может быть не «черно-белым» («детско-взрослым»), но опосредоваться исследуемым тематическим содержанием, будь то особенности самосознания, межличностные отношения со сверстниками, потребительское поведение, отношение к нормам морали, нравственности, права и т. п. Иными словами, выбор методики исследования должен, прежде всего, зависеть от предметного поля и поставленных исследователем задач и только

в следующую очередь—от возраста респондента.

Литература:

1. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии: введение. Учебник для ВУЗов. Издание 2-е, дополненное. М: NotaBene, 1999. 224 с.
2. Эриксон Э. Ребенок и Общество. М., Летний сад, 2000. 416 с.
3. Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000 г. 73 с.
4. Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. 84 с.

Страницы истории кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИИ России

С. А. Лузгин

35 лет жизни кафедры, сегодня называемой кафедрой юридической психологии и педагогики, — незначительный по историческим меркам срок. Однако с точки зрения человеческой жизни и развития педагогического коллектива эта оценка выглядит не такой уж бесспорной, особенно в современных условиях российской действительности, когда все так быстро меняется.

20 февраля 1974 года приказом начальника Рязанской высшей школы МВД СССР была сформирована кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии, руководителем которой был назначен кандидат педагогических наук, доцент Краковский Александр Петрович. В ее состав вошло шесть сотрудников, в основном из числа ранее бывших преподавателей кафедры исправительно-трудового права, ставшей прародительницей нового коллектива.

Именно там тогда преподавались курсы исправительно-трудовой педагогики и психологии для будущих юристов.

Если вспомнить тот период развития нашего общества, государства и исправительно-трудовой системы, то станет очевидным, что создание кафедры не было случайным событием. Под ее основание был заложен солидный и надежный теоретико-практический фундамент. Он состоял из изданных учебников и учебных пособий по исправительно-трудовой педагогике и психологии; множества публикаций по психолого-педагогической проблематике; введения в штаты воспитательно-трудовых колоний первых психологов и апробации модели психологической службы; проведения целого ряда педагогических экспериментов (Вологодского — по формированию нравственно-воспитывающего коллектива осужденных, Белорусского — по ор-

• Во-вторых, в выборе исследовательских методов и техник решение может быть не «черно-белым» («детско-взрослым»), но опосредоваться исследуемым тематическим содержанием, будь то особенности самосознания, межличностные отношения со сверстниками, потребительское поведение, отношение к нормам морали, нравственности, права и т. п. Иными словами, выбор методики исследования должен, прежде всего, зависеть от предметного поля и поставленных исследователем задач и только

в следующую очередь—от возраста респондента.

Литература:

1. Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии: введение. Учебник для ВУЗов. Издание 2-е, дополненное. М: NotaBene, 1999. 224 с.
2. Эрикссон Э. Ребенок и Общество. М., Летний сад, 2000. 416 с.
3. Щеглова С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000 г. 73 с.
4. Щеглова С. Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. М.: Социум, 2001. 84 с.

Страницы истории кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИИ России

С. А. Лузгин

35 лет жизни кафедры, сегодня называемой кафедрой юридической психологии и педагогики,—незначительный по историческим меркам срок. Однако с точки зрения человеческой жизни и развития педагогического коллектива эта оценка выглядит не такой уж бесспорной, особенно в современных условиях российской действительности, когда все так быстро меняется.

20 февраля 1974 года приказом начальника Рязанской высшей школы МВД СССР была сформирована кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии, руководителем которой был назначен кандидат педагогических наук, доцент Краковский Александр Петрович. В ее состав вошло шесть сотрудников, в основном из числа ранее бывших преподавателей кафедры исправительно-трудового права, ставшей прародительницей нового коллектива.

Именно там тогда преподавались курсы исправительно-трудовой педагогики и психологии для будущих юристов.

Если вспомнить тот период развития нашего общества, государства и исправительно-трудовой системы, то станет очевидным, что создание кафедры не было случайным событием. Под ее основание был заложен солидный и надежный теоретико-практический фундамент. Он состоял из изданных учебников и учебных пособий по исправительно-трудовой педагогике и психологии; множества публикаций по психолого-педагогической проблематике; введения в штаты воспитательно-трудовых колоний первых психологов и апробации модели психологической службы; проведения целого ряда педагогических экспериментов (Вологодского — по формированию нравственно-воспитывающего коллектива осужденных, Белорусского—по ор-

ганизации индивидуального шефства над осужденными, Куйбышевского — по аттестации осужденных, Челябинского — по оптимизации работы в отрядном звене, организации самовоспитания осужденных и т. д.). Свою лепту внесла и лаборатория по исследованию проблем исправления и перевоспитания осужденных, организованная в РВШ МВД СССР, через которую прошли многие из преподавателей кафедры и стали ведущими учеными в области юридической психологии и педагогики.

Таким образом, кафедра была рождена потребностями дальнейшего развития научных знаний в сфере исправительной педагогики и психологии, а также подготовки для ИУ специалистов — юристов, обладающих высокой психолого-педагогической компетентностью. В то время она была единственным в стране структурным подразделением соответствующего профиля. Дальнейшее развитие кафедры подтвердило правильность и своевременность ее создания, а тридцатипятилетний юбилей подчеркивает жизнеспособность коллектива.

Все эти годы она жила жизнью и проблемами страны, системы, вуза. Преподаватели участвовали во всех важнейших общественно-политических событиях (Олимпиада—80, Фестиваль молодежи, Игры Доброй воли, охрана правопорядка в Нагорном Карабахе, события августа 1991 года). Но главное — подготовка сотрудников ИУ для работы с такими сложными людьми, как осужденные, и не только для всего Советского Союза и России, но и иностранных государств (Афганистан, Куба, Никарагуа, Вьетнам, Монголия).

Многое изменилось на кафедре за эти годы. В начале ее пути профессор-

ско-преподавательским составом проводились занятия только для юристов и по двум учебным дисциплинам: исправительно-трудовой педагогике и исправительно-трудовой психологии.

Сегодня кафедра участвует во всех видах психолого-педагогической подготовки, переподготовки, повышения квалификации юристов, экономистов, психологов, социальных работников, управленцев, в том числе и высшего руководящего состава ФСИН России, а также довузовском и послевузовском профессиональном образовании. Простое перечисление преподаваемых сегодня учебных дисциплин, курсов, практикумов, тренингов может занять много времени. Большая часть из них носят оригинальный характер, среди которых представлены все основные отрасли юридической психологии: пенитенциарная, общая, вузовская, социальная педагогики и другие. Конечно, это требует высокого уровня разнообразной компетентности преподавателей кафедры.

Необходимо отметить, что профессорско-преподавательский состав кафедры всегда отличал высокий профессионализм, богатый практический опыт, в том числе работы в ИУ и ОВД. В прежние годы за плечами у большинства преподавателей был не только относительно большой жизненный путь, но и практический стаж работы с осужденными (Натрусный Иван Николаевич, Соколов Николай Иванович, Егоров Виктор Емельянович, Григорьев Юрий Львович, Чернов Юрий Александрович, Васильев Владимир Васильевич, Акумов Вадим Иванович и другие). Некоторых из них, к сожалению, уже нет в живых.

Впоследствии профессорско-преподавательский состав кафедры значи-

тельно помолодел. Это напрямую связано еще с одним этапом ее развития. 21 марта 1991 года был образован психологический факультет, называвшийся тогда факультетом подготовки психологов. Два года спустя, наряду с кафедрами общей и социальной психологии, в структуру факультета, который возглавил первый доктор психологических наук нашего вуза, профессор Деев Виталий Григорьевич, вошла кафедра юридической психологии и педагогики.

Руководил ею в тот период Ушатиков Александр Иванович, ныне—доктор психологических наук, профессор, «Заслуженный работник высшей школы», почетный профессор академии. Коллектив кафедры обеспечивал специализированную юридико-психологическую и педагогическую подготовку обучающихся психологов-практиков ИТУ. Прогнозируемый образ этого специалиста был представлен в разработанной квалификационной характеристике. Пенитенциарное содержание подготовки оформлялось непосредственно в ходе образовательного процесса. В короткие сроки преподаватели кафедры (М. В. Тимашев, В. А. Семенов, В. В. Васильев, О. И. Шеламов, Ю. Л. Григорьев, С. А. Лузгин, В. И. Серов, а позднее В. М. Поздняков и О. Г. Ковалев) под руководством В. Г. Деева и А. И. Ушатикова разрабатывали принципиально новые, не имеющие аналогов учебные дисциплины пенитенциарно-психологической специализации, адаптировали в исправительных учреждениях тесты, методики, технологии, создавали оригинальные учебники, учебные пособия. Много усилий было направлено на поиск и апробацию организационно-структурной модели психологической лаборатории,

соответствующей службы в практических органах, подготовку исправительных учреждений к восприятию инноваций, а также формирование готовности выпускников-психологов к преодолению объективных и субъективных трудностей, ожидавших их на практике. Ведь психологи должны конкретным образом изменить карательные стереотипы в подходе к осужденным на гуманистические.

Своеобразным катализатором развития психологической службы факультета и выпускающей кафедры стало введение в штаты практических органов должностей психологов. С середины 90-х годов появился устойчивый спрос на кадры юридических психологов. Пришло осознание их объективной необходимости и даже незаменимости. Вырос и авторитет кафедры.

Без излишней скромности можно сказать, что организаторская, научная, учебно-методическая и иная работа была проведена громадная. Она заложила основы современной специализированной подготовки психологов для УИС.

В этом несомненно заслуга всех преподавателей и сотрудников (начальников кабинета, методистов, лаборантов). Наиболее тяжелой всегда была работа руководителей кафедры. За эти годы ее, кроме А. П. Краковского, возглавляли профессор Купцов И. И. и профессор Ушатиков А. И., доценты Соколов Н. И., Семенов В. А., Лузгин С. А., тогда доцент, а сегодня профессор Ковалев О. Г., профессор Тюгаева Н. А. Вот уже почти десять лет до сегодняшнего дня начальником кафедры работает доцент Михалева И. В.

За прошедшие пятнадцать выпусков по очной и заочной формам подготов-

лено около тысячи дипломированных специалистов-психологов, работающих в разных органах всех регионов России. Почти каждый десятый из них получил диплом с отличием. Они составляют основу психологической службы органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы России. Многие из них стали руководителями этих служб.

Совершенно естественно, что некоторые из них, поработав на практике и успешно защитив кандидатские диссертации, пополнили ряды преподавателей нашей кафедры (В. Е. Матвеев, С. В. Горностаев, И. В. Лаврентьева, Н. А. Полянин, А. М. Лафуткин, Ю. Ю. Красикова, Д. В. Пестриков), других кафедр академии (Г. В. Щербаков, В. Н. Савардунова, О. А. Тоболевич, А. В. Молоствов, Ю. В. Славинская, Е. Е. Гаврина), других вузов и НИИ. Очевидно, что это признак живого, здорового организма, каким является кафедра, — способность к репродукции, воспроизводству хороших кадров и не только преподавательских, но и управленческих.

А скольким людям, не относящимся к системе, кафедра дала дорогу в научно-педагогическую жизнь, не только готовя их к защите (за годы ее функционирования было защищено 8 докторских и около 50 кандидатских диссертаций), но и выступая в качестве ведущей организации, научных руководителей, оппонентов. Соискателями и адъюнктами кафедры являются не только сотрудники правоохранительных органов, но и специалисты других ведомств, занимающиеся проблемами юридической психологии и педагогики.

В настоящее время на кафедре работают 27 сотрудников. Весь профессорско-преподавательский состав имеет

ученые степени и звания. Он представлен пятью докторами наук, профессорами (В. М. Литвишков, Н. А. Тюгаева, А. И. Ушатиков, Д. В. Сочивко, А. А. Романов); семнадцатью кандидатами наук (И. В. Михалева, А. В. Наприс, В. И. Новиков, В. А. Семенов, В. И. Серов, С. В. Горностаев, Г. К. Корнеева, В. Е. Матвеев, И. В. Лаврентьева, А. Н. Третьяков, Н. И. Ткаченко, Н. А. Полянин, А. М. Лафуткин, Т. Н. Свиридова, С. А. Лузгин, Ю. Ю. Красикова, Д. В. Пестриков).

Высокий авторитет и признание получили сформировавшиеся на кафедре и широко известные за пределами вуза научные школы. Первая из них — школа доктора психологических наук, профессора, «Заслуженного работника высшей школы РФ» Виталия Григорьевича Деева. Основными направлениями ее научной деятельности являются изучение проблем мотивации и направленности личности, психологического сопровождения оперативно-розыскной деятельности, становления и развития судебно-психологических экспертиз.

Научная школа доктора психологических наук, профессора, «Заслуженного работника высшей школы РФ» Александра Ивановича Ушатикова исследует актуальные проблемы пенитенциарной и прикладной пенитенциарной психологии, волевой саморегуляции личности.

Школой, изучающей проблемы общего и профессионального образования в УИС, руководит доктор педагогических наук, профессор, «Заслуженный работник высшей школы РФ» Нина Алексеевна Тюгаева.

Научно-исследовательская деятельность на кафедре осуществляется не только в традиционных формах (участие преподавателей в международных и рос-

сийских научно-практических конференциях, семинарах, тренингах, кружковая работа), но и таких родившихся на кафедре и факультете, как ежегодные психологические школы (их проведено уже двадцать), Макаренковские педагогические чтения (традиция проведения которых в последнее время, к сожалению, стала утрачиваться), Деевские чтения и научно-практические конференции памяти профессора В. Г. Деева (традиция родилась в 2001 году после смерти нашего коллеги). К их проведению привлекались и привлекаются ведущие отечественные ученые (Ю. М. Антонян, И. П. Башкатов, А. А. Бодалев, В. А. Васильев, А. Н. Гусев, М. Г. Дебольский, М. М. Коченов, А. И. Кудрявцев, В. М. Поздняков, А. И. Папкин, В. Ф. Пирожков, А. В. Пищенко, А. М. Столяренко, М. П. Стурова), зарубежные специалисты (А. Н. Пастушеня, Ф. Хохштрассер, Х. Бюльманн), а также практические работники уголовно-исполнительной системы.

Под руководством профессора кафедры, доктора психологических наук Д. В. Сочивко активно работает общественная психологическая лаборатория «Криминальная деструктивность личности». Результаты исследований социально-психологических проблем преступности реализуются в диссертационных исследованиях, внедрении в практику, научных публикациях.

Будучи практико-ориентированной, кафедра поддерживает разнообразные устойчивые, плодотворные связи с УФСИН—ГУФСИН Орловской, Рязанской, Тульской, Калужской, Воронежской областей, Краснодарского края, Республики Мордовия.

Широкий спектр научной проблематики, взаимный интерес к ее исследова-

нию и научная привлекательность преподавателей кафедры позволяют развивать партнерские отношения не только с ведомственными образовательными и научными учреждениями УИС России, но и с Академией управления МВД России, НИИ МВД РФ, Санкт-Петербургским университетом МВД России, МГУ им. М. В. Ломоносова, Коломенским государственным педагогическим институтом, РГУ им. С. А. Есенина и другими вузами.

Сегодня реальный социальный спрос на юридические и пенитенциарные психолого-педагогические знания растет, что служит основанием для дальнейшего уверенного развития кафедры.

Проблемы оценки мотивации персонала уголовно-исполнительной системы

А. Ю. Долинин

В настоящее время Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России) осуществляются мероприятия по дальнейшему реформированию деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС), в которых сохраняется приоритет работы с личным составом. Главным условием эффективности функционирования учреждений и органов ФСИН России является подбор, расстановка, обучение и воспитание кадров, разрешение социальных вопросов в период службы. Ведомственная аналитическая программа «Кадровое обеспечение деятельности УИС на 2007–2009 годы» ставит своей целью обеспечение стабилизации профессионального ядра сотрудников ФСИН России за счет оптимального баланса процессов обновления и сохранения численного и качественного состава кадров. Вместе с тем анализ состояния работы с кадрами свидетельствует о том, что мотивация службы в УИС в качестве пожизненного выбора стимулируется явно недостаточно.⁴⁷

Являясь составной частью правоохранительных органов России, УИС многофункциональна, так как не только исполняет наказания в виде лишения свободы или без изоляции от общества, но и организует привлечение осужденных к труду, проводит санитарно-профи-

лактическую работу и лечение осужденных, занимается оперативно-розыскной деятельностью, принимает участие в социальной работе с осужденными и контроле за их поведением, осуществляет общую и профессиональную подготовку специалистов. В связи с этим сотрудники УИС, обладая одинаковым правовым статусом, относятся к различным профессионально-квалификационным группам, что порождает определенные трудности при оценке всей системы мотивации персонала УИС.

Ученые отмечают, что проблемы мотивации сотрудников в теории и практике управления УИС для современных условий функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, разработаны недостаточно. Вместе с тем они делают вывод о том, что современное трудовое сознание российских граждан отличает отчуждение труда. Прежде всего, это касается работы в общественном производстве, к чему приравнена деятельность сотрудников УИС.⁴⁸

Рассматривая проблемы оценки мотивации персонала УИС, по нашему мнению, в первую очередь необходимо сосредоточить усилия на решении двух взаимосвязанных задач:

1. выработать систему оценки действительности мотивационного механизма УИС;

⁴⁷ См.: Концепция развития кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы на период до 2011 года. М., 2007. С.3.

⁴⁸ См.: Организация управления в уголовно-исполнительной системе: Учеб.: В 3 т./Под общ. ред. Ю. Я. Чайки. Рязань, 2002. Т. 2. С. 440.

2. определить структуру мотива персонала УИС и, как ее составную часть, всесторонне изучить потребности, которые хочет удовлетворить конкретный сотрудник, и что ждет от него руководство структурного подразделения.

При выработке системы оценки деятельности мотивационного механизма УИС необходимо учесть, что работники, получающие удовлетворение от своей работы, более мотивированы и работают эффективнее, а неудовлетворенность своей работой приводит к текучести кадров или абсентеизму.

Теория управления персоналом исходит из того, что оценка результатов действия мотивационного механизма требует своего количественного выражения и детального качественного описания. Для субъекта управления (организации в целом) результаты могут выражаться статистическими показателями, например, производительностью труда, качеством продукции. Для объекта управления, то есть конкретного сотрудника, это может быть: степень удовлетворенности работой, уровень материального благополучия.

Для оценки действенности мотивационного механизма УИС целесообразно применить анализ официальных статистических данных о работе с кадрами УИС в целом и отдельных ее учреждений и органов.

Несмотря на наличие положительной динамики в работе с кадрами УИС, остается нерешенным ряд проблем, что подтверждается официальными статистическими данными и результатами проведенных в последние годы социологических исследований.

О положительных итогах кадрового обеспечения деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в

2008 году свидетельствуют следующие данные: число сотрудников, принятых на службу в УИС за год, превышает количество уволенных на 17% (3 855 чел.). На 7,6% (67 чел.) по сравнению с 2007 годом уменьшилось число сотрудников, уволенных по отрицательным мотивам.

Вместе с тем приходится констатировать, что, несмотря на принимаемые в 2008 году меры по укреплению кадрового состава ФСИН России, наличие положительной динамики, основные показатели, характеризующие работу с персоналом УИС, сохранились на уровне 2007 года. Следует отметить некоторое увеличение в 2008 году по сравнению с 2007 годом оттока из УИС молодых специалистов, прослуживших менее года (6,5%—в 2008 году; 5,6%—в 2007 году). В ряде регионов количество уволившихся в первом полугодии 2008 года составило 6-9% от общей численности личного состава, вакантными остаются 7-12% штатных должностей. В связи с этим 45% должностей младшего начальствующего состава, который несет службу по охране осужденных к лишению свободы, укомплектовано лицами женского пола. В крупных промышленных центрах часть должностей вынужденно замещается иногородними сотрудниками, несущими службу вахтовым методом, что повышает риск чрезвычайных происшествий в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Кроме того, увеличилось число сотрудников, уволившихся из уголовно-исполнительной системы по выслуге срока службы, дающего право на пенсию, что не позволяет соблюсти принцип преемственности.

Представляется, что одним из важных косвенных показателей оценки

действенности мотивационного механизма УИС является некомплект начальствующего состава УИС. В качестве критериев оценки мотивации в УИС предлагается использовать и другие показатели, например, текучесть кадров, под которой понимается движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворенностью работника рабочим местом (условиями труда, быта и т. д.) и неудовлетворенностью организации данным работником (его недисциплинированностью, систематическим невыполнением обязанностей без уважительных причин и т. д.).⁴⁹ В первом случае текучесть кадров принято называть «активной», а во втором — «пассивной». Текучесть кадров может быть внутриорганизационной и охватывать при этом неорганизованные (непланируемые, стихийные) трудовые перемещения внутри организации или внешней — между организациями, отраслями, сферами экономики.

В УИС под внутриорганизационной текучестью кадров следует понимать перевод сотрудников по службе в другие подразделения ФСИН России, связанные с субъективными причинами. При этом, безусловно, подразделения, сотрудники которых откомандированы, могут претерпевать определенные кадровые трудности. Однако наибольшую озабоченность вызывает внешняя текучесть — увольнение сотрудников из УИС, а также их перевод по службе в другие правоохранительные ведомства, например, МВД России.

Рассматривая проблемы текучести кадров в УИС, необходимо, в первую очередь, анализировать количественные и качественные показатели сотрудников, уволенных по следующим основаниям: по собственному желанию; по окончании срока службы, предусмотренного контрактом; в связи с нарушением условий контракта; по служебному несоответствию в аттестационном порядке; за грубое нарушение либо систематические нарушения дисциплины; за совершение проступков, несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам сотрудника.⁵⁰ Увольнение по трем первым основаниям может носить не только субъективный характер, что характерно для текучести кадров, но и объективный. Проведенное исследование показывает, что если условия службы, размер заработка и бытовые условия устраивают сотрудника, то он не увольняется.

Официальные статистические данные показывают, что за последние пять лет около половины всех уволенных сотрудников прекращали службу в УИС по мотивам, относящимся к текучести, причем треть от общего числа уволенных по всем основаниям увольняется по собственному желанию, что конечно не способствует стабилизации кадровой обстановки, а также свидетельствует о недостаточной мотивации сотрудников к службе в подразделениях ФСИН России.

Кроме того, статистические данные свидетельствуют о том, что за тот же

⁴⁹ Управление персоналом: Энциклопедический словарь/Под ред. А. Я. Кибанова. М.: Норма. Инфра-М, 1998. С. 378-379.

⁵⁰ Долинин А. Ю., Акчуринов А. В., Брыков Д. А. Факторы, влияющие на текучесть кадров учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: аналит. обзор. Рязань: Академия ФСИН России, 2007. С. 7.

период тенденций к резкому увеличению числа уволившихся сотрудников УИС, относящихся к одним профессионально-квалификационным группам, по отношению к другим группам, не наблюдается. Следовательно, основные причины увольнения сотрудников по мотивам, связанным с текучестью кадров, одинаковы для всех подразделений УИС и к ним относятся: неудовлетворенность условиями прохождения службы, организацией и режимом труда на рабочих местах; несоответствие денежного довольствия и организации системы социального обеспечения объема сложности и напряженности служебной деятельности сотрудников УИС; отсутствие четкой и логической нормативной регламентации правового статуса сотрудников УИС; профессионально-квалификационные мотивы; недостаточная организации системы адаптации молодых сотрудников.⁵¹

В теории управления персоналом под абсентеизмом понимается уклонение от выполнения обязанностей без уважительной причины. На практике это выражается в фактах нарушения сотрудниками служебной дисциплины и законности. Статистические данные о состоянии дисциплины сотрудников УИС свидетельствуют о снижении в рассматриваемый период случаев нарушения дисциплины сотрудниками УИС. Однако число нарушений исполнительской дисциплины в подразделениях УИС остается высоким и составляет около 50% от общего числа нарушений. Поэтому этот показатель представляется весьма важным в оценке мотивации персонала УИС и свидетельствует о не-

достаточной мотивации сотрудников к службе.

Предлагаемые для оценки действенности мотивационного механизма УИС статистические показатели не отражают структуру мотива конкретного сотрудника, однако их сравнительный анализ характеризует уровень стабилизации кадровой обстановки в целом по УИС, по Федеральным округам УИС, либо по отдельным территориальным органам, учреждениям УИС, который свидетельствует о мотивации сотрудников к службе в подразделениях ФСИН России.

Для определения структуры мотива персонала УИС необходимо применять социологические исследования, роль в организации которых отводится кадровым подразделениям и службам психологического обеспечения органов и учреждений УИС.

В практике управления персоналом наиболее часто используются следующие методы изучения мотивации: анкетирование (опрос), тестирование, экспертные оценки, беседа, наблюдение.

Представляется, что в первую очередь для изучения мотивации сотрудников УИС необходимо применить анонимное анкетирование, которое позволит определить структуру мотива персонала учреждений и органов УИС. С помощью анкетирования можно изучить потребности, которые хотят удовлетворить сотрудники, а также дать оценку результатов действия мотивационного механизма конкретного подразделения. При этом необходимо учитывать, что использование нескольких методов одновременно в комплексе повышают объективность исходной информации и

Там же. С. 13-14.

повышает качество принимаемых на ее основе решений.⁵²

Сохранение кадрового потенциала УИС, сокращение текучести кадров, снижение некомплекта может быть достигнуто осуществлением комплекса необходимых мер, направленных на закрепление кадров, совершенствование и максимальное использование всех имеющихся возможностей мотивации

сотрудников к служебной деятельности. Начальным этапом разработки эффективной системы мотивации персонала УИС должно стать решение двух взаимосвязанных задач: выработка системы оценки результатов действия мотивационного механизма персонала УИС; определение структуры мотива персонала УИС.

⁵² См.: Магура М., Курбатова М. Методы изучения мотивации//Управление персоналом. 2007 г. № 13-14.